
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Леонид Иванов
(г. Тюмень)

ТОСКОВА-А-АЛ

*Руководитель Тюменской писательской организации Союза писателей России.
Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

— Тосковал Федор-то Андреич! Ой, тоскова-а-ал! — баба Маня уголком повязанного под подбородком платка вытерла глаза, хотя слез вроде бы и не было.— Как Клавдию-то схоронил, так и затосковал. Онеить душа в душу шестьдесят годков прожили и, поверишь ли, ни разу не ругивались. Да, тоскова-а-ал. Да и она, видать, там тоже поему тосковала, вот и забрала к себе. Ить как раз на сороковой день и забрала. Помянули, как полагается, на погост сходили, потом чаю попили, по рюмочке на помин души выпили. Утром прихожу, а Федор-то Андреич все сидит в красном углу, к стене привалившись. Видать, сразу опосля нас и помер сердешный. Слава те, господи, что не намаялся. Тоскова-а-ал дед-то. Переживал, что на похороны Клавдеи ни Тамарушка, ни ты не приехали.

— Баба Маня,— а тебе сколько лет?

— Ой, голубок ты мой сердешный, дак я и сама уже забывать стала. У миня уж внучка на пензиюлонись вышла. На северах работала дак на пять годков раньше отпустили. А мне-то самой уж девяносто скоро стукнет.

— Здорово! — восхищенно сказал Андрей.

— Дак и чо здорово-то? Здорово, когда не болит ничо, а когда то суставы стонут, то голова кружится, дак уж и здорова-та мало. Ладно, пошли-ка, вон старухи уж почти до деревни доковыляли. Не догнать.

Андрей еще раз обвел взглядом могилки деда и бабки, поправил прислоненные к крестам привезенные им из города венки, поклонился. Баба Маня трижды перекрестилась, и они пошли с погоста.

Не смотря на свои почти девяносто, баба Маня шла довольно резво. Старух, конечно, не догнали, но и к дому Федора Андреевича пришли немногим позднее их. Баба Маня перед дверью посторонилась, пропуская Андрея вперед. Он, было, хотел зайти следом, но она подтолкнула:

— Тибе первому нада с погоста.

Едва Андрей переступил порог, как стоявшая сбоку от двери старушка брызнула ему в лицо изо рта водой. Он отпрянул в сторону, потянулся утереться ладонью, но ему услужливо подали полотенце.

— Не обижайся, милоч, так полагается. Это чтобы печаль смыть. Дед-то твой в приметы не верил, вот и тосковал.

Не пошедшая на кладбище Зинаида, которую Андрей почему-то так и не мог вспомнить, вымыла пол, прибрала в доме, накрыла стол. Пришедшие с погоста помыли под рукомойником руки с мылом, прошли к столу. Снова, как на кладбище, помянули усопшего кутьей, несколько старушек перекрестились на висевшую в углу икону Николая Угодника, защищающую от нищеты и нужды, выпили, не чокаясь, по граненой стопке водки, съели по блину.

Зинаида принесла кастрюлю сваренной на курином бульоне лапши, разлила по тарелкам.

— Андрюшенька, скажи слово за деда,— обратилась к нему баба Маня.

— Хороший был человек! Как в таких случаях говорят, царствие ему небесное и пусть земля ему будет пухом.

Андрей не знал, что еще можно сказать в таких случаях про своего только что похороненного деда, поэтому замаялся.

— Да, и его светлый образ навсегда останется в нашей памяти,— добавил он дежурное, что обычно пишут в некрологах.

— Святой был человек,— добавила баба Маня.— Никому хорова слова не говаривал. А уж с Клавдией-то как любо жили! Душа в душу,— повторила она уже сказанное на кладбище.

— Да уж, да уж,— вполголоса заговорили старушки. Мужиков, что копали могилу и хоронили деда, за столом, вопреки обычаю, не было. Они взяли две бутылки водки и уехали работать, обещая зайти вечером и помянуть честь по чести.— Клавдея-то порой, бывало, и прикрикнет, а он смолчит и все. Уж чево-чево, а не ругивались, это правда.

— А мастеровой-то какой был! — поддержала Зинаида.— И по дому все умел, и топором потесать, и доску строгнуть. А печки, почитай, у всей деревни его руками сложены.

— Да-а-а, мастер был, царство небесное...

— И какой мастер! Печку-то зимой как протоплю, дак все тепло в доме остается, не выдувает. И окна не плачут, хоть какой мороз.

— Ево лежанкой я только и спасаюсь. И простуду выгоняю, и поясницу лечу, когда прихватит.

Выпили чаю с принесенными кем-то из соседок ягодниками и стали расходиться.

— Ты, Андрюша, мужики-то ввечеру придут, дак зови миня,— говорила Зинаида.— Я угощение-то сделаю. Не мужицкое дело стол накрывать да посуду мыть.

— Хорошо, спасибо больше! Я обязательно позову.

— Вон на той стороне дороги дом с зелеными окнами. А то можно и у нас стол собрать.

— Нет, Зинаида, не гоже поминки в чужом доме устраивать,— урезонила баба Маня.— Не по-людски это. Да и беду накликают можно. Ох, жалко, што матушка-то твоя Тамарушка не приехала. Жалко!

— Так я же говорил, что она в больнице лежит.

— Вот и на похороны Клавдии-то тебя дед ждал да ждал, не дождался. И на погосте все на дорогу поглядывал, не едешь ли.

— Да я за границей в командировке был. Я ведь и узнал-то уже только спустя неделю, когда домой вернулся,— в который уже раз меньше, чем за сутки оправдывал-

ся Андрей. Все в деревне это уже знали, но каждый в отдельности хотел сказать ему, как ждал его дед на похороны бабки. И что тосковал очень.

Когда все ушли, Андрей сел к столу, налил стопку водки, еще раз мысленно пожелал деду царствия небесного, выпил, медленно обвел взглядом внутреннее убранство дома. В последний раз был он здесь несколько лет назад, но ничего с тех пор не изменилось. Все было на прежнем месте, так же стояли в застекленной горке граненые стопки и привезенная им из-за границы красивая чайная пара из тонкого китайского фарфора. Наверняка, за все эти годы никто ни разу не пил из этой чашки чай, а служила она украшением да поводом похвастать перед односельчанами иностранным подарком внука.

Все в доме было, как всегда, только на этот раз по давнему обычаю на зеркало и экран старенького телевизора были наброшены полотенца. На телевизоре стояло блюдечко с поставленной на него накрытой давно зачерствевшей скибкой хлеба стопкой, водка из которой тоже почти полностью испарилась. Значит, дед не убирал эту поминальную стопку с самых похорон и в знак траура не включал телевизор.

— Тоскова-а-ал! — вспомнил Андрей не раз сказанное бабой Маней слово.

Затоскуешь тут в одиночестве, когда не с кем перемолвиться словом. Тем более, что прожили вместе больше шестидесяти лет, с того самого дня, как пришел дед с фронта и почти сразу же женился. Просто удивительно, подумал вдруг Андрей, но ведь они все эти годы, кажется, ни разу не разлучались даже на несколько дней. Ну, да! Насколько он знает, ни один из них не бывал в санатории или на курорте, не ездили ни разу к дочери в город. Это они с матерью навевывались в деревню. Иногда вместе, иногда, если Андрей уезжал в детский оздоровительный центр, мать навещала родителей одна.

— Поразительно! — сказал Андрей, удивившись, что его дед и бабка ни разу в жизни не расставались. И тут же удивился, что произнес это слово вслух, хотя был в доме один. — Да, тут затоскуешь!

Он вышел в ограду, сел на лавочку возле стены, где еще совсем маленьким не раз сидел с дедом. Ему тогда не сиделось, он все порывался сорваться и куда-нибудь бежать, а дед обнимал его за плечи и просил посидеть с ним рядом.

— Набегаешься еще, — говорил он. — Вот вырастешь, набегаешься по белому свету, придешь, сядешь на эту лавочку, а нас с бабкой уж и нет. И не к кому прижаться, пожалиться. Посиди ишо маленько. Побудь с дедом.

Эти слова Андрей слышал и будучи еще совсем маленьким, и уже достаточно взрослым, когда учился в старших классах. Ребенком не сиделось, потому что надо было бежать к ребятам, а будучи старше как-то стеснялся проявления этой дедовой нежности. Мать растила его без отца, держала в строгости, считая, что только так сможет вырастить его закаленным, готовым к суровостям жизни. Бабушка, наоборот, пыталась дать то, чего не получал от матери. Она окружала его такой заботой, что даже в совсем юном возрасте он стеснялся, а когда подрос, бурчал, что не маленький, чтобы с ним сюсюкать. А теперь сидел на лавочке и вспоминал, как бабушка по утрам гладила морщинистыми сухонькими ладошками его голову, и он удивлялся, что такие скрюченные и мозолистые пальцы могут быть такими нежными.

Он бы сейчас прижался к деду, сам бы обнял его за костлявые плечи, но нет уже деда. И никогда больше не будет. Прав он был, говоря, что потом некому будет пожалиться. Андрей бы и не стал жалиться, он бы просто сидел рядом, такой молодой и сильный, и чтобы дед молча смотрел на него и радовался, что у внука все хорошо. А бабушка бы тоже сидела на ступеньках, как это часто бывало по вечерам, и любовалась бы ими, своими родными, как она говаривала, мужчинками.

Баба Маня говорит, что дед тосковал. Тоскова-а-ал... Затоскуешь тут, когда каж-

дая мелочь напоминает о былой силе, которую не вернуть, об ушедшей из жизни жене, о стремительно пролетевших годах, и когда остается только ждать собственного конца. Тяжело, наверное, вот так сидеть и ждать смерти, которая уже не пугает, потому что впереди нет ничего светлого и радостного. Единственная дочь вот уже тоже на пенсии, внук мотается по белому свету, раз в несколько лет заглядывая к старикам в деревню, где скоро начинает скучать по привычной шумной городской суете. Сходить поговорить к соседям? Так ведь все уже переговорено на много раз. Газеты не ходят, это раньше выписывали много всяких — от районной «сплетницы» до самых что ни на есть центральных. Клавдия, как помнит, всегда первым делом оформляла «Крестьянку» да «Работницу». А потом и эти стали и слишком дорогие, и запестрели рекламами дорогих, совсем не крестьянских одежек и украшений.

Вот телефон в каждый дом поставили. Им, как семье ветерана войны — в первую очередь. А кому звонить? Мане через дорогу или Зинаиде? Так ведь лучше так сходить. Тамарке в город? Так она сама каждую неделю звонит, с бабкой про пустыки разные треплются. На озеро отходил — ноги не те, да и законов всяких напридумывали, что нельзя сетками ловить. Браконьерство, видишь ли! Да раньше, пока все общественное было, всей деревней сетки круглый год ставили, рыбой жили, а теперь какие-то вроде аж из самой Москвы хозяева объявились...

Обо всем этом, помнится, дед с горечью рассказывал Андрею, когда он приезжал навестить стариков, и укорял, что они, журналисты, не пишут про эти дела, а все выискивают разного рода страшилки. Вон, недавно «сплетница» писала, будто в их леса какой-то снежный человек водится. Да отродясь тут про таких никто не слышивал, а уж мужики все леса вдоль и поперек исходили на охоте-то.

За этими воспоминаниями Андрей вдруг встрепенулся, что за сутки, как он приехал в деревню, его телефон, не умолкающий в городе даже поздним вечером, не звонил ни разу. Достал из кармана мобильник, посмотрел на экран. Сети не было.

— Надо же! — удивился почему-то. — Вроде в самых глухих местах связь теперь есть, а тут, всего-то в каких-то полутора сотнях от областного центра, он оказался оторван от жизни. В прошлый приезд не было, но ведь уже столько времени прошло, могли бы где-нибудь поблизости и поставить вышку.

Зашел в дом, достал из рюкзака ноутбук, положил на стол, и только тогда вспомнил, что без мобильной связи и с ноутом в интернет не выйти. Захлопнул крышку и стал смотреть в окно на медленно наползающие из-за деревни сумерки. Скоро должны заявиться мужики, что копали могилу и хоронили деда. До их прихода надо было чем-то заняться.

Андрей встал, открыл верхний ящик комода, где раньше лежали фотографии и поздравительные открытки. Они никогда не выбрасывались, а складывались стопочками и перевязывались разноцветными ленточками. Все это добро было на прежнем месте, накрытое большой тетрадкой с картонными корочками. Эти тетради именовались амбарными книгами. Андрей помнил их еще с тех пор, когда приезжал на каникулы, а дед, работая счетоводом, просиживал вечерами за разными бумагами и переписывал из них в такие же амбарные книги какие-то цифры, по несколько раз пересчитывал их на счетах, весело стуча нанизанными на проволоки деревянными костяшками.

— Странно, — подумал Андрей. — Неужели дед на старости начал сводить баланс семейного бюджета? Или вдруг решил пересчитывать сальдо-бульдо бывшего колхозного баланса?

Достал из ящика эту книгу с привязанным к ней тонкой капроновой ниткой химическим карандашом, открыл первую страничку. Крупным почерком на ней было написано: «Я ушел на озеро. 04.30». Ниже стояла вторая запись: «Сударыня! Не со-

изволите ли Вы почистить рыбу и сварить уху? 12.15». А еще ниже другим почерком: «Сами не баре! Я с Вами не намерена за одним столом сидеть до тех пор, пока не услышу извинений. 12.20».

Андрей заулыбался. Значит, эта книга была семейным бортовым журналом, при помощи которого общались между собой почему-то поссорившиеся дед и бабушка. Перелистнул страницу.

«Сударыня! Уха получилась вкусной. Рекомендую отведать. 13.45» «Спасибо! Сыта по горло Вашей наглостью. Без ухи проживу. 13.50» «Ну, как знаете! Было бы предложено. 13.55» «А перец куда задевали? 13.58» «Глаза разуйте! Где был, там и лежит. 14.00»

Эта переписка была настолько умильной, что Андрей сел на стул и во весь голос рассмеялся. Ай да старики! Это же надо додуматься! Поссорились, не хотят друг с другом разговаривать, переписку затеяли. Ой, молодцы!

«Не пойти ли нам спать, сударыня? 21.45» «Я с таким кобелем не намерена спать в одной постели! Лучше на лежанке. 21.46» «Лежанка не топлена — простынете. Заболеете. 21.48» «А заболею да помру, дак Вам хоть руки развяжу. У вас вон уже есть молодуха на примете. 21.50». «Не говорите глупостей, Сударыня! Пойдемте спать. 21.52» «И один поваляетесь в холодной постеле! 21.55» «Да полно глупости-то пороть! Только и делов, что помог бабе стайку отремонтировать. 22.00» «Полдня он стайку ремонтировал. Кобель Вы и никто больше! 22.10. Спокойной ночи!»

Судя по тому, что следующие записи были на другую тему, дед с бабкой этим вечером все же помирились. Поскольку в журнале было указано только время, но не было дат, нельзя было и определить, когда она поссорилась снова.

«Щи — в печке. Кушайте на здоровье, морда бессовестная, кобель несчастный! Не знаю, сколько времени. Могли бы хоть часы отремонтировать, а не по чужим дворам шляться». «Часы отремонтировал. Что еще изволите? Время вечером по телевизору поставите». «Дров-то и я мог бы принести. Чего же не сказали?» «Сама не переломила! Вам силы на молодух беречь надо».

Потом снова шла переписка, что пора ложиться спать. И, похоже, постель снова помирила.

Увлечшись чтением, Андрей очнулся, только когда открылась входная дверь.

— Можно?

— Да, да, конечно! — засуетился Андрей.— Проходите, пожалуйста, к столу! Или руки помыть?

— Да не надо! Не такие уж и грязные,— отмахнулся муж Зинаиды.

— Мне Зинаида наказывала, чтобы, как вы придете, ее предупредил. Она хотела закуску приготовить.

— Да не надо нам тут Зинаиды. И без нее найдем, чем закусить. Выпить-то есть?

— Этого — сколько угодно.

— Вот и ладно! Ну, мужики, помянем Федора Андреича, добрейшей души был человек. Пусть земля ему будет пухом!

Поскольку в доме не было соблюдающих обычаи старух, первым делом выпили, а потом уже закусили кутьей, блинами и рыбником.

Андрей пошел разогревать суп, но Николай его остановил:

— Не суетись ты! Мы и холодного похлебаем. Так даже вкуснее.

— Не надо греть! Не надо,— поддержали остальные.— Мы, это, не интеллигенция. Мы по-простому любим. А не за столом дак и совсем бы хорошо было.

— Да ты, Николай, скажешь тоже, чо нам из-за стола на улицу што ли поминать идти. Нет, покойный в дому жил, тут и положено поминки устраивать.

— Да я это так просто. Мы ведь чаще-то как? На берегу с мужиками. Или возле бани. Напариться, в озеро окупаться, да как по стопарику накатишь!

— Ой, после байны-то душевно! Вот завтрия бабы байну натопят, мы тибя по-нашему, по-деревенски-то венником попотчуем! Ладно, чо расселись-то? Наливай, Никола! Заодно и бабу Клаву помянем. Ой, хорошая у тебя была бабка! Не зря ее дед Сударыней называл. Ну, царствие им небесное! Не заждалась своего Сударя. Быстро к себе призвала. Она ведь ревнивая была! Ну, спасу нет, до чего ревнивая! Как-то на Иванов-день баба Маня пошутила, что дед-то в молодости еще тот ходок был. Мол, и к ней клинья подбивал, даром, что на пять годков старше, а уж молодух так ни одной юбки не пропускал. А баба Клава-то сидит, смотрит так на всех, и непонятки берут — это как же так? В деревне все про всех знают, а она про своего мужа такого да не знала! Ох, кобель проклятуший!

Ну, старухи-то захохотали, мол, разыграли тебя, дуру старую. Разыграли-то разыграли, а она с тех пор стала за дедом приглядывать. Упаси бог, с кем из баб на деревне остановился! А уж если какой вдове по хозяйству чем помог, так потом неделю с ним не разговаривала.

— Погодите, а как же дед печки клал? Ведь, говорят, во всех домах он печки делал.

— Дак она от него ни на шаг не отходила. Он клал, а она глину месила, кирпичи подавала. Ни на шаг от мужа.

— Это что, на восьмом десятке? — изумился Андрей.

— Да и на девятом тоже, — уточнил Николай, и все засмеялись.

И вот теперь стали Андрею понятны те намеки про старого кобеля, что написаны в «бортовом» семейном журнале. Ну, дед! Ну, бабка! Ей богу, как молодые!

Помянули мужики хорошо! Уходили с поминок нетвердой походкой, обещая завтра устроить городскому гостю настоящую баню.

— Ты смотри, Андрюха, не сгузай, — обнимали его по очереди и хлопали по плечу. — Девять ден надо пожить, на погост сходить. А потом можешь и ехать в свой город. Да завтра с бабками сходи на могилку. Положено на другой день после похорон.

Андрей несколько раз благодарил мужиков за помощь, те, в свою очередь, спасибокали за гостеприимство. Расстались у калитки, когда на улице было уже совсем темно.

Вернулся в дом, убрал со стола, помыл холодной водой с мылом посуду, вспомнил, как раньше, когда приезжал в деревню на несколько дней, суетилась возле гостя бабушка, как не могла она нарадоваться внуку, подсаживалась рядом погладить его по плечу, взять в свои скукоженные временем ладошки его руки, а дед сидел с другой стороны почти под иконой и молчал.

— Да, уходят старики, — с тоской подумал Андрей. — Ушли из жизни дед с бабкой, а многие ли останутся в живых через пару лет из тех старушек, что ходили сегодняя на кладбище провожать в последний путь деда Федора? И пусть это были совсем чужие люди, их было очень жаль, потому что уходило вместе с ними что-то очень большое и значимое в его жизни, разрывая невидимую нить с его детством.

Андрей снова взял в руки амбарную книгу, открыл наугад на странице, где была сделана последняя запись.

«Ну, почему ты, Сударыня, меня одного тут оставила? Что мне тут без тебя делать? Пусто на душе и тоскливо. Тоскую!»

Андрей прочитал текст, отодвинул книгу на середину стола и долго сидел молча. Потом придвинул ближе, взял привязанный карандаш и крупно вывел: «Дорогие мои старики, я только сейчас понял, как трепетно вас люблю и буду очень без вас тосковать... Очень-очень!»

Константин Емельянов

(г. Александрия, шт. Вирджиния, США)

ДОРОГА К МЕЧТЕ, ИЛИ ЕСТЬ ЛИ В США КУМОВСТВО?

Родился в городе Алма-Ата, Республика Казахстан, в 1966 году. Окончил Казахский государственный университет (факультет журналистики) в 1989 году. Работал в казахстанских газетах, журналах и на радио. С 1997 года проживаю в США на ПМЖ. Последние публикации — в журналах «Чайка», «Каскад», «Новый Журнал», «Русский Глобус» (США), «Великороссь» (Россия), «Литературная Алма-Ата» (Казахстан), «TheBombayReview» (Индия).

I

Моя трудовая американская биография началась, когда мне уже было за тридцать.

Только что родился сын, и нужно было пополнять бюджет семьи. Да и возиться дома с кричащим круглосуточно младенцем не очень-то хотелось. Жена находилась в послеродовой депрессии и занималась собой и ребенком. К тому же, говорил я себе, не отдыхать же сюда приехал.

В стране, из которой недавно иммигрировал, к тридцати своим годам отработал последних десять лет. Занимал не последнее место в своей профессии журналиста. Надеюсь, не в силу чьей-то помощи.

Обзавелся полезными связями и знакомствами. Помогая кому-то пристроить «очень умного джигита» или «талантливую девчонку», я свято соблюдал главный постулат позднего социализма: ты — мне, я — тебе.

Этот принцип пережил и социализм, и дикий рынок, следовавший за ним. Обычно услуги возвращались ко мне добром, так как помогая кому-то, я знал, что когда-нибудь помогут и мне. Так и происходило.

Здесь же, в Америке, мои иллюзорные надежды на подобное существование разбились вдребезги сразу по приезду. Хоть и говорили, что чем-то канувший в Лету Союз и Штаты были похожи, я категорически это отрицаю. Нет, не были мы похожи ничем!

Первые месяца два я просто просидел дома, фигурально вися у работающей жены-американки на шее. Отец ее, мой тесть, тогда работал перед выходом на пенсию, был на подъеме, занимая высокий пост вице-президента большой железнодорожной компании.

Однако, ни он, ни жена моя о том, чтобы помочь мне с трудоустройством, никогда не заикались. Как говорится, зять — любит взять.

Старые знакомые-иммигранты, наоборот, всячески подкалывали меня тем, что «у тебя-то с женой-госслужащей проблем с работой не будет!». Что действовало на меня, измученного бездельем, безденежьем и безработицей, до того угнетающе, что я все эти отношения прекратил.

В одну из бессонных ночей меня осенило: не принято у них, американцев, помогать друг другу, будь ты родственник, жених или самый лучший друг! Как это принято у нас: русских, казахов, украинцев, узбеков и других жителей бывшего СССР.

Когда жена рассказала, что отец ее, свою родную дочь, даже на бесплатную стажировку в компанию отказался взять после университета, моя уверенность еще раз подтвердилась. В стране победившего капитализма — каждый сам за себя. Без всяких исключений. Это была моя первая усвоенная здесь истина.

Вскоре, еще не приступая к общественно-полезному труду, я выяснил для себя и вторую, тоже очень важную деталь. Все прошлые регалии, звания, медали и должности здесь никого не интересуют. Это работает и в отношении наших иммигрантов, за очень редким исключением.

Если ваша фамилия не Шостакович, Бродский или Солженицын, то придется начинать на той же стартовой площадке, где начинают все выпускники американских средних школ.

Я не раз убеждался, как параллельно мы, иммигранты, и американские вчерашние старшекласники идем по жизни на пути к щедро рекламируемой мечте ноздря в ноздю.

Даже сидим в одних очередях за получением номеров социального страхования, пособий по безработице, водительских прав и т.д.

— Русские? Наши лучшие клиенты! — улыбкой встретила меня пожилая сотрудница офиса социального страхования. Истолковав мой взгляд как немой вопрос, начала объяснять, разгибая (а не загибая пальцы, как у нас), перечисляя:

— Русские всегда приходят на интервью за полчаса до назначенного времени и никогда не опаздывают.

— Приносят все необходимые документы и даже больше, чем надо, — продолжила она. — Наши то, местные, обязательно какую-нибудь бумажку да забудут. Да и заполнены у вас все формы аккуратненько.

— И наконец, — сотрудница местного собеса разогнула последний палец, — вы всегда такие вежливые и никогда не спорите с властями. Ну просто идеальные клиенты! — лучезарной улыбкой опять одарила она, выписывая мне номер социального страхования.

Знала бы эта дружелюбная американка, какие огонь, воду и медные трубы прошли мы все в Союзе, в разных ЖЭКах и ОВИРах. Когда из-за одной неправильно поставленной подписи или запятой советские чиновники заставляли нас снова и снова заполнять бумажки.

II

Мое первое место американской работы — безо всякой протекции — состоялось в местном баре с символическим названием «Последний шанс» (The Last Chance). С исключением того, что для меня это был шанс первый. И работали вместе со мной немало выпускников средних школ.

Позиция официанта или посудомойщика-уборщика посуды (dishwasher/busboy — К.Е.) — наиболее распространенная среди молодых американцев стартовая ступенька будущей карьеры. Ничего зазорного не видят будущие юристы, адвокаты и президенты в том, чтобы по вечерам, несколько дней в неделю, таскать коробку с грязной посудой на кухню, загружать ее в посудомойку и вытирать оставшиеся за кем-то пивные остатки на потёртых столах.

Никаких рекомендаций и интервью для такой работы не требуется. Хозяин заведения посмотрит на тебя мимоходом, перемолвится парой слов и быстро определит, подходишь ты ему или нет. Часто объявления о том, что требуется официант или по-

судомойка печатаются в местной газете или наклеены прямо на дверях бара или ресторана.

В конце 90-х с работой в США не было проблем, как сейчас. Особенно с мало-квалифицированной и малооплачиваемой. Экономика США была на подъеме и малый бизнес, включая ресторанный, процветал восточнее.

В то время подсобные рабочие и прочие любители физического труда необходимы были во многих барах, ресторанах и магазинах. Можно было зайти буквально с улицы и через час уже получить работу.

Хотя редко кто оставался здесь больше года, а тем более двух. Студентам почасовая, пусть даже минимальная оплата, а особенно чаевые (не подотчетные налоговой инспекции) очень помогали платить за аренду жилья и машины. Были и такие, кто из официанта вырастал до должности менеджера по залу, а то и получал свою долю в бизнесе, оставаясь надолго и зарабатывая уже гораздо более серьезные деньги.

Последний пункт ко мне не относился совсем. Да и для позиции официанта был я немного староват и недостаточно хорошо владел английским языком. Клиенты, особенно подвыпившие, говорили невнятно, а исполнения ожидали сиюминутного. Что поделать, клиент всегда прав.

Определили меня на кухню в посудомойки и уборщиком столов. Работа не пыльная. Но мокрая и пахучая. Пожилой черный мужик, по имени Вес (от Wesley, — К.Е.), весь в татуировках, с бритым наголо черепом и постоянно курящий ментоловый Cool, научил меня в два приема загружать машину и правильно убирать столы.

На мой вопрос он объяснил, что неубранный или плохо, наспех убранный стол не отдадут новым клиентам. А значит, создадутся очереди и «патроны», как их еще называют, будут раздражаться. И кто знает, может не придут сюда опять. Что есть худшая новость для любого хозяина подобных заведений. А потому убрать стол от посуды и обьедков и привести его в товарный вид необходимо как можно скорее. И правильно.

— Если хочешь знать, это даже искусство,— поучал меня Вес, укладывая в аккуратные ряды грязные стаканы, ложки и тарелки.— Поверь, ты не хочешь грохнуться где-нибудь в зале с этой коробкой и побить все тарелки. Так у тебя и зарплаты не хватит рассчитаться.

— Да и лучше сделать один-два похода на кухню и загрузить ящик правильно!

Искусству загружать машину и коробки с грязной посудой я научился за неделю. Еще одна ушла на умение балансировать с коробкой, набитой посудой в переполненном зале.

А уже в начале третьей недели Вес милостиво оставлял меня одного в посудомоечной, отправляясь на продолжительные перекуры.

Работал я не полный рабочий день (т.н. part time, — К.Е.), обычно с шести вечера до двух-трех часов ночи. Платили мне минимальную заработную плату, меньше шести долларов в час. Еще двадцатку-другую я получал чаевыми. Вернее, получали их официанты, работающие со мной в смену, а потом делились в отношении три к одному. То есть, себе брали три-четыре доллара из пяти, оставляя мне один-два.

Во времена больших пивных праздников или футбольных матчей народ в бар валил без передышки. В те вечера моя выручка достигала тридцати-сорока долларов за смену. Что до сих пор считается очень неплохим заработком. Те же официанты делали на столах своих постоянных клиентов за вечер сотню баксов, а то и больше. Но им нужно было и поговорить с клиентами, посмеяться и т.д. Я же молча прибегал к опустевшему столу, быстро загружал коробку несвежей посудой, вытирал стол насухо и так же быстро исчезал на кухне. Все мои контакты с клиентами сводились к нулю.

Постепенно, несмотря на ломоту в теле и общую усталость, я в ночную жизнь втянулся. Однако, тут начались размолвки дома. Какой супруге понравится, когда

муж, он же и молодой отец, приходит с работы далеко за полночь, мокрый и вонючий от вытертого за вечер пива! И не только вытертого.

В качестве бонуса каждому из официантов, поваров и посудомойщиков полагался один бесплатный «дринк» после окончания работы. Так и сидели мы еще полчаса после закрытия, потягивая какой-нибудь «Blue Moon» или «Miller Light».

Можно было выпить и больше, но уже за свои. Поэтому, чтобы не спиться совсем и не разрушить молодую семью в самом ее начале, я работу в том баре скоро оставил. Пройдя свое «боевое» крещение пивом и чаевыми.

III

Подобные интеллектуальные работы, типа грузчика в вино-водочном или кассира-распаковщика в свечном магазине, длились недолго, так как обе достались как временные, пока постоянные работники болели или догуливали отпуска.

В свечном магазине я даже научился выбивать чеки на кассе и правильно давать сдачу покупателям (cash register — К.Е.). Немного интереснее, чем таскать тяжести до одури. Но запах свечей всех сортов и размеров доводил до тошноты и головокружения.

Вся одежда моя, и не только рабочая, пропиталась насквозь сладковатым запахом декоративных свечей, несмотря на ежедневную стирку. Вскоре запах стал преследовать меня повсюду, даже во сне, и я был рад, когда вышел из отпуска работник, которого я замещал.

К тому времени, продолжая свое заочное соревнование с американскими старшеклассниками, я усвоил еще один урок местного трудоустройства. Только низкие по оплате должности можно было получить, что говорится, с улицы. Если желаешь работу почище, в офисе и за более высокую плату, то необходимо освоить более «научный» подход.

В первую очередь, составить резюме или краткую производственную характеристику для потенциального работодателя. Неплохо бы и тесты кое-какие пройти, например, количество печатных знаков в минуту на машинке или компьютере, знание офисных компьютерных программ (Microsoft Word, Excel и т.д.— К.Е), знание английского языка (TOEFL,— К.Е.) и прочие навыки.

Такую помощь мне могли оказать только в одном величайшем изобретении капитализма — временном агентстве по трудоустройству (Temporagy Agencies или Temp. Agency — К.Е.), которые есть в каждом населенном пункте США. Рассчитаны они как раз на вчерашних выпускников школ, студентов вузов, вышедших из декрета женщин и недавних иммигрантов типа меня.

Хотя с первой попытки получилось не так уж просто. Вернее, совсем не получилось. Хозяйка агентства — совсем молодая девчонка, много младше меня, тем не менее очень неодобрительно просмотрела мои компьютерные и печатные тесты и лишь обещала позвонить. Если кто-нибудь заинтересуется.

Во втором агентстве меня ожидал, как говорят любители азартных игр, джек-пот. Мой ангел-хранитель, белокурая женщина по имени Мелба, не только помогла мне с составлением резюме, пока коротким, но даже отпечатавала несколько экземпляров для меня и будущих работодателей.

Она же обещала связаться с коллегой из такого же агентства в неподалеку лежащем городке и узнать, нет ли чего-нибудь для меня там. На многое я не претендовал, но все-таки офисный опыт у меня кое-какой был. Тем более искали работника на неделю.

— Всякое может быть,— обнадеживала меня Мелба,— я сама на этой работе уже пятнадцать лет, а пришла так же, как ты сегодня, как временный работник.

После долгих ожиданий мне предложили место в офисе по аренде квартир. Там как раз подыскивали человека, способного внятно отвечать по телефону и на своей машине покатать по комплексу и показать потенциальным арендаторам их будущую обитель. Искали предпочтительно девушку или женщину, но на худой конец готовы были взять и меня.

— Постарайся понравиться и закрепиться,— подбадривала Мелба,— а потом они тебя сами найдут.

Платили в офисе в два раза больше, чем в баре, и в три - в свечном магазине. Да и к рубашке с галстуком я более привычен, чем к фартуку продавца или резиновым рукавицам мойщика посуды.

Так что, вроде, по этой отвесной лестнице я поднялся на одну ступеньку выше.

IV

В конце дня меня отозвала в сторону помощник менеджера квартирного комплекса Сесилия, чернокожая американка лет сорока пяти, с копной жестких волос «а ля Джаннет Джэксон».

— Слушай, парень,— заговорщически понизила голос она,— ты, давай, поосторожнее, ОК?

За что я уважаю афроамериканских женщин, так это за их прямоту. Они не ходят вокруг да около, как их белые коллеги, измученные политкорректностью. Поэтому я хоть и напрягся слегка, но не обиделся и дал ей высказаться.

— Ты возил недавно даму на осмотр однокомнатной? — спросила Сесилия тоном опытного следователя.

Я только что показывал престарелой миссис Питинголо комплекс новых домов, могущих ее заинтересовать. Божий одуванчик с седыми кудряшками, трясущимися как игрушки на новогодней елке, всю дорогу развлекала меня рассказами о своей семье, пока я возил ее на своей машине из одной съемной квартиры в другую. Под конец поездки она долго прощалась, называя меня «Mister Nice Guy».

— Возил, возил,— утвердительно продолжала Сесилия.— Да еще усадил на пассажирское место рядом с собой, а не на заднее. Как положено по инструкции.

— Какой инструкции? — выдохнул я, вспоминая про седые трясущиеся кудряшки.

Терпеливо, как с недоразвитым ребенком, моя коллега продолжала укоризненно качать головой.

— А что случится, если она скажет, что ты к ней приставал? — не отставала Сесилия.

— К кому? — продолжал тупить я, не в силах забыть про качающиеся на елке новогодние игрушки.

— У нас клиенты разные бывают,— зловеще и даже с некоторым осуждением сказала Сесилия.— В прошлом году Джона из-за этого как раз и попросили.

Мои милые американцы! Придумавшие такое невинное развлечение на работе, как «сексуальное домогательство» (sexual harassment — К.Е), согласно которому, коллегу или клиента противоположного пола нельзя было не то что тронуть пальцем, но и даже посмотреть неподобающе в ее сторону.

Сколько карьер было разбито на этой почве! А сколько судебных процессов с неустойкой проведено и еще предстоит!

Видя мое недоумение, переходящее в стыд, как будто я действительно держал в голове черные мысли насчет несчастной госпожи Питинголо, Сесилия смягчила свой гнев на милость:

— Я тебе просто хочу помочь, как нельзя делать. Для твоей же пользы. Мы все здесь как-бы friends и должны помогать друг другу. Так что впредь сажай клиентов

только на заднее сиденье и в одиночку пустые квартиры не показывай! Хоть меня позови!

Заверив Сесилию, что мы с ней очень даже сооl, я подумал, снимая опостылевший за день галстук, о том, как нелегко все-таки зарабатывать свой хлеб. Даже здесь, на цветущих нивах капитализма!

V

Наконец, после месяцев проб и ошибок, зерна моих первых трудовых достижений в виде резюме, составленных аккуратной Мелбой, проросли-таки наружу.

И в один прекрасный вечер мне позвонили и предложили постоянную работу. Там, где я проработал больше полугода! Как когда-то в школьных начальных классах, дружить с девчонкой больше месяца считалось очень долгим периодом. А уж пары, «ходящие» по полгода, вообще просто-таки обязаны были после выпускного бала пожениться!

Уже стало казаться мне, что моя американская мечта очень скоро воплотится в новый дом, машину и внушительный счет в банке. Хотя предлагали всего лишь место русскоязычного телефонного оператора в только что созданной компании «Звездные технологии» или коротко «Startec».

Находилось, правда, это «звездное» местечко неблизко, в соседнем графстве, что примерно в часе езды на машине. Да и платили всего восемь долларов в час, что лишь немного больше минимальной заработной платы. Зато можно было бесплатно позвонить раз в неделю друзьям или родственникам куда-нибудь в Алма-Ату.

Работа была отчасти на русском языке и постоянная. Суть ее заключалась в телефонном соединении иммигрантов из бывшего Союза, живущих в США, с их родственниками из Украины, России, Казахстана и других республик. За довольно смешную цену: что-то около семидесяти центов в минуту.

Работал я по сменам, в дневную и вечернюю, примерно часов шесть-семь в день. Приходилось иногда возвращаться за полночь. И даже однажды выйти на работу рано утром после новогодней ночи.

Компьютерные программы, используемые нашей компанией для короткого воссоединения родственников по обе стороны океана, были достаточно просты. Звонят тебе, скажем, наши клиенты из Нью-Йорка и дают телефон в Киеве или Москве.

Ты набираешь искомый номер, нажимаешь клавишу в компьютере и — вперед! При желании, мы могли, используя технику, слушать то, о чем наши абоненты разговаривают. Но нужды в том не было, да и клиенты поджимали непрерывными звонками.

В свою очередь, наше начальство постоянно слушало нас, операторов, проверяя достаточно ли вежливо и профессионально мы разговариваем с клиентами. И не только русскоязычных телефонистов, но и работавших в компании китайцев, корейцев, индусов, арабов и других. Кстати и сам «Startec» основали выходцы из Индии, чей офис располагался прямо за нашими спинами.

Быть постоянно вежливыми с клиентами было нелегко. При помехах соединения или обрыве разговора, клиенты всегда обвиняли нас, сидящих в одной комнате операторов. Как будто мы специально им связь через океан оборвали.

— Зажрались, дармоеды! — кричал из трубки пожилой дед из Филадельфии, — Туалеты тебе надо мыть, а не по телефону говорить! Дерьмо из унитазов отдраивать!

Тут трубку перехватила его супруга, более вежливая и понятливая пожилая дама, которой я пытался объяснить причину неполадки. Но еще долго неслось с заднего фона, вклиниваясь в разговор:

— Туалеты! Унитазы! Дармоеды!

Обслуживали мы и англоязычных клиентов тоже, из Америки во все части света. Так что доводилось слушать оскорбления и на английском языке.

Однажды я объяснял одному типу из Нью-Джерси причину, по которой мы не имеем связи с Марокко. Недослушав, он вдруг начал обвинять меня в том, что я слишком грубо с ним разговариваю.

— Компания работала бы лучше, не будь ты такой дыркой в з...днице, — бросил он.

— Сэр, кто из нас сейчас кому грубит? — вежливо, как мог, спросил я, раздраемый внутренней злобой, но крепко сдерживаемый трудовым контрактом.

К тому же было трудно забыть, что менеджеры, затаив дыхание, слушают меня сейчас на своей линии.

Удивительно, что, когда связь между Америкой и другими странами работала нормально, клиенты воспринимали это как должное. И очень редко нас, телефонистов и операторов, благодарили.

Однако, стоило случиться малейшей неполадке, то громы небесные метались на наши бедные головы. В результате стрессов и довольно малой за это компенсации уволились в конце месяца сразу несколько русскоговорящих девчонок. На их место пришли молодые люди и девушки, родившиеся здесь, в США, в семьях иммигрантов из бывшего Союза.

Было им немного больше восемнадцати лет, с компьютером они были на «ты», водили новые, а не подержанные, как у меня, блестящие автомобили и легко перепрыгивали в речи с русского на английский. По разговорам и повадкам напоминали они местных «мажоров» и представляли собой поколение «двухтысячников» (millennials, — К.Е.) в наступающем двадцать первом веке.

По-английски они говорили чисто, без акцента, в отличие от меня и других работающих в компании недавних переселенцев.

Еще они ввели в обращение смешанный англо-русский слэнг, типа глаголов «юзать» (использовать, — К.Е.), «сэйфовать» (спасать, сохранять, — К.Е.) и тому подобное. Слышал я от них и фразы по телефону типа:

— Ну мы Вам договор пришлем, а Вы его посайнуйте (от слова «sign» — подписывать. — К.Е.) и все going to be OK.

И самое смешное, их на том конце телефона прекрасно понимали!

Так вот, к тому времени, когда пришла эта смешанно-говорящая русско-американская молодежь, я оставался одним из последних «ветеранов». Хотя и проработал всего полгода. Объявили вакансию на место менеджера по залу, куда входила наша группа телефонистов. Это означало возможность повышения зарплаты, хотя работы стало бы больше. Подумав и решив, что на место могу претендовать, я подал свою заявку.

Через неделю стало известно, что менеджером зала назначили индуса, который, кстати, проработал в компании меньше моего. Работать за небольшую плату в любое время суток после этого мне уже не улыбалось.

Получившему недавно американское гражданство, мне в скором будущем открывались новые перспективы. И хотя я из телефонной компании вскоре ушел, но переqualificироваться в управдомы уже не было нужды.

Михаил Кириллов
(г. Саратов)

ПОСЕЛОК ПЕРЕДЕЛКИНО

Родился в 1933 г., в г. Ленинграде. Окончил Военно-медицинскую академию им. С. М. Кирова. Отслужил в армии 43 года, профессор Саратовского медицинского университета, доктор медицинских наук, полковник медицинской службы, Заслуженный врач России.

Автор 20 литературных произведений.

В семидесятые годы у моей сестры Любы была дача в Переделкино. Ездили к ним и электричкой с Киевского вокзала, и автобусом через Солнцево. Первый путь предполагал дорогу пешком через весь поселок, второй, от Минского шоссе, был короче.

От станции широкая тропа вела через заросшую по берегам речку Сетунь. Через мосток. Далее, на высоком холме, начинался сосновый лес, и по обе стороны улиц поселка за заборами стояли старые, иногда особенной архитектуры, красивые, двухэтажные, дачи. Мы знали, что во многих из них жили известные советские писатели. Но встретится с кем-либо из писателей не удавалось. Видели иногда возле дач только сторожей. Тем не менее, дух избранности выдающихся обитателей поселка все равно как бы витал в этих местах.

Только однажды на платформе станции я встретил писателя. Это был Солженицын, шедший вдвоем с каким-то пожилым мужчиной. Они о чем-то возбужденно спорили. Это было перед его высылкой из СССР. Говорили, что он тогда у кого-то временно здесь жил. Кое-что в то время я уже прочел из его книг, но понравилась мне только одна: «Один день из жизни Ивана Денисовича». Особенно образ апельсиновых корок на снегу... Трудоголик, талантлив. А в главном, судя по его книгам,— воинствующий самоуверенный антисоветчик, временами откровенно злобный, литературный власовец. Со временем я прочел и другие его произведения, и мое мнение о нем не изменилось.

Видел я здесь и известного тогда журналиста Герасимова. Соседа по даче. Видно, к семидесятым годам очень многие писатели, поселившиеся в поселке, состарились, да и видных новых писателей в стране поубавилось. А, может быть, поселок стал уже не так комфортен для жизни.

А раньше-то жили и творили здесь не только Борис Пастернак и Корней Чуковский, но и Роберт Рождественский, и Булат Окуджава, и кинорежиссер Арсений Тарковский, и Александр Фадеев. И даже Леонид Леонов, и Катаев, и Ильф с Петровым. Оказалось, что и мой любимый Константин Паустовский. Жил здесь и Демьян Бедный. И еще десятка два знаменитостей. Средоточие замечательных творцов советской литературы. И свидетельство материальной поддержки писателей советской властью.

Известно было и здешнее мемориальное кладбище, которое размещалось сразу за железной дорогой. Дорога к нему шла мимо окруженного каменным забором патриаршего подворья. В него тогда посетителей не пускали, но из открытых ворот и из-за стен ограды были видны прекрасные купола собора, расположенного во дворе. Купола напоминали храм Василия Блаженного на Красной площади.

На кладбище была и своя небольшая церковь. У входа возвышалась братская могила бойцов, погибших в этих местах во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Немцы были близко отсюда.

Само кладбище показалось мне заросшим и каким-то хаотичным по расположению. Посетители подолгу стояли перед могильными памятниками известных с детства писателей Корнея Чуковского, Бориса Пастернака, Александра Фадеева, Маргариты Алигер, Роберта Рождественского и других литераторов. Я тогда впервые узнал, что создатель «Молодой гвардии» застрелился в Переделкино в 1956 году.

Многие могилы и памятники были даже без оградок. Неприкаянные какие-то. Такая известность при жизни и такая скромная кладбищенская память! Но, наверное, память и должна быть скромной. Известность: она или есть, или ее нет. Если ее нет, тут уж никаким гигантский памятник не поможет. Некоторые посетители, и среди них я, с удивлением узнавали, что все эти писатели жили, умерли и похоронены в Переделкино.

К семидесятым годам, когда я там побывал, золотой век писательского поселка завершился. Поселок все больше напоминал скопление в морском порту у пирса громадных проржавевших кораблей, отслуживших свой срок и обезлюдивших. На кладбище писательских знаменитостей я особенно четко понял, что настоящее постепенно обрастает прошлым, становясь им.

История Переделкино уходит вглубь веков. Упоминается несуществующая уже усадьба каких-то летописных Клычевых — 17 век. С этого все начиналось. Первая, еще деревянная, здешняя церковь. Первое кладбище. Создание здесь в сосновом бору в 30-е годы по решению И. В. Сталина и по инициативе А. М. Горького целого дачного поселка советских писателей (единственного в мире), 50 дач, 50 семей! Какая государственная щедрость в трудные предвоенные, тридцатые, годы! Строительство уже современных соборов Патриаршего подворья — резиденции Патриарха всея Руси Алексия I-го (на то время). Формирование послевоенного мемориального кладбища известнейших писателей, поэтов и артистов и ... происходящее сейчас постепенное увядание поселка. Может быть, с годами и с писателями в стране стало не густо?

Обмеление ранее судоходной реки Сетунь (ранее самого крупного притока Москвы-реки), вырубка здешнего векового соснового бора, старение былых, великолепных писательских дач, некоторые из которых стали ныне музеями, естественное перемещение умерших хозяев этих дач на здешнее кладбище, постепенное забвение их имен при одновременном массовом строительстве в этих местах жилья для неизвестных обывателей: близкая Москва быстро растет.

Было наглядно, как настоящее борется с прошлым, вытесняет его, тут же становясь прошлым. Придет время, и, возможно, люди с трудом уже будут вспоминать, кто такие были Борис Пастернак и Корней Чуковский. Музеи? Да, сейчас они есть. Их пять (в том числе дома-музеи Корнея Чуковского, Б. Окуджавы, Е. Евтушенко). Может быть, со временем станет вполне достаточным и простых памятных дощечек на калитках их бывших дач. Не Пушкин же здесь жил и творил, и не Лермонтов, в конце концов...

Я бы с удовольствием вновь прошелся по этим местам, но, к сожалению, больше ста метров без отдыха я теперь не пройду. Устарел. Я уже не знаю, что в Переделки-

но происходит сейчас (дачу сестра давно продала). Переделкино — это практически прошлое, немного настоящего и музейное будущее (музей своего прошлого). Я знаю, я — ровесник здешнего городка писателей.

Когда человеку 84 года (а мне как раз столько), он невольно становится прошлым. Но в связи с этим, думаю, можно ли вообще вернуться в ушедшее прошлое, что я часто мысленно делаю? Дело не только в Переделкино. В своих книгах я приглашаю вернуться в это прошлое своих стареющих друзей и читателей, но я не уверен, что у всех у них сжимается сердце при встрече с нашей общей памятью. Все ветшает, становясь ненужным, и умирает. Память умирает. А жаль: прошлое, по-хорошему, это, в основном, состарившееся будущее. Что там будущее? Говорят же, что даже могилы стареют. Они-то уж точно спорят с настоящим за место под солнцем.

Обидно, конечно, ну а что поделаешь?! Жаль постепенного исчезновения писательского поселка, поселок-то был поистине золотым. Уволили советское время, и настоящих писателей не стало. Вымирают и читатели. Вполне можно жить только интернетом. Выручила бы реинкарнация, но кто доказал ее возможность? Да и зачем такие непонятные хлопоты: вечность все равно не купишь. Да, наверное, и не нужно. Было бы утомительно и не эффективно.

За поселком Переделкино, сразу за шоссе, березовый лесок и полно грибов: подосиновиков и белых. Мы там раньше часто бывали всей семьей. Слушай, может, махнем туда в следующее воскресенье?

Что это я?!

Наталья Емельянова
(г. Нижний Новгород)

ТАНЯ

Родилась 8 октября 1981 года в Нижнем Новгороде. Окончила филологический факультет Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. В настоящее время работает преподавателем церковнославянского языка и инструктором по фитнесу. Литературным творчеством начала заниматься в девятилетнем возрасте. Является автором поэтических и прозаических текстов.

Публиковалась в альманахе «Земляки» и журнале «Нижний Новгород». Лауреат конкурса «Мой город» в номинации «Проза» с повестью «Почтальон» (повесть опубликована в журнале «Нижний Новгород»). Проживает в Нижнем Новгороде.

I

Впервые я увидела Таню, когда мне было лет пятнадцать. Мы всей семьей переехали на новую квартиру, и я начала изучать незнакомые или малознакомые мне улицы вблизи нашего нового дома. С балкона открывался вид на бурьян, на его месте позже выросла школа, в которую мы с сестрой пошли учиться. За бурьяном был единственный в то время продуктовый магазин, недалеко от него располагалась котельная, а за ней стояли высокие красные дома-гостинки с совершенно игрушечными курительными балкончиками. Эти балкончики вызывали во мне чувство умиления, даже какого-то детского восторга, и я сильно жалела, что не имею возможности на одном из них оказаться. Я любила ходить мимо этих домов. Их окружали заброшенные палисадники, в которых валялась всяческая рухлядь — от драных картонных коробок до полуразваленных стульев, кресел и прочих предметов отслужившей свой век мебели. Среди этой рухляди я часто обнаруживала небольшие компании местных бабушек и дедушек, которые рассаживались в кружок на принесенных из собственных квартир табуретах и с интересом что-то обсуждали. Мне нравилось рассматривать этих странных людей, я специально пролагала свой путь как можно ближе к ним и, проходя мимо них, замедляла шаг. За красными «гостинками» начиналась широкая шумная улица, по которой ходили автобусы, трамваи, автомобили, сновали люди, идущие по своим нескончаемым делам. На противоположной стороне этой улицы располагалась большая красная церковь постройки XIX века (о времени постройки я прочитала позже на памятной табличке, установленной на стене). Несмотря на то, что наш дом и эту церковь разделяла большая улица, в квартире мы всегда слышали колокольный звон, доносящийся из нее. Сейчас, когда вокруг настроили столько новых домов, а на дорогах появилось какое-то невероятное количество машин, в нашей квартире больше не слышно колокольного звона. Но тогда...особенно теплым летним утром колокольный звон всякий раз наполнял все окрестные улицы, наш двор, звучал в каждой нашей комнате...

Однажды, дело было поздней осенью, я шла мимо этой церкви. У железной ограды сидели нищие, недалеко от них кружили голуби (сухонькая желтенькая старушка кормила их пшеном), а немного поодаль вдоль церковной ограды быстро передвигалось какое-то странное существо. Это была маленькая полненькая, кажется, молодая (возраст было невозможно точно определить) женщина с острыми глазками, безостановочно бегающими туда-сюда, с длинным острым носом и тонкими сжатыми губами. Одетая она была в джинсовую юбку ниже колена и черную мешковатую куртку с капюшоном, на голове был светлый сетчатый платок, из-под которого выбивались темно-русые кудри, на ногах — плотные собравшиеся в гармошку колготки и светлые потрепанные кроссовки. Движения этой женщины были мелкие, быстрые, суетливые. Она была похожа на ребенка, однако определенно ребенком не являлась. Она сильно выделялась среди остальных людей, стоящих около церковной ограды или входивших в нее. Однако никто не обращал на нее особого внимания, казалось, ее странный образ был давно всем привычен. Надо заметить, что, хоть эта женщина и находилась недалеко от сидящих у ограды нищих, подаяния она не просила. Да и вообще на нищую не была похожа, образ ее был весьма нелеп, однако было очевидно, что у этого человека есть дом и кто-то, кто проявляет о ней заботу.

Я прошла мимо церкви, мимо странной женщины, и вскоре совершенно позабыла о ней. Вспомнить о ней мне пришлось, когда спустя какое-то время мы с моей школьной подругой вновь встретили ее, проходя мимо церкви. На этот раз странная женщина носилась вдоль церковной ограды совсем уж быстро, иногда подбегала к кому-нибудь из людей и начинала что-то бойко говорить, размахивая руками. Нам с подругой удалось услышать ее голос: он был низкий, резкий, надрывный. Казалось, согласных в ее речи было больше, чем гласных, слова ее напоминали камни, летящие с высокой горы.

— Кто это? — спросила меня удивленная подруга.

Я не нашлась ответить ничего, кроме:

— Юродивая при церкви.

Я весьма плохо понимала значение слова «юродивая», знала лишь, что это были странные люди, которые имели какое-то неясное мне отношение к церкви.

— Как это «юродивая при церкви»? — спросила меня подруга, вероятно вовсе не слышавшая ранее этого слова.

— Ну юродивые — это сумасшедшие, которые при церквях живут, — ответила я.

С тех пор я стала довольно часто встречать ее. Она часто появлялась в различных местах, находящихся недалеко от храма: то я видела ее около продуктового магазина, то возле хлебного киоска, то просто на улице. Она всегда неслась куда-то своим неловким стремительным шагом, точно преследовала совершенно определенную цель. Но какую цель могла иметь эта странная женщина? Любопытству моему не было предела.

Почему-то я любила встречать ее, и всякий раз, если была возможность, я незаметно наблюдала за ней, провожая ее взглядом до тех пор, пока она не скрывалась за каким-нибудь поворотом.

II

Посещать церковь не было для меня привычным делом. Я заходила туда изредка, например, перед школьными экзаменами или с бабушкой — подать записки. Однажды в очень морозный зимний день я решила прогулять занятия по подготовке к поступлению в университет (надо сказать, что эти занятия я ненавидела, мне было очень обидно, что я должна посещать их в свой единственный выходной — воскресный день, в то время, как все люди отдыхают дома, и я нередко эти занятия прогули-

вала). Я около часа побродила по обледеневшим улицам, воздух от мороза был каким-то колючим, дышать было тяжело. Вскоре мои щеки, губы, нос,— да и все лицо начали неметь, а пальцы рук и ног я практически перестала чувствовать.

«Куда бы зайти погреться?» — начала мелькать мысль в моей голове.

Ехать в университет я совершенно точно не хотела. «Может быть, зайти в церковь», — неожиданно для самой себя подумала я. Церковь находилась совсем недалеко от того места, где я шла, и я решила: «Зайду». Быстро проскользнув мимо нищих, сидящих даже в такой мороз у церковной ограды, я открыла тяжелую железную дверь и оказалась в храме. Людей было очень много. Повсюду горело множество свечей, воздух был теплый, даже душный. Я почувствовала, как мое лицо и пальцы рук начали оттаивать, становиться мягче, по телу побежали мурашки, и через минуту я полностью согрелась. В центре храма стояло несколько священников, они что-то пели, хор им откуда-то отвечал. Насколько это было возможно, я подошла к ним поближе, но понять происходящее и разобрать слов, кроме «моли Бога о нас», я не смогла. В какой-то момент священники пошли к алтарю, и вся масса людей хлынула за ними. Меня начали теснить, и я, сопротивляясь толпе, тщетно пыталась сохранить свою позицию.

— Дочка, к Кресту приложись, — услышала я голос слева от себя.

Я обернулась. Передо мной стояла старенькая бабулечка, низенькая, немного сгорбленная, она улыбалась сухим беззубым ртом и смотрела на меня ясными серыми глазами. Я смутилась и сделала шаг вперед. И вдруг перед моим взором появилась та самая странная женщина, «юродивая при церкви», которая каким-то необъяснимым образом вошла в мою жизнь. Она стояла в толпе и быстро крутила головой в разные стороны, иногда она начинала неожиданно улыбаться, иногда — говорить что-то своим низким надрывным голосом. Через несколько секунд толпа спрятала ее в своих объятиях, и больше ее я уже не видела.

III

С тех пор я начала иногда заходить в церковь. Сначала — когда вновь решалась прогуливать свои университетские занятия, а вскоре — и просто, когда вдруг «начинало тянуть». Я по-прежнему не понимала происходящего на богослужениях. Иногда мне казалось, что я иду в церковь, чтобы встретить там свою «юродивую». И почему она меня так интересовала? Я не могла ответить себе на этот вопрос, но перестать думать о ней было для меня уже невозможным.

После окончания школы, уже будучи студенткой, я, наконец, начала посещать богослужения более или менее регулярно и даже стала чуть-чуть понимать их. Возможно, на меня повлияло сильное увлечение творчеством Достоевского, возможно, мои размышления о смысле жизни привели меня в храм, а может быть, это все моя «юродивая» продолжала манить меня к себе, но церковь стала для меня местом, в которое мне хотелось приходить вновь и вновь.

Моя «юродивая» присутствовала на богослужениях всегда. Не знаю, насколько она понимала их смысл, порой она вдруг начинала семенить по храму своим быстрым неуклюжим шагом, порой начинала разговаривать вслух, а иногда подходила к кому-нибудь из прихожан и ни с того, ни с сего крепко обнимала его руками и утыкалась лицом в грудь. Как-то раз она обняла вот так одного мужчину, стоявшего недалеко от меня. К моему удивлению, он был с ней знаком. И тут-то я впервые услышала ее имя:

— Таня, — обратился он к ней, — как твоя жизнь?

— Мама ругает, — проговорила она надрывно, — уж так ругает мама!

— Ну мама ведь только добра желает, — сказал мужчина и погладил ее по голове.

Она еще раз уткнулась лицом в его грудь и почти проревела:

— Ругает!

Неожиданно она расцепила свои объятия и устремила в другой конец храма, бормоча что-то себе под нос. «Очень странная, — подумала я, — Таня. Значит, ты Таня, моя «юродивая».

IV

Таня чувствовала себя в храме, как дома. Ее знали все священники. Когда в конце службы все прихожане (и, разумеется, Таня) подходили к кресту, служивший батюшка обязательно благословлял ее и говорил добрые слова. Таня улыбалась ему, что-то отвечала своим надрывным голосом и бежала дальше по храму, широко размахивая руками и быстро крутя головой по сторонам.

Однажды, летним субботним вечером, я пришла в храм на всенощную. Служба была тихая, в открытую дверь проникал мягкий теплый ветер, чуть колыхая пламя свечей и длинные тонкие юбки прихожанок. Вообще-то в этот день я не планировала идти в храм и поэтому, выйдя из дома утром, я надела джинсы. Но, возвращаясь вечером домой, проходя мимо церкви, я почувствовало то самое «тянет» и не стала сопротивляться этому ощущению. Где-то посередине службы я услышала позади себя знакомые быстрые, семенящие шаги, и через пару секунд передо мной появилась Таня. Она что-то говорила мне, но от удивления я не могла разобрать ее слов. Наконец, в ее руках я заметила длинный отрезок ткани, который она настойчиво пыталась дать мне. Я вслушалась в ее слова и поняла:

— Нехорошо! Нехорошо! — повторяла она, глядя мне в глаза.

Я взяла ткань из ее рук и повязала поверх джинсов.

Это был мой первый опыт личного общения с моей «юродивой». Второй опыт был еще более неожиданным для меня. Как я уже говорила, Таня имела привычку во время богослужения быстро ходить по храму, казалось, она преследовала какую-то определенную цель в этом своем хождении, но, походив так какое-то время, она либо просто садилась на скамью, либо выходила из храма и неслась дальше по улице. Часто, пройдя несколько шагов по храму, она вдруг останавливалась около кого-нибудь и крепко обнимала его, уткнувшись лицом в грудь, иногда она поднимала голову и, сделав из двух пальцев «козу», крутила ею перед лицом своего «избранного» и улыбалась во весь рот, издавая какие-то невнятные звуки. Я всегда думала: а как она избирает человека, которого ей вдруг начинает хотеться обнять? И, честно говоря, у меня возникала какая-то ревность: почему она их обнимает, а меня нет?

Однажды, когда она вот так же неслась по храму, избирая людей для объятий, а я в очередной раз думала: «Почему не меня?», она вдруг осчастливила меня своим избранием. Проходя мимо меня, она неожиданно приостановилась, посмотрела мне в глаза и бросилась прямо на грудь, крепко обхватив руками мою спину. Через несколько секунд она, не расцепляя рук, подняла лицо и посмотрела на меня, широко улыбаясь и говоря непонятные мне слова. Убежала она от меня так же неожиданно, как и подбежала. Оставив в моей душе и груди тепло.

Как-то раз под Рождество Таня пришла на всенощную вся сияющая и даже какая-то красивая. Она всем широко улыбалась и со всеми пыталась заговорить. Наконец она нашла себе собеседницу — добрую старушку-служительницу храма, следившую за чистотой подсвечников и помогающей алтарникам по мере необходимости. Невольно я стала свидетелем их разговора.

— Она мне говорит: «Когда будешь причащаться?». Я говорю: «В ночь!» А она мне: «Причастись сейчас, раз говела!» Я и причастилась! — хрипела Таня, смеясь и махая руками.

— Причастилась — молодец! А на службу в ночь приходи! С принятием Святых Христовых Тайн! — с теплой улыбкой ответила ей добрая бабушка-служительница.

— Приду! — смеясь, говорила Таня.

V

Шло время. Я все больше погружалась в церковную жизнь, которая становилась для меня уже естественной, единственно возможной. Таня стала частью этой жизни. Без нее сложно было представить наш храм. Я окончила университет, стала преподавателем, вышла замуж. Но Таня продолжала интересоваться мной, я по-прежнему радовалась каждой встрече с ней, размышляла о ее жизни, хотя по-настоящему никогда с ней даже не разговаривала.

Однажды наш храм посетило целых два несчастья: друг за другом умерли два священника, служившие у нас несколько лет и снискавшие уважение и любовь прихожан. Для всех нас это была невосполнимая потеря. Но, слава Богу, из храма никто не ушел, я по-прежнему видела уже годами знакомые мне лица, которые стали, пожалуй, уже родными.

Видела я и Таню. Только вот теперь я видела ее все чаще в компании нищих, сидящих у церковной ограды. А вскоре она, как и они, начала просить подаяние. Это сильно огорчало меня, к тому же, большинство этих нищих были обыкновенными алкоголиками, просящими милостыню на очередную бутылку. Я очень боялась их влияния на «мою юродивую». Однажды во время богослужения Таня подбежала ко мне и почти выкрикнула:

— У тебя пятьдесят рублей есть?

Я смутилась, но дала ей. Она взяла и, не сказав ни слова, побежала дальше по храму. Я видела, что она попросила денег еще у нескольких человек. Больше никого она не обнимала, только просила денег.

«Связалась с алкоголиками, — подумала я с досадой, — чему они ее научат!». Таня все реже начинала приходить на богослужения. Вся она сделалась какой-то неряшливой и грязной. Я часто начала замечать ее сидящей возле магазина (недалеко от церкви) и листающей какой-то альбом с фотографиями. Когда же Таня появлялась на богослужениях (семеня своими быстрыми неловкими шагами по всему храму), от нее всякий раз крепко пахло алкоголем. Это приводило меня в смятение. Теперь Таня стала не светом, а болью для меня. Нельзя допустить, чтобы она превратилась в бомжиху-алкоголичку. Но что же делать? Как ей помочь?

VI

После того, как я в очередной раз увидела ее на богослужении и почувствовала от нее запах алкоголя, я поняла, что нужно делать. Молиться. Это главное, что может сделать христианин для христианина. Я незамедлительно подала заказную записку за здравие рабы Божией Татианы и в тот же день начала поминать ее в своих домашних молитвах.

С того дня прошло месяца три. Честно сказать, я регулярно молилась о Тане, пожалуй, лишь первые несколько дней после того, как решила о ней молиться. А после — то вспоминала о своем решении, то забывала о нем. Шла Страстная. В Великий Вторник я пришла в храм, чтобы причаститься на Литургии Преждеосвященных Даров. Службы в эти дни — особые, строгие, строго-торжественные, страстные. Несмотря на будний день, довольно много людей приходит исповедоваться и причаститься. В храме особенно тихо. Все чувствуют особенность этих дней. После принятия Святых Даров все причастники, по традиции, должны подойти к столу, где их ожидают чашечки с теплотой и большая тарелка с кусочками просфор. Когда я подошла и взяла в руки чашку, до моего слуха долетел звук давно знакомых мне шагов и низкий надтреснутый голос. Это была она. «Моя юродивая». Я не видела ее с тех самых пор, как подала записку за ее здоровье.

— Я буду в четверг! В четверг буду причащаться! И в субботу в ночь! — говорила она служительнице, разливавшей теплоту по чашкам.

«Совсем как тогда под Рождество»,— с радостью подумала я.

И тут в голове моей пронеслась мысль: молитва! Господь не оставляет свою уБОГую. Вот она снова в храме. Пришла этим утром. И хочет идти к причастию. Слава Богу! Слава Богу!

Я не дерзала подумать, что это именно моя молитва помогла Тане. Молитвенников у нее, наверное, много. Бог милостив.

На Пасху Таня была совсем светлая, радостная. На ней был бежевый сетчатый платок. Она непрерывно улыбалась и со всеми пыталась заговорить. Когда после службы мы с мужем и сестрой выходили из храма, то встретили Таню в церковном дворе. Она быстро неслась, как обычно неловко и торопливо передвигая свои ноги, и широко улыбаясь. Увидев нас, она что-то нам сказала. Мы не поняли и лишь улыбнулись ей в ответ. Она понеслась дальше ко входу в храм. «Христос воскрес!» — звучало в моей голове. И в душе трепетала радость.

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

БИБЛИОТЕКА ОТЦА

Член Союза писателей России и Академии российской литературы. Имеет публикации в тульских, московских и международных газетах, журналах, альманахах и сборниках. Является зав. отделом прозы альманаха «Ковчег», журнала «Приокские зори». Автор пятнадцати книг художественной прозы. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*В память об отце
Олеге Александровиче Крестьянкине.
К 85-летию со дня его рождения*

Детство мое пришлось на то время, когда отголоски войны, спустя полтора десятилетия, уже не были слышны. Советский Союз, благодаря совместным усилиям граждан, довольно быстро восстал из руин. Наше государство открыло космическую эпоху — став первым в освоении космоса.

Поэтому ничего удивительного не было в том, что 7—9-летние пацаны и девчонки мечтали стать космонавтами. Всем казалось, раз дверь открыли, то в течение десяти лет мы начнем осваивать Луну и близлежащие планеты: Марс, Венеру...

Многие хотели быть врачами, учителями, строителями, крановщиками и водителями. А дети военных видели себя, конечно же, летчиками, танкистами, подводниками, разведчиками.

Я, в отличие от других, мечтал стать журналистом. Почему? — загадка для самого себя. Ни в роду, ни в близлежащем окружении у меня не было ни одного знакомого, владеющего пером. С корреспондентами общаться не доводилось, так как, мы, дети военнотружущих, жили в основном в военных городках, которые располагались в лесистой местности, и порой до цивилизации приходилось добираться на автобусах.

Конечно, все выписывали газеты и журналы, а вот телевизоры черно-белые были не у многих.

Но почему-то мечтал я о журналистике.

Мне нравилось участвовать в создании стенгазеты — писать заметки о школьной жизни, рассказывать интересные случаи, делиться наблюдениями за животными. Но все это уже выходило за рамки журналистики и называлось писательским творчеством. Кроме того, я познавал азы стихосложения и из-под моего пера выходили рифмованные строчки. Мне нравилось сочинять сказки и добрые, светлые истории с хорошим окончанием.

В глубине души мечтал стать писателем, после того как наберусь опыта в журналистике, но это было очень глубоко и никому про такое не рассказывал.

Такие мечты, наверное, появились благодаря книгам, которые окружали меня с детства.

Книг у нас было великое множество: исторические романы, все произведения классиков, приключения, фантастика и научная фантастика, всевозможные словари, справочники и энциклопедии, сказки, стихи... Вместе с ними здесь находились журналы: «Юность», «Роман-газета», «Новый мир», «Уральский следопыт», «Юный натуралист», «Юный техник», «Пионер».

Мой отец — Олег Александрович — являлся истинным целителем хорошей книги.

Надо сказать, что отец был кадровым военным — после школы, в конце 40-х годов, поступил в военное училище и, закончив его, стал офицером Советской Армии. Всю жизнь посвятил служению Родине и защите ее от врагов.

Он не был коллекционером, в том смысле, который вкладывался в это слово, — не искал старинные, дорогие, редкие книги, хотя в нашей библиотеке встречались издания XIX века, и была одна книга очень потрепанная — ровесница Пушкина, изданная в год его рождения в XVIII веке, и называлась «Брынский лес». О чем она — не знаю, так как читать по-старому, написанное с «ятями», сложно и мучительно, особенно в юношеском возрасте, когда душа рвалась в поисках приключений.

Мы играли в индейцев, лазили по деревьям, строили смотровые — наблюдательные пункты в ветвях, изучали близлежащие леса — составляли подробные карты, забредали на старые водокачки и котельные и чувствовали себя первооткрывателями новых земель. Забрасывали в пруды Германии и затопленные подвалы разрушенных домов веревку с крюками и магнитами и частенько выуживали 3-х и 4-хгранные штыки от ружей и каски немецкого образца. Штыки были покрыты ржавчиной, в некоторых местах проеденные насквозь, но иногда удавалось освободить их от ржавчины и даже частично отполировать.

Дух приключений и романтики вселялся в нас, конечно же, из книг Фенимора Купера про индейцев, «Всадник без головы», «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо», произведения Стругацких, Ивана Ефремова, Конан Дойля, Рэя Брэдбери — все эти книги и многие другие находились у отца в библиотеке.

Любовь к печатным изданиям отцу передавалась по наследству. Он с детства видел, как его отец и дед приобретали журналы и книги и, прочитав, не выбрасывали, или передавали кому-либо, или ставили на полку в шкаф. Периодически доставали их оттуда, перечитывали сами, давали читать детям, друзьям. В то время это и библиотекой назвать нельзя было — всего-то несколько десятков книг и журналов XIX — начала XX века. Но за то время, пока маленький Олег подрастал, количество печатной продукции увеличилось в несколько раз, и теперь она занимала большой книжный шкаф до потолка с десятью полками.

Спустя некоторое время сначала дед, а затем и отец ушли в невозвратные дали. Особых капиталов они не нажили, да и когда? Сначала — революция, затем войны: первая мировая, гражданская, вторая мировая... А богатством они считали книги. Внуку и сыну завещали любить, ценить и беречь книги, журналы, альманахи не за дорогой переплет или красивую обложку, а за содержание, считая их кладью мудрости и знаний. С детства они приучили отца и двух его сестер к бережному отношению к книгам. Был даже составлен целый свод правил, как обращаться с литературой, написанный чернилами красивым почерком, который затерялся во времени. Спустя пару десятилетий отец по-памяти восстановил основные пункты этих правил и сделал памятку уже для нас — своих детей и друзей. Правила были просты. «Перед тем, как взять книгу, помой руки — они могут быть не грязными, но жирными. Обложку обязательно оберни бумагой, дабы она не затиралась и случайно на нее не капнуть. Перелистывая страницы, не слюнявь пальцы. Если перестал читать, то для

запоминания страницы не загибай ее угол — используй закладку. Не читай книгу во время еды — это и на здоровье пагубно отражается, и книгу заляпаешь. Не клади на подоконник под солнце печатное издание — выцветают страницы. Не читай лежа — и листы мнутся, и зрение портишь». Вот часть тех правил, которые сейчас пришли мне на ум. Помню, у отца памятка висела на шкафу и состояла более чем из двадцати пунктов.

После школы он поступил в летное военное училище и успешно его закончил. Женился. И началась кочевая жизнь: каждые несколько лет переезды на новое место службы — военные городки в лесу, аэродромы. До школы, порой, приходилось добираться на автобусе. Нас, детей военнослужащих, возили специальным рейсом. В каждом новом месте жительства появлялись друзья, школьные товарищи и просто приятели. Они очень удивлялись, когда заходили в гости и видели такое изобилие типографской продукции. Конечно, они становились читателями нашей семейной библиотеки. Ведь в обычной библиотеке надо записываться по очереди и ждать, когда она до тебя дойдет, чтобы получить заветную книгу — всю потрепанную и с рваными листами. А здесь, пожалуйста, тебе и Дюма, и Конан Дойль, Дрюон, Ефремов, Казанцев и кое-что из Стругацких. Исторические романы, воспоминания, приключения, фантастика, все произведения классиков, которые изучают в школе...

Тут надо пояснить, что в 60—70-х годах прошлого столетия купить в магазине хорошую книгу было проблематично. В лучшем случае они там появлялись, но тут же, мелькнув, исчезали с прилавков, и их можно было купить уже из-под полы. Некоторых авторов власть опасалась — вроде бы пишут фантастику, но уж очень она реально получается и ложится на сегодняшний день, а значит, будоражит умы людей. Нет, этих именитых авторов, конечно же, печатали, но старались издавать их в журналах «Наука и жизнь», «Уральский следопыт», растягивая роман или повесть на несколько номеров и в сокращенном варианте. Такое практиковалось с братьями Стругацкими. Или выпускали книги в других республиках: Молдавии, Казахстане, Литве, либо — за Уральскими горами и малыми тиражами — подальше от Москвы и центральной России. Этому подвергался Иван Ефремов. Но в целом книги все равно доходили до читателей, и кто хотел — мог найти, достать и прочитать.

Жизнь военных — постоянное движение. Только обустроишься, привыкнешь к городу, познакомишься с людьми, обретишь друзей, а тебя уже направляют в другую часть. И ты собираешь чемоданы, упаковываешь коробки, перевязываешь книги, прокладываешь тряпками и бумагами каждую тарелку и чашку, чтоб не разбились, заказываешь 3-х и 5-тонные контейнеры и укладываешь в них вещи. Отправляешь тихой скоростью по железной дороге на твое место службы, а с собой берешь лишь самое необходимое.

Часть зарплаты отец тратил на приобретение книг. Договаривался с продавцами книжных магазинов; ходил по рынкам; рылся в букинистических магазинах; ездил в Москву на знаменитый Кузнецкий мост, где торговля печатными изданиями была поставлена на широкую ногу, соблюдая конспирацию, как у разведчиков, иначе угодишь в милицию за спекуляцию; покупал у друзей и знакомых, иногда за бутылку водки, иной раз ему дарили, а бывало просто отдавали — рваную и без обложки.

В 80-х годах появились специальные приемные пункты макулатуры «Стимул», куда можно было принести 15—20 килограммов бумаги или картона и на обмен получить талон с названием дефицитной книги, которую выкупали в книжном магазине. Этим, как нам говорили, мы сохраняем деревья от вырубки. Отец, конечно же, подключился к процессу и я ему в этом помогал. Уж не знаю, сколько нам с отцом удалось спасти деревьев, но книг мы выкупили более двадцати.

И вновь контейнеры. Упаковываем вещи. Переезжаем.

Отслужив 26 календарных лет, отец демобилизовался и вышел на пенсию. Но какой из него пенсионер — ему не было и пятидесяти лет, — конечно, пошел работать. Уже будучи пенсионером, трудился еще в течение пятнадцати лет.

Став гражданским, отцу пришлось привыкать к новой жизни. Нужно было учиться ложиться спать, не думая о том, что ночью могут объявить тревогу, придется спешно собираться, хватать тревожный чемоданчик с самым необходимым, который у офицеров всегда находился рядом, и бежать в расположение части, так как это может оказаться не учебная тревога. Такое уже было в 1968 году в Чехословакии.

Постепенно жизнь вошла в стабильный режим, и отец стал пополнять свою библиотеку новыми типографскими изданиями. Он подписался на 200 томов Большой Всемирной литературы, двухтомники Пушкина и Маяковского и некоторых других авторов. Превратился в постоянного клиента букинистического магазина. Какой радостью светились его глаза, когда он приходил домой и показывал цветной шеститомник стихов Сергея Есенина или четырехтомник Альфонса Доде, басни Сергея Михалкова или прозу Юрия Бондарева, Василия Белова, Михаила Булгакова...

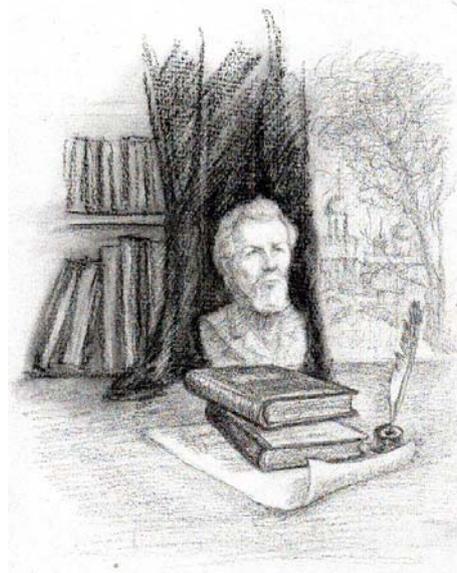

Иллюстрация к рассказу художницы Е. Рамсдорф (Германия)

Вскоре я заметил на столе у отца, где он обычно подклеивал страницы ветхих книжек, не только клей ПВА и папиросную бумагу, но и шило, молоток, нитки, кусочки картона, цветную бумагу, рулоны кожзаменителя и, как говорил отец, «ледерина» или «лейдерина». Я даже не знал, как пишется это слово. Мало того, что отец в домашних условиях научился профессионально делать обложки для книг, не имеющих их совсем, прошивал тома суровой ниткой, чтобы ветхие листы не рассыпались, но он еще приобрел аппарат для выжигания, золотистую и серебряную специальную бумагу, словно копировальную и делал оттиски, подписывая книги, которые уже восстановил. И каждое отремонтированное издание у него получалось все лучше и аккуратнее. Он словно вдыхал в них новую жизнь. Для восстановленных томов отец купил еще одну полку и ставил их отдельно, любуясь проделанной работой и с гордостью показывал свое детище родственникам и друзьям. Более пятидесяти книгам отец восстановил обложки, и это не считая тех изданий, которым требовался мелкий ремонт — подклеить рваный листик или отпечатать на пишущей машинке и вклеить недостающий текст.

Книги с трудом помещались в трех шкафах до потолка и семи полках, и это не считая журналов, альманахов и всевозможных альбомов, которые располагались в платяных шкафах и антресолях.

Все издания отец расставлял как в настоящей библиотеке, по жанрам. В одном шкафу — фантастика и приключения, в другом — пару полок занимали стихи, чуть ниже — современные прозаики, на отдельных полках — книги для детей, словари и справочная литература.

Отец мечтал, что его труд по подбору литературы для домашней библиотеки не пропадет даром, и прививал нам любовь к книгам. И мы с детства читали их с захлеб. Мало того, ко мне приходили друзья, школьные товарищи, институтские знакомые и тоже с удовольствием пользовались коллекцией отца. Я даже в библиотеках — школьных, районных, городских — был очень редким посетителем, так как почти любую книгу, любые произведения классиков, изучаемых в учебных заведениях, отыскивал в собранной библиотеке у отца. Так что мечта моего отца сбылась — его труд не пропал даром, а оказался востребованным: и дети читали, и до сих пор читают, и, самое главное внуки, когда подросли, тоже продолжили эту славную традицию — читать настоящие книги. Хотя наступил век компьютеров и интернета и любое произведение можно скачать и ознакомиться, но внуки все равно покупают бумажные книги и радуются, когда им дарят друзья типографские издания.

За свою жизнь отцу удалось собрать около десяти тысяч книг, журналов, альманахов. Будучи военным, переезжая с места на место, приходилось оставлять старые стулья, мягые тазы, кастрюли с отбитой эмалью, поломанные игрушки, но ни одной книги или журнала отец не оставил и не выбросил. Отец считал это настоящим богатством, но не в денежном эквиваленте — за сколько можно продать дефицитную книгу, а богатством, из которого состоит внутренний мир человека.

В конце 70-х годов прошлого века отцу предлагали продать его коллекцию за хорошие деньги или поменять на автомобиль «Волга» ГАЗ -2410 (а в то время это была престижная машина). Да, соблазн был велик, но отец не раздумывал ни минуты — отказался. Он сказал, что это труд всей его жизни и его мечта, чтобы эти тома прочитали дети и затем передали внукам и правнукам.

Отца уже давно нет с нами, а мечта его исполнилась, и память о нем живет. С удовольствием наблюдаю, как жена перечитывает рассказы Чехова, сын вникает в «Мастера и Маргариту», дочь восторгается «Маленьким принцем». И сам открываю томик Достоевского и растворяюсь в его времени.

Я представляю, как бы радовался отец, когда бы увидел, что меня печатают в журналах, альманахах, сборниках, как бы бережно он перелистывал мои собственные книги, изданные в типографии, и как бы он жал мне руку, поздравляя со вступлением в Союз писателей России. Он бы с гордостью пополнил свою библиотеку книгами сына.

Жаль, что он не дожил до этого времени, но я уверен — отец был бы счастлив.

Ольга Борисова
(г. Самара)

СОН

Ольга Борисова — поэтесса, переводчица. Автор четырех поэтических сборников. Переводит с болгарского, македонского, французского, английского, финского и чешского языков. Победитель и призер многих международных поэтических конкурсов и фестивалей. Обладатель премии «Славянские традиции». Стипендиат Министерства Культуры РФ. Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского и французского языков. Публикуется в российских и зарубежных журналах. Ее стихи переведены на иностранные языки. О. Борисова — член Российского Союза профессиональных литераторов, руководитель Самарской региональной организации этого союза, гл. редактор литературно-художественного альманаха «Параллели».

Отставной майор Дмитрий Иванович Синицын проснулся рано, опустил ноги, сел на край кровати и задумался. Опять этот странный сон, не дающий ему покоя с тех пор, как он купил этот дом. Обычно снится он под утро. Большой сияющий крест выходил из темноты и парил в правом углу горницы. Увидев сон впервые, Синицын не придал ему никакого значения. Но видение повторялось вновь и вновь с назойливой периодичностью. Оно измучило Дмитрия Ивановича так, что прежде чем лечь в кровать, он стал осенять себя крестным знаменем и шептать: «Господи, дай мне спокойного сна!»

За окном забрезжил рассвет, зарделась заря. Новый осенний день вступал в свои права. Дмитрий Иванович надел на ноги старые домашние тапки и, шаркая по полу, пошел в горницу. Сквозь кружевные занавески сочился бледно-розовый свет. Он оглядел комнату и, убедившись, что ничего не изменилось, посмотрел в правый угол, где висела небольшая старая иконка, доставшаяся ему от прежнего хозяина.

Этот дом Синицын купил по объявлению. Он давно мечтал о своем домике в небольшом селе и, выйдя в отставку, наконец-то осуществил давнюю мечту. Прежние хозяева умерли, и дом был выставлен на продажу. Желающих его купить не было, да и жильцов в селе осталось совсем немного, но это не смутило Дмитрия Ивановича. Места здесь были удивительные. Неширокая речушка, огибающая село, ускользала ленточкой вдаль. За речкой раскинулся смешанный лес. Устроила Синицына и цена. За рубленый старинный, но еще крепкий дом просили совсем немного, и сделка состоялась.

Еще раз окинув комнату взглядом, Дмитрий Иванович отправился на кухню, включил электрический чайник и вновь задумался. Парящий в воздухе крест не давал ему покоя. Надо будет у соседей расспросить о бывших жильцах, решил он.

Ближе к обеду, в надежде с кем-нибудь встретиться и по возможности что-то разузнать, Синицын отправился в магазинчик в центре села. Народу на улице было со-

всем немного или, вернее, почти не было. Лишь какая-то молодка выглянула на улицу и, громко хлопнув калиткой, исчезла во дворе, да подросток проехал на велосипеде и скрылся за поворотом. Дмитрий Иванович вошел в магазин.

Скучающая продавщица обрадовалась, увидев Сеницына. Она кокетливо повела головой, расправила плечи:

— Что-то вы, товарищ майор, давненько к нам не заходили? — мило улыбаясь, поинтересовалась она.

— Все дела, Людмила Юрьевна, — переминаясь с ноги на ногу, вежливо ответил он. — В город ездил, продукты оттуда привез. Вот, за хлебом пришел, — только успел произнести заранее заготовленную фразу, как хлопнула дверь, и в магазин вошла пышнотелая баба Люба, известная в селе своим крутым нравом. Еще с порога, чертыхаясь и охая, стала ругать пьяницу и бездельника мужа, понося его различными нелицеприятными словечками. Сеницын понял, что желаемого разговора не состоится, заплатил за покупку и пошел домой.

Повернув на свою улицу, он заметил старушку, сидящую на скамейке у саманной развалюхи. Высохшая, совсем маленькая, в повязанном поверх фуфайки клетчатом платке, в валенках, которые ей были явно велики, щурясь, внимательно смотрела на Дмитрия Ивановича. Когда он поравнялся с нею, вдруг спросила:

— А ты чей будешь-та? Не признала чавото.

Сеницын растерялся:

— Да ничей. Дом неподалеку купил. Теперь живу здесь.

— А, енто ты дом Митрича купил!?

— Да, вроде.

«Вот, она, удача!» — подумал Дмитрий Иванович и подсел к старухе:

— А кем был ваш Митрич?

Старушке, видно, очень хотелось с кем-нибудь поговорить, и она затараторила:

— Трактористом был. Хороший мужик! Безотказный, работающий! Мне с дровами всегда помогал. И привезет, и нарубит...

Она задумалась, видно, что-то припоминая. Сеницыну совсем не хотелось слушать нудные рассказы о дровах и всякой ерунде, и он быстро перевел разговор на нужную ему тему:

— А дом этот он сам строил?

— Да не... Ты чаво, не знаешь что ли? На ентом месте домишко стоял звонаря нашего, Васятки! А Митричу сельсовет его дал. Как домишко-то он получил, пристрой сделал, да веранду справил.

— А кто такой Васятка?

— Ты, видно, совсем ничего не знаешь! — и довольная, что у нее нашелся внимательный слушатель, поведала Дмитрию Ивановичу давнюю и уже забытую всеми историю:

«Марьевка-то наша была большим и красивым селом. Сорок дворов насчитывалось. Недалече от твоего дома стоял деревянный храм. А рядом домишко Васятки — звонаря, значит. Сиротой он был. Отец с Гражданской войны не вернулся, а мать простудилась, да померла. Жили в селе небогато, но дружно. Все в храм ходили. Священник был больно хороший. Правильный. Любили его сельчане. Он за Васяткой-то и присматривал. Беда пришла неожиданно. В конце двадцатых это случилось. Маленькая тогда была я, но помню все. Донесли на батюшку нашего. Говорят, что энтова Гришки Косого работа! Был у нас такой: злой, завистливый и нелюдимый. Как-то ранним утром в село машина приехала. Вышел из нее милиционер в кожаной куртке, перепоясанный ремнями, за ним еще два — с ружьями. Они хотели священника нашего арестовать. А Васятка, тово ему было лет шестнадцать, на колокольню

забрался и бить в набат стал. Народ набежал и заступился за батюшку. Вскоре они снова появились. Приехали ночью, на грузовике, когда в селе все спали. Батюшке руки связали и хозяйничать в храме стали. Оклады с икон снимали, а сами иконы в одну кучу сбросили. Оклады, серебряную утварь, подсвечники — все стали в машину грузить. А Васятка по домам побежал, людей будить стал. Народ собрался, а церковку-то солдаты окружили и ружья на людей направили. Затем батюшку нашего в машину запихнули, а храм подожгли. Бабы завывали, мужики багры притащили, бревна горящие скидывают, огонь тушат. Смотрят, а в горящем храме Васятка мелькает. Иконы оставшиеся, значит, спасает. Схватит две и сквозь огонь бежит с ними куда-то. Сгорел храм. А на другой день Васятку в доме своем мертвым нашли. Лежит бездыханный в уголке, у иконы Пресвятой Богородицы. Обгорел сильно. Хоронили его всем селом. Говорили, что, когда в землю опускали, голубка прилетела и на гроб села ...»

Старушка замолчала, смахнула сморщенной рукой набежавшую слезу и добавила:

«Дом вскориче сельсовет себе забрал. В нем они заседали. А после войны Митричу за хорошую работу его отдали, а сами в другое село переехали. Наше-то совсем опустело. В доме-то ентовом они вдвоем с женой жили, а дети ихние в город перебрались. А как жена померла, Митрич умом тронулся. Все ходил по селу и напевал:

*«Крест сияет, крест Господний
Над землею он парит.
Гришка стонет в преисподней,
Строго Бог на нас глядит...»*

И все про какой-то крест говорил. Мол, грех совершен, поэтому — наказаны. Скажет это и плачет. Дочь с зятем не раз забирали его в город, а он от них сбежит и снова по селу ходит и поет. Не на много жену пережил, по весне и он помер».

Синицын не верил своим ушам... Теперь он все понял. Крест являлся и Митричу. Вот тебе и сон!

— А Васятка где захоронен? — озадаченно спросил он.

— Да на нашем сельском кладбище. Справа, в самом углу его могилка с покосившимся крестом. Надпись почти стерлась, но прочитать можно: «Панкратов Василий Александрович».

Попрощавшись со старушкой, Дмитрий Иванович пошел домой, но по пути передумал и отправился на кладбище. Могилка была найдена быстро. Как и говорила старушка, крест совсем обветшал и покосился. «Пора новый поставить...», — подумал Синицын. Немного постоял, осмотрелся, затем присел на корточки и заговорил: «Здравствуй, Василий Александрович! Прости, что беспокою, но ты знаешь, зачем я пришел. Это не я дом выбрал, а дом — меня. Это ты привел меня к нему и хочешь, чтобы я тайник твой отыскал. Сложную ты мне поставил задачку. Ох, и сложную!» Легкий ветерок скользнул по лицу, прошелестел в траве и затих. «Спасибо, Васятка, услышал я тебя!» — вставая, прошептал отставной майор...

Новый день прошел в хлопотах. Дмитрий Иванович искал тайник. Он ходил вокруг дома, простукивал доски, спускался в подпол, внимательно осматривая стены и пол, забирался на чердак, но все его усилия были тщетны... А ночью он увидел прежний сон. Сияющий крест, но не парящий, как прежде, в воздухе, а стоящий на полу в правом углу. Синицын проснулся. Теперь он знал, где искать спасенные Васяткой иконы.

Вскоре, вооружившись гвоздодером и топором, осторожно оторвал первую доску. Она была совсем старая и в некоторых местах подгнившая. С такой же осторож-

ностью была снята вторая, и третья доска. И что это? В паутине, под многолетним слоем пыли, завернутые в мешковину, на земле лежали храмовые иконы. Дмитрий Иванович бережно достал первую. Рядом находилась вторая, а чуть поодаль — третья. Когда Синицын извлек последнюю икону, то увидел деревянный крест с наброшенной на него пыльной тряпкой. «Вот ты какой!» — неожиданно вырвалось из его уст. Трясущимися от волнения руками он вынул его на свет. Крест был средних размеров, красивой ручной работы и явно старинный. «Сколько же лет он ожидал, чтобы вновь явиться людям!» — думал Дмитрий Иванович, а вслух произнес: «Измучил ты меня совсем!» Аккуратненько, чтобы не навредить иконам, он снял с них мешковину, отер пыль и положил на диван. Затем посмотрел в правый угол на лик Пресвятой Богородицы и решительно произнес: «Ну, что, Васятка, выполнил я твое поручение!.. А теперь пора нам за храм браться! Крест и иконы должны людям служить! Заждались они этого часа!»

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ЗАГЛЯНУТЬ В ДУШУ

Родился в городе Салавате 27 сентября 1958 года. Печатался: «Литературная газета», «Новая литература», «Работница», «Венский литератор», «Бельские просторы», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Луч», «Мастерская», «Слово\Word», «Зарубежные задворки» и других. Лауреат Международной премии «Филантроп», Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого, Международного конкурса им. Де Ришелье, Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси». Автор книг: «Поиски графских сокровищ», «Одна, но пламенная страсть» в соавторстве с Сергеем Малашко. Член товарищества детских и юношеских писателей России, международного творческого объединения детских авторов (МТОДА), творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Дорога запетляла между холмами, проскочила кустарник и вздыбилась, взлетая на крутой берег. Там, вверху, деревня. Небольшая. Это раньше она была огромная. Улицы, словно паутина, расплзались, пересекая друг друга. Дома где хотели, там и ставили хозяева. Где-то кучкой, чуть ли не вплотную друг к другу, а в другом конце разбросаны, до соседа не докричишься. В общем, хмельная деревня, и название подходящее — «Пьяновка».

Отдуваясь, Алексей поднялся в гору и, не выдержав, присел на большой валун, отполированный за многие годы такими же путниками, как он сам. Лешка достал бутылку газировки. Открыл. Пена рванулась наружу, обливая руки и колени. Чертыхнувшись, сделал глоток. Поморщился. Слишком сладкая вода. Отмахнулся от мухи, которая назойливо лезла в бутылку, почуяв сладкое. Закупорил и опять в рюкзак. Закурил. Посмотрел на деревню. Когда-то была огромная, а сейчас всего ничего. Мало осталось местных жителей, зато много понаехало дачников. Выкупают дома, загораживаются высоченными заборами, нанимают рабочих и грохочут, выстраивая огромные многоэтажные особняки. Зимой еще можно терпеть этих дачников, но наступают весна и с утра до вечера по деревне орет музыка. Некоторые отдыхающие вытаскивают столы во дворы и шумно начинают отмечать начало дачного сезона и побег из осточертевшего города. Другие, почуяв непреодолимую тягу к земле, видать, зов предков, ползают на карачках, грядки готовят, восторженно воркуют над цветочками, а когда солнце в зените, так начинают тенек искать, чтобы передохнуть от трудов праведных. А другие, самые бесстыжие, так и фланируют по улицам в плавках да купальниках — ниточка там, ниточка здесь, и с зонтами в руках — солнечные ванны принимают, заходят в сельмаг и устраивают дефиле вдоль прилавка, своим видом вгоняя в краску местных жителей, которые начинают матюгаться и гро-

зят собак спустить с цепи, встречая голопупых в магазине или на узких деревенских улочках. Ну, совсем обнаглели, срамники!

Похоронив мамку, отца уж давно отнесли на мазарки, Лешка долго не раздумывал, быстренько продал свой просторный дом с большущим садом и огородом, с теплым сараем да с банькой по-белому, забрал свои манатки и смотался в город, где купил тесную угловую комнатку в старом крупнопанельном доме — улье, по-другому никак его не назовешь, где круглосуточно ходили, бегали, кричали, жужжали за стенами пчелы-соседи. Купил квартиру, но так и не привык к культурно-шальной городской жизни, где все несутся, сломя голову, куда-то торопятся, толкаясь и ругаясь, а наступает вечер, мчатся в магазины, и с полными авоськами опять бегут по улицам, улочкам и переулкам, исчезают в подъездах, и начинается жужжание. В общем, суета, да и только. Поэтому в любое свободное время он собирался и отправлялся в родную Пьяновку. На могилки ходил — родичей проведывал, да забегал к соседу, к старику, с кем любил посидеть возле речки, неспешно покуривая крепчайше-едучий самосад, аж дыхание перехватывало, послушать, как переговариваются речные перекаты в ночной тиши, поглядеть на звездные россыпи, да перебраться парой слов, ну, если не лень будет, конечно.

Лешке нравился старик, интересный — этот дон Кихот, как его прозвал, когда в школьной библиотеке взял книгу о знаменитом идалго, а там были рисунки, словно его соседа нарисовали. А Дульсинеей стала жена старика, баб Дуся, по-нашенски. Старик — высокий и нескладный, под два метра, не менее, с бородачкой клинышком, длинные усы торчали в разные стороны на худом лице, не вниз свисали, а именно в стороны, густые брови над глазами, и смотрит устрашающе, в коротковатых штанах зимой и летом, в рубахе до пупа расстегнутой, где видны были выступающие ребра и черная нить с образком на впалой груди. Но главное — это характер. Вдрызг мог разругаться с местным начальством, а бывало и с приезжими, постоянно лез в драку, чтобы встать на защиту угнетенных деревенских жителей, — Лешка всегда смеялся над ним. Старик никого и ничего не боялся, но в то же время всех уважал, любил и любого готов был защищать. Всегда хмурый, взгляд презлющий, а чуть копнешь, поймешь душу его, и сразу хочется защитить старика. Безобидный он — этот дон Кихот. Только с виду грозный и устрашающе пыхтит, а внутри мягкий и добрый. Хороший старик, правда, если найдешь с ним общий язык.

Дон Кихот радовался, когда Лешка приезжал. Радовался, но виду не подавал. Наоборот, хмурился. Взглянет из-под кустистых бровей, покрутит длинный ус, потом медленно, с расстановкой буркнет: «Аль-Ешка прикатил», а сам вытянет полный кисет и протягивает — угощает, и снова повторяет — уже мягко, по-доброму: Аль-Ешка. Почему так называл — Алексей не знал, но ему нравилось.

Он взглянул на солнце. Высоко стоит. Жарко. Алешка заторопился. Подхватил сумку с гостинцами и пустился напрямки к далекому дому, который выделялся своей ярко-красной пожарной крышей. Издалека видна, как и развивающийся красный флаг на коньке крыши. Не промахнешься, ну, если в пьяных улочках не заблудишься. Хоть Аль-Ешка и вырос здесь, но не стал рисковать, чтобы по улицам добираться, а, подхватив сумку, помчался по тропкам, одному ему известным. Остановится, осмотрится и опять скрывается в кустах или переулках. И вот добрался. Распахнул калитку, смотрит, Дульсиня цыплеток кормит: «Цыпа, цыпа, цыпа», а дон Кихот сидит на крыльечке, прислонился к перильцам, и пыхает своим самосадом. Все, как всегда, все, как обычно.

— Аль-Ешка прикатил, — взглянув из-под бровей, буркнул старый идалго и, выудив из глубокого кармана полный кисет, протянул. — На, закуривай.

Сказал, словно и не расставались.

— Проходи, Алешка,— баба Дуся вытряхнула остатки корма, поправила белье на веревке и стала подниматься по ступеням.— Подвинься, старый. Выставил свои ходули — ни пройти, ни проехать. В кровь расшибешься, ежли зацепишься,— привычно заворчала Дульсинея и скинула глубокие галоши.— Ишь, надымили, куряки, хоть топор вешай. Ну-ка, хватит расслаживаться. Марш в избу, чай будем пить. Самовар вздула.

И тоже — будто Алешка на пять минут выходил и вернулся.

После неторопливого просмотра гостинцев, всплескивания руками, оханья и аханья, с виду недовольного ворчания, а на деле — обрадовались, что не забывает стариков. Наглядевшись, принялись торжественно раскладывать на полках шкафчика, и в столе: мешочки, кулечки, коробочки и баночки. Потом уселись просто попить чаек: свежие огурчики, с десяток яиц на тарелке, краснели помидорки, желтела картошка, и зеленел пучок лука, еще в каплях воды, а рядышком высилась горка нарезанного хлеба — пахучего, вкусного, домашнего. Алешка принялся и вздохнул. В городских магазинах не найти такой хлеб — это хлеб из далекого прошлого, из детства, где и сухарь сладок, и простая карамелька была шоколадной.

А потом, когда вволю надулись чаю, не слушая ворчания Дульсинеи, старый идальго натолкал в кисет самосаду, прихватил газетку, проверил спички в кармане и они пустились к речке. Отправились на речную косу, где разросся густой ивняк. Где было старое кострище да два больших валуна, на которых они посиживали, когда Алешка приезжал в Пьяновку, где у него никого не осталось, кроме старого идальго с его Дульсинеей, бабой Дусей, да родителей на кладбище.

И они уходили на берег, сидели на плоских больших валунах. Разводили костер, и всюю пыхали крепким едучим самосадам. Алешка похвастался, достал и угостил идальго импортными сигаретками в яркой разноцветной пачке, которые специально купил для старика, но тот покрутил в руках, кое-как вытянул одну корявыми пальцами, прикурил, натужно закашлялся и, поморщившись, небрежно бросил в костер.

— Одно баловство, и не более,— насупив густые брови, буркнул дон Кихот и стал сворачивать толстущую сигарку.— Городские сигаретки для городских вертихвосток. Вот, на-кось, Аль-Ешка, нашенский табачок покури,— и опять протянул кисет.

Алешка закурил. Вкусно, запашисто, аж дух захватывает — хорошо!

— Глянь-ка, это ты плывешь,— затянувшись, буркнул Кихот, и клочки дыма повисли на длинных усах, и кивнул на сухой лист, что медленно кружился на воде.— А вот и я вслед за тобой показался,— и ткнул в темную щепку, что мчалась по течению, то исчезая, то показываясь на поверхности.

— А куда плывем? — покосившись, сказал Алешка.

Старик помолчал. Потом опять ткнул.

— Туда плывем. Жизнь — это река,— и клочья дыма запутались в ветвях кустарника.— А все, что на поверхности — это люди: молодые и старые, хорошие и плохие, но люди. И куда человека занесет, с кем он встретится в пути или исчезнет, словно его никогда не было — это никому неизвестно, а знает лишь она — река жизни.

Так, по-философски, объяснил Кихот. И замолчал, продолжая рассматривать реку. Наверное, что-то искал в жизни, что пронеслась перед глазами, или вспоминал прошлое.

Все может быть. Алешка не стал спорить. Они приходят сюда, чтобы посидеть, подумать и заглянуть в свои души, а если повезет, увидеть и почувствовать реку жизни — это главное, а остальное — пустяки, на которые стараешься внимания не обращать, да и время жаль истратить.

Забумкало — это на противоположной стороне взревела музыка в машине. Мо-

лодежь, извиваясь, похватила стаканы с выпивкой. Не чокаясь, выпили, опять налили и снова выпили, и продолжили извиваться под музыку. Жарко. Девки разнагишались. Совсем. Наплевали на всех и вся, и устроили стриптиз на берегу реки. Парни гоготали, наблюдая за ними, как они елозили по машине, стонали, готовы на все, лишь бы удовлетворить свою похоть. Один не выдержал. Схватил девку и в кусты потащил. Вскоре вернулся, поправляя узкие модные плавки. Следом появилась деваха, ладошкой вытерла губы, опрокинула стакан и опять стала извиваться. Парни загоготали.

Откуда-то донесся долгий мат. Наверное, деревенские заметили стриптиз на берегу. Девочек словно подстегнули этими матюгами. Они стали еще быстрее и сильнее извиваться. А парни еще громче загоготали и потянулись к стаканам. Второй не выдержал, подхватил ту же девчуху, и они торопливо скрылись в кустах. Прошло несколько минут. Голая девка вышла на полянку. Потянулась, тряхнула уже обвисшей, далеко не девичьей грудью, качнула бедрами, не поморщившись, неторопливо выпила, а потом прижалась к дверце и заелозила по ней — кошка мартовская.

Попыхивая, дон Кихот внимательно смотрел на них. Думал. Оглянувшись, подобрал камень и бросил в воду.

— Это они, — сказал старик.

— Правда? — Алексей искоса взглянул на идальго.

— Сердце — вещун, — затянулся старый идальго, и дым повис на ветвях. — Жизнь не любит таких.

— Понял, — сказал Алешка, взял кисет и заглянул внутрь. — Много еще. Мало выкурили.

— День долог для одних, — задумчиво сказал старик, — но короток для других.

Придерживая большим и указательным пальцами толстую сигарку, попыхивая клубами едучего дыма, — Лешка не курил, так, пыхал всюю, чтобы ощутить горьковатый привкус, чтобы запах почуять, — обожал дедовский самосад! А потом, обжигаясь, выбрасывал окурки в костер и снова тянулся к кисету.

Так было принято у них. Давно. Они собирались и уходили к реке. Курили самосад. Смотрели на костер, на речку и думали. Изредка перебрасывались словами, а если вели разговоры, то так, ни о чем. Да и зачем говорить, если с полувзгляда понимали друг друга. Им было хорошо возле реки, в одиночестве. Нет, это не было одиночеством. Вокруг был мир: огромный, необъятный, красивый, но со своими законами, которые все должны исполнять. И они придерживались этих законов. Сидели, любовались округой. Смотрели по сторонам и заглядывали внутрь души, стараясь разобраться и понять себя и других. И думали. У дон Кихота это лучше получалось. Он дольше живет на свете. Много повидал.

Темнело. «Бум, бум, бах!» — ревела музыка, и доносились пьяные крики. Парни швыряли бутылки в реку — реку жизни. Так, словно свои годы выбрасывали. «Бух, бух, бух!» Десять, двадцать, пятьдесят лет утонуло, или стерто — никто не знает — знает река жизни. Матюгаясь, полуголых девочек затолкали в машину. Следом забрались сами. Рывками, надрываясь, машина стала выбираться на дорогу. Опять забумкало, потом наступила тишина.

Стемнело. Старик поднялся. Вытащил из кустов припрятанную старую банку и набрал воды в речке. Принялся заливать костер. Пламя фыркнуло, взметнулось и зашипело, разбрасывая сотни искр. И в черном небе полыхнул звездный пожар. Замелькали звезды на воде, захороводили на бормочущих перекатах и помчались вдаль по ночной реке.

— Айда, — буркнул старый идальго. — Нам тоже пора. Дуся заждалась.

Дульсинея сидела на крыльце.

Едва они приблизились, баба Дуся махнула рукой.

— Парни с девками разбились на машине,— она качнула головой.— Пьяные вусмерть. Там, с Чертового моста, улетели в пропасть. Никого не спасли. Машина всмятку и они тоже.

— Я говорил, такие долго не живут,— старый идальго стал медленно подниматься по ступеням.— Дураки,— сказал он и со злостью, громко, несколько раз повторил, ударя кулаком по перилам, словно вбивал слова.— Дураки, дураки, дураки!

— Какие не живут? — взглянула Дульсинея.

— Такие, как они,— буркнул дед и взглянул на Аль-Ешку.

Они поняли друг друга.

Пьяная молодежь стерла свои годы в реке жизни.

Прикрыв окно,— похолодало, и задернув занавески, баба Дуся собрала на стол. Потом долго сидели и пили чай. Пили неторопливо, вприкуску, шумно отхлебывая, и молчали. Каждый думал о своем, но в то же время думали о жизни. Хрустели карамельками, размачивали каменное печенье, прислушивались к голосам за окном. Вон взревела машина и рванула с места. Видать, кто-то еще решил стереть свои годы в реке жизни.

Алешка поднялся и направился на веранду, где всегда ночевал, когда приезжал к старикам, но Дульсинея показала комнатку, где он переночует. Впервые пустили туда. А сейчас разрешили — почему? Маленькая комнатка: щелястый стол возле окна, тетрадка и карандаш валяется на столе, в углу старая прогнутая кровать с двумя плоскими подушками, а возле изголовья была табуретка, чтобы стакан воды поставить или книжку на ночь почитать. И все. Это вся обстановка. Нет, еще на стенке висели два листка с детскими рисунками и поблекшая фотография парня. Что-то неуловимо знакомое мелькнуло в его чертах, словно с ним встречался, а где — этого не мог вспомнить. Алешка долго ворочался. Думал. В ночи раздался протяжный кошачий ор. Разодрались, территорию не поделили, а может, кошку. Чертыхнувшись, Алешка уселся на кровати. Не спалось. Походил по комнате, шлепая босыми ногами. Постоял возле фотографии. Потом набросил рубаху на плечи и вышел на крыльцо.

Поглаживая бородку — клинышком, дон Кихот сидел на скамейке, вытянув длинные ноги, и попыхивал едучим самосадом. Покашливал, что-то бормотал, кому-то грозил скрюченным пальцем, и опять мелькал огонек сигарки: зло, протяжно, искристо.

Шлепая по голым ляжкам, отгоняя комаров, Алешка присел рядом.

— На, покури,— старый идальго вытащил кисет, газетку и спички и положил на скамью.— Штаны бы надел. Увидят, сраму не оберешься.

— Темно ведь,— сказал Алешка, но постарался прикрыть рубахой ноги.— И никого не видно.

— Ну и что,— не поворачивая головы, буркнул дед.— А вдруг подойдут, а ты, нате вам — голышом. Стыдобище-то какое!

— Ну и что? Дачникам можно, а мне нельзя, да?

— Нельзя, ты здешний,— пыхнув едким дымом, аж искры полетели в разные стороны, сказал старик.— А дачники — срамники. Им можно, тебе — нельзя.

— Хорошо, но сначала покурю,— сказал Алексей.

Курили долго. Комаров стало меньше. Может, от едкого дыма, может, ветерком отогнало. Старик принес кружку с водой. Выдули. И снова потянулись к кисету. Сворачивали сигарки и дымили, чадили, пока в горле не стало першить.

— Что за фотка на стене? — наконец спросил Алексей.— Лицо знакомое, а не могу понять, где виделись.

— Ты не видел его,— помолчав, сказал идальго.— Не мог видеть.

— А кто это? — кивнул Алешка.

— Это Коленька, наш сынок,— задумавшись, медленно буркнул дон Кихот, дернул себя за бороденку, и вдруг торопливо заговорил.— Понимаешь, Аль-Ешка, вот сегодня увидел парней с девками, узнал, что разбились, улетели с этого Чертового моста, и вот тут загорелось,— он постучал по впалой, тощей груди.— Так заболело, хоть волком вой, хоть об стену головой, лишь бы унять эту боль, но не получится. Она всегда и навсегда останется с нами. Мы переехали сюда, чтобы рядышком с ним быть. Здесь погиб наш сынок,— старик замолчал и зло нахмурился.— Мне рассказывали, что они выпили после работы. Его, как самого безотказного, посадили за руль, а сами в кузов забрались. Они-то выпрыгнули, когда машина пошла юзом в пропасть. Все выскочили! А наш не успел. Он, герой, машину спасал. Так и ушел вместе с ней на самое дно. Взорвалась машина. Пока мужики спустились, пока добрались, все горной рекой смыло, лишь одни железяки валялись. Ничего не осталось. Ни кусочка! Даже похоронить нечего было. Словно его вообще не существовало. Просто взял и исчез. Все! Вот и получается, что одним стаканом перечеркнул реку жизни. Одним! И где он покоится, где нашел последнее пристанище, куда его унесло за эти годы — неизвестно. Знает лишь она — река жизни, но мне не говорит, хотя каждый раз прошу, когда сижу на берегу,— и дон Кихот замолчал, подергивая длинные усы и запыхал — долго, густо и ожесточенно.

Алешка тоже молчал. Потом поднялся. Ушел в комнатку. Завалился на продавленную кровать и долго лежал, вспоминая дон Кихота, думал, почему так получилось, что его сын, Колька, перечеркнул реку жизни, он же мог спастись. Думал про него, про его короткую жизнь, о рассказе идальго... Да обо всем думал, а потом заснул. Крепко уснул. Но утром, когда они позавтракают и переделают кучу дел по хозяйству, что скопилась, пока его не было, вновь пойдут с дон Кихотом на речку, оставив Дульсинею дома. Долго, до ночи, будут сидеть на берегу, попыхивая едучим самосадам. Вести разговоры ни о чем. Но больше будут молчать и думать о жизни, и смотреть за звездами, что хороводят на темной поверхности реки, а потом несутся куда-то вдаль, чтобы исчезнуть с рассветом. И опять постараются заглянуть в свои души, а если повезет — в души человеческие, и вновь повидают реку жизни.

Людмила Козлова
(г. Бийск)

Автор 35 книг поэзии и прозы, изданных в Барнауле, Бийске, Санкт-Петербурге, Онтарио и Виннипег (Канада). Лауреат многих краевых литературных премий, в том числе им. В. М. Шукишина, лауреат Международной литературной премии им. Сергея Михалкова, лауреат премии Алтайского края в области литературы, «Лучшая книга года» (Берлин, Германия, 2014). Стихи и проза публиковались в центральной, региональной и местной печати и за границей (Дания, США, Канада, Венгрия, Украина, Белоруссия). Награждена специальным Дипломом за развитие культурных связей между Россией и Германией и участие в совместных литературных проектах. Член Союза писателей России. Живет в Бийске.

КРЕЩЕНСКАЯ СКАЗКА

Сегодня вечером, как и положено в Крещение, в гости пришла сказка. Вернее, ее привела девочка по имени Ира. И неважно, что девочка была взрослой, а сказка настоящей. Думаю, друзья мои, вам уже не терпится узнать, как рождаются сказки. А вот так. Ира повела меня туда, где на январской реке открылась купель. Может быть, сама собой открылась. А, может быть, ее сотворили чьи-то руки. Мы не видели этого. Будем считать, что купель возникла чудесным образом — спустился с небес Ангел, подышал на лед, и вода явилась из-под зимнего гнета. Дохнул второй раз — и возвел над купелью перила, опустил в воду деревянные лесенки. Дохнул в третий раз — и вот на выходе уже расцвел ледяной сияющий крест, а по правую руку — как бы издалека возник храм с серебряными куполами.

Понятно, где крест и храм, там и народ. Люди шли и шли к чудесному месту — кто просто постоять у святой воды, а кто-то и принять Крещение Святым Духом в ледяной проталине. Впервые за всю свою жизнь я так тесно приблизилась к таинству великого праздника. Люди, приготовившись к погружению, раздетые по-летнему, выстроились в большую очередь и медленно продвигались ко входу. Те, кто уже коснулся воды, бесстрашно, даже как-то привычно спускались на дно, погружались в купель и поднимались по ступенькам на лед. Никаких ахов-охов, все чинно, спокойно и торжественно. Мужчины, женщины, дети — все исполняли ритуал, словно ведомые свыше.

Где-то, высоко над рекой, по железобетонному мосту неслись стальные рукотворные создания — автомобили, трамваи. Далеко на набережной горели кружевные фонари. Дальше был виден ночной город, мерцающий рекламными фасадами и окнами жилых кварталов. А на реке тем временем дышал Дух Святой.

О чем думала я, глядя на нескончаемую очередь к ледяной купели? О том, что люди — слабы. Они хотят помощи Божьей в нелегкой жизни. О том, что люди — сильны. Они пришли сюда, чтобы стать еще сильнее, чтобы прикоснуться к Богу,

почувствовать единство с Ним, укрепиться в вере. И много их таких, жаждущих Духа Божьего.

Думала о том, что народ в России — ребенок, верящий в чудо. О том, что народ в России — Воин Духа, и никому не победить его. Что там сейчас выстроено «хозяйствами»? Капитализм, олигархизм, плутократия? Паучья система накопления денег в немногих руках? Да бес с ней, с системой! А Бог с народом! Вот эти люди, которым ледяная вода — подарок Божий, пойдут на войну, если не будет другого выхода. И воевать будут героически, не спрашивая — за что им такая судьба. Воевать будут не за систему, а за Землю Русскую. Беда в том, что Землю эту подгрести под себя Соловьи Одихмантьевичи. Посторонятся они, эти чудища, на время войны, а потом опять — за свое возьмутся! Наивен и свят своей наивностью народ. И прекрасен! Что бы там ни было!

И в подтверждение моих тайных мыслей явилась вторая часть ночной крещенской сказки. На обратном пути мы услышали печальный голос скрипки. Мелодия рвалась к людям из глубин подземного перехода. Там, в еле освещенном туннеле, где стены несли на себе отпечаток «народного творчества», на свистящем сквозняке стоял скрипач. Я приготовилась увидеть одинокого старика, собирающего по крохам на хлеб. Но музыкант был юн и прекрасен — мальчик лет пятнадцати. Миниатюрная скрипка казалась праздничной игрушкой в его мальчишеских руках. Инструмент пел человеческим голосом, голосом ветров и дождей, метели и снегопада. Песнь Природы — классика.

Долго стояли мы возле юного скрипача, слушая его импровизации, наблюдая, как легко смычок подчиняется тонким детским пальцам, как рождается музыка от соприкосновения инструмента и души. Было страшно оставить мальчика одного в холодном переходе. Что значат деньги, положенные в футляр скрипки?! Да. Это поддержка. Но главное — услышать и понять человека. Юного и беззащитного. Талантливого музыканта, зарабатывающего с помощью друга-скрипки на учебу в музыкальной школе. Напоследок мальчик сыграл несколько вещей из репертуара консерватории. Слушательницы покидали подземный переход под солнечную мелодию «Чардаша».

Так древний праздник соединил волшебство январского стояния народа в очереди к святой крещенской купели и образ юного скрипача, спустившегося с небес в подземелье, чтобы петь и плакать о судьбе человека на маленькой планете. Мальчик со скрипкой в руках — Иисус двадцать первого века. Защитник души человеческой.

А Земля тем временем летела в космическом братстве сквозь неизбежное Время, унося людей к новым страданиям, любви и ненависти, в круговорот войн и смертей, в Поток Вечной Жизни.

БЛИННЫЙ ИЛИ БЫЛИННЫЙ (?) ДЕНЬ

Незаметно подкралась Масленичная неделя — метель, снегири, блины, предчувствие весны, хотя морозы и не собирались отступать. Так же незаметно праздничные дни подобралась к последнему — заключительному, воскресному. Проводы Зимы — вот что это было.

Телефон тоже как-то незаметно и тайно записал сигнал — Ира. Это означало, что в воскресный день надо пойти на Проводы Зимы. А когда Ира приглашает куда-то, можно не сомневаться — будет интересно! Ведь Ира — музыкант, она знает, где надо быть, а куда и смотреть не стоит.

Самая красивая в городе площадь названа странным именем — Площадь 9-го января. Конечно, 9-го января — день, записанный в анналах истории. Но все-таки... Назвать площадь поминальной датой расстрела огромного числа людей — это как-то не совсем... Тем более что народ поименовал этот день Кровавым воскресением. По

логике вещей, Площадь 9-го января должна быть мемориалом. Большевики прослыли людьми решительными и долго не утруждали себя раздумьями на неудобные темы. Ну, поминальная дата! Подумаешь! А мы будем на Площади 9-го января жить и веселиться. Со временем политические повороты, катаклизмы, революции и контрреволюции обкатали печальную дату до гладкости морского камешка — все неудобства, которые подсовывала память, стерлись.

Давно выстроен на Площади 9-го января Дворец культуры. Спроси детей, да и взрослых, что такое 9-го января, скорее всего, скажут — последний день новогодних каникул (ну, или что-то подобное). Предлагаю остановиться именно на этом! Тогда для народного гуляния — Проводов Зимы — лучшего места и не найти!

А праздник состоялся и оказался похожим на многоцветное Солнечное Колесо, которое, если присмотреться, можно увидеть в каждом румянном блинчике или большом русском блине. Прикатилось Солнечное Колесо вместе с веселым народом, кучей нарядных детишек, воздушных шаров, с ансамблем тетушек-веселушек в цветастых полшалках во главе с добрым молодцем Петрушкой. И даже смиренный пес (про себя назвала его Кузей) пришел с кем-то, и все жался к людям, понимая, что здесь надо вести себя прилично. И понеслась древняя народная, но все равно новая, задиристая да плясовая песня. Энергия Солнца слилась с энергией людей и выплеснулась музыкой, голосами, низовой метелью, которая тоже плясала, разбрасывая серебряные снежные юбки по сугробам. А над миром сияло солнце, и летели быстрые белые облака.

Нарядная кукла Весна, возвышаясь над праздником, танцевала вместе с метелью, поворачиваясь румяным лицом то в одну, то в другую сторону. И только бедняжка Зима, обряженная в домотканую сермягу, стояла неподвижно и печально среди шумного веселья. Я прониклась неутешным одиночеством сиротки Зимы. Мысленно посочувствовала ей. И то ли ветерок дунул, то ли показалось, но Зима вроде как махнула обрывком сермяжки в ответ.

— Что ж такое — нарядили, ни за что, ни про что в плохонькое, да еще и сжечь собираются!

— Будем считать, что сгорит не Зима, а темные силы, — успокоила Ира.

И все-таки, как-то так получилось само собой — когда мы ушли погреться в фойе Дворца, именно в это время и было сожжено чучело Зимы. Вышли на свет божий, а Зимы уже и след простыл. Весна-красна красуется среди народа — пляшет с ветром в обнимку, направо-налево поворачивается. Вот так и произошло — пожалела я одинокую Зиму, и кто-то добрый отвел глаза от огненной гибели сиротки. Да еще был говорящий Знак. Одна из тетушек-веселушек, пробегая мимо, подарила нам по горсти маленьких румяных сушек — дескать, вот вам, от солнышка привет!

Возвращалась домой и думала — сколько бы противоречий ни приносила жизнь, а итог ее — вот эти подарки от солнца, которые один человек вложил в ладонь другого — то есть, одна душа передала привет другой: «Держись! Земля — не место для печали. Земля — место для работы!»

И это правильно! Душа трудится и на празднике, тем более что славянские Проводы Зимы совпадают с православным Прощеным воскресением. Так что, простите, люди добрые! А Бог простит всех нас!

ПЕРВЫЙ ГОРОДСКОЙ ЧАСТНЫЙ МУЗЕЙ И ТАРАКАЙ

Иногда нечто или некто подкидывают человеку подарки. Ну, наверное, за то, что этот гражданин или гражданка терпеливо живут и что-то пытаются делать, чтобы рядом умножалась гармония. Вот сегодня такой подарок пришелся и мне ко двору.

От сотрудников первого частного музея в городе поступило приглашение на экс-

курсию. «Музей алтайского марала» — так называлась эта организация. Несколько человек — литераторов, и я вместе с ними, отправились на неприметную улочку, где хозяин музея облюбовал старинное купеческое кирпичное здание, отремонтировал его и превратил в музей.

А музей — это всегда интересно. Однако на этот раз там я и нашла тот самый подарок судьбы, который выпадает терпеливцам. Среди прочих экспонатов на стене висела картина. На ней летучими резными линиями с хирургической точностью был изображен шаман-алтаец во время камлания. Из рта шамана вырывались языки пламени (или космической энергии). Позади клубились века и множественные иные миры. Похож был шаман на горного марала, танцующего на скалах. В одном образе слились воедино шаман — посредник между верхним и нижним мирами, и великий дух оленя. Что-то было написано мелким почерком на нижнем поле рисунка — слева и справа. Оказалось, это стихи, которыми художник всегда сопровождал свои картины.

Занялась поиском в СМИ биографии мастера. Не скоро, но выяснилось, что художник Николай Чепок — странник. Ни кола, ни двора у него — только вечная дорога. Вот как он сам рассказывал о себе: «Я просто бродяга. Иду себе и иду. Палатка — это тяжесть. У меня был кусок целлофана. Его скомкал, в сумку положил — он легкий и места мало занимает. И потом, я же среди бичей жил и живу. Там просто что-то подобное сразу «подрезается». Так что я просто-напросто ложился у костра, целлофаном укрывался и спал. А разжигал костер я вот этими своими работами, потому что бумага-то уже была испорчена! Я берег только чистую бумагу, в целлофан заворачивал, чтобы не намокла. А когда на ней нарисуешь, зачем ее хранить? Но в 2001 году я с удивлением узнал, что кому-то мои картинки могут быть интересны. На Телецком озере живет такой известный там художник и резчик по дереву — Пилипчук. Он увидел мои работы и сразу купил три картинку, аж по 50 рублей. Я так обалдел! Потом подумал: «Ну, художник решил художника поддержать». А через неделю к нему приехали из Москвы друзья. Он меня вызвал и говорит: «У тебя работы есть?» — «Есть!». И его друзья тоже купили. Я их сразу прогулял весело. А через некоторое время приехал в Новосибирск».

Далее была описана обычная история двадцать первого века: «Некий господин, новосибирский галерист, предложил купить у Чепок работы по символической цене — все, что было у него на тот момент, устроить ему выставку в Швейцарии. Затем работы продать, а выручку поделить пополам. Не надо объяснять, что ни работ, ни денег Николай больше не увидел. Хотя о выставке слышал. Она состоялась в Берне, потом перекочевала в Австрию. Там ее увидела горно-алтайская правительственная делегация. Потом, уже дома, они разыскали Николая, познакомились даже, пообещали, что несколько его работ будут экспонироваться в ООН. На этом все. Николай ушел бродить».

Я представила себе — где-то по неведомым дорогам в горах все еще странствует художник Николай Чепок, который подписывает свои картины именем Таракай. И никто не знает, где в эту минуту спит гений, прикрывшись куском целлофана. Где и кому оставил он свои «картинки», думая, что вот так, как он, рисовать умеет каждый. Мы не знаем, по каким тропам сейчас бродит Николай Чепок. Зато потомки будут создавать музеи его имени, пытаться выволить из-за рубежа ушедшие туда картины самородного гения. И каждая из этих картин будет стоить миллионы долларов. Я была уверена в этом, ибо даже в одном увиденном рисунке была проставлена печать веков.

Еще задумалась о том, почему Таракай живет отдельно от мира, не хочет ни с кем иметь постоянных «завязок». Общение с бомжами — это условность. Среди племени бродяг никто никому не нужен и ничем не обязан. Свобода друг от друга,

свобода от жизни, свобода от смерти. Если человек один на один с природой — он для всех других не существует. Его жизнь не оставляет следа. Смерть — тоже. Но бродяги не чувствуют себя одинокими. Почему? Потому что живут наедине с Богом. Или с чертом. Кто как.

Таракай — творец, посланец Бога на этой земле. Имеющий общение с Богом никогда не предпочтет человека в собеседники. Представьте себе академика, который тратит время на беседы с бактерией. Примерно такая иерархия. Но все это никак не проявляется на уровне сознания. Таракай, в обычном понимании, взрослый ребенок, которого ведет интуиция, а не сознание. Ангел ведет.

Знаю, что многие не согласятся с моими размышлениями. Большинству покажется смешным сравнение Таракай с академиком, а всех прочих — с бактериями. Но согласия и не требуется — это всего лишь мой внутренний монолог, речь, обращенная к себе.

ГЕЙДЕКШТРАССЕ

Любила я иногда, возвращаясь домой, сделать крюк — проехать лесным путем, где на входе в оборонное предприятие с некоторых пор была построена маленькая церковь. Скорее, не церковь, а часовня. Я называла ее — храм на Гейдекштрассе.

Улица, на которой находилось оборонное ведомство, так и называлась — Гейдекштрассе, по фамилии бывшего директора, который содержал завод в идеальном порядке. Вокруг сосновый лес — справа и слева, а по просеке проложена улица с трамвайными путями и обычными пассажирскими остановками. Благодаря усилиям директора, не только завод, но и прилегающие территории всегда выглядели сказочно красиво. Кованая ограда была превращена с помощью покраски в бело-синие замысловатые кружева и тянулась вдоль всей лесной улицы. Фонари в старинном готическом стиле освещали асфальтовую проезжую часть и трамвайные рельсы в ночное время. Остановки — игрушечные теремки с деревянными скамейками — казались жилищами лесных гномов.

Давно ушел из жизни бывший директор, а сказочная улица его имени жива и выглядит по-прежнему идеально, словно находится где-нибудь в центре Европы. А теперь ее украсило маленькое небесное чудо — Покровская часовня, которую народ метко назвал «умной часовней». На ее звоннице — семь колоколов. Все они подключены к компьютерной программе «электронный звонарь» и восемнадцать мелодий их задаются с пульта управления.

Тот, кто построил часовню, уже создал свой личный мост в будущее — пусть маленькую, но заметную тропинку к Богу (и к людям!), которая проходит и через улицу Гейдекштрассе.

Казалось бы, странное сочетание — оборонный завод и часовня. Однако ничего случайного не бывает, жизнь и смерть всегда рядом, как мир и война. И не просто рядом, но одно проистекает из другого — так велико взаимопроникновение материального и духовного. И что было первично, что вторично — этот вопрос не имеет смысла, ибо все рождается из всего, и все умирает во всем.

Николай Макаров
(г. Тула)

НАШИ СВАДЬБЫ В АФГАНИСТАНЕ

Наш постоянный автор, член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова, лауреат литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого, лауреат премии им. С. И. Мосина

БОЛЬ ЗА АРМИЮ

*Дарченков Владимир Юрьевич,
родился 29.05.1960
в Тверской области.*

Лучше бы я не заводил разговора с Володькой Дарченковым о нынешней армии. Сколько боли, сколько страдания в голосе, будто не армию, а его самого втоптывают в грязь, опускают ниже самого нижнего плинтуса, будто без наркоза режут его израненное тело и еще более израненную душу.

— Не знаю, что будет дальше, но хотя бы сейчас спохватились и начали — пока, правда, на бумаге — возрождать ДОСААФ нашего детства.— Владимир Юрьевич Дарченков, полковник запаса, всего две недели как постигает азы новой для него работы: подготовки допризывников.

— Ты только подумай, что творится? — его возмущению нет предела.— В роте оставили одну офицерскую должность — ротного командира. Уйди ротный в отпуск, заболел, в конце концов,— кто будет управлять войсками? Прапора, которые дослуживают последние дни, скоро исчезнут из армии, как классовый враг, и что дальше?..

— В моей бывшей «епархии» и того хуже.— Скребут, скребут и у меня кошки на сердце, болит оно, окаянное, за то, чему отдал свои лучшие четверть века.— Представляешь, эпидемиолог дивизии и старшелейтенантская должность? Какой командир полка будет к его доводам прислушиваться?

— А командиры полков, думаешь, лучше? Рассказывали мне недавно про одного. Сидит пьяный с утра в кабинете, начальник штаба ему докладывает, что личный состав полка на плацу в ожидании развода, а тот ему: «Пусть ждет, хоть целый день!».

— Володь, хорош — о грустном. Расскажи про Афганистан.

— В эту субботу собираюсь в Москву. Многие из роты, которой командовал Лебедь, выпуска восьмидесяти первого года РВВДККУ приедут на его могилу.

Минуто молчим.

— Сразу после выпуска, вернее, после отпуска убыл проходить службу в Афганистан. В 317-й полк командиром взвода на два года.— Он немного оживился.— Первое ранение. Агентура донесла, что в один кишлак ночью «духи» завезли много

мин. Рота окружает кишлак, я со своего БТРа вижу, как за углом ближайшего дувала мелькнула тень. Свесившись с брони, даю длинную очередь, и сразу под задним колесом раздается взрыв — гаденыш, все-таки успел поставить мину — и мне обожгло плечо. Ничего — в медсанбате вытащили осколок, заштопали. Через две недели опять на боевые...

Он начинает сыпать названиями населенных пунктов, датами, количеством трофейного оружия, вплоть до марки этого самого оружия и года и страны его изготовления, именами и фамилиями солдат и офицеров.

— Да, твоей памяти можно только завидовать, но как вы умудрялись в пустынях находить душманские караваны.

— Элементарно, Ватсон,— с начала нашего разговора на лице Дарченкова засияла улыбка.— Дорог-то через пустыню было всего две и наши группы каждую ночь, маневрируя от одного колодца к другому, и «прижимали к ногтю духов». Однажды взяли четыре машины с оружием.— Он опять не удержался и начал перечислять трофеи.

— Хватит тебе о них, что дальше-то?

— Основная часть «духов», сам понимаешь, навечно осталась в пустыне, а небольшая группа ускользнула на пятой машине. Кинулись за ними в погоню, но они сами ее взорвали и растворились в песках.

— Не понял: зачем они сами-то взрывали? Могли же уйти?

— Восток — дело тонкое. Они отвечали за все пять машин оружия, а привези они покупателю только одну... Что бы их ждало? А так — нет машин, нет людей: спросить не с кого...

— После Афганистана?

— После — трагедия: Славка Щербача, который меня заменял, со своими бойцами погиб в вертолете.

— «Стингер»?

— Наверное.

— Красная Звезда, знаю, у тебя за Афганистан, а орден Мужества?

— За Чечню. Это — я уже служил во внутренних войсках: три раза побывал в «горячей точке». Всего — девять месяцев.

— Что-то у тебя с арифметикой туговато?

— Это ты про шесть лет моей службы вначале помощником коменданта, а затем и комендантом одного из районов Грозного?..

— Самое неприятное впечатление?

— Через два года моей комендатурской работы жена категорически заявляет, что поедет вместе со мной. Так и проработала там фельдшером четыре года.

Мы опять минуту молчим.

— Да, не грусти ты,— это он меня подбадривает.— Мы еще нынешней молодежи сто очков вперед дадим.

— А-то...

С ЛЮБИМЫМ — НА КРАЙ ЗЕМЛИ

*Дарченкова Надежда Петровна,
родилась 12.10.1960 в городе Горловке
Донецкой области Украинской ССР.*

Окончив в 1979 году Изюмское медицинское училище, Надежда Верихова стала дважды в год привлекаться военным комиссариатом на призывной пункт для медицинского осмотра будущих защитников Родины. Присмотревшись к молодой медицинской сестре, руководство военкомата предложило ей командировку на два года в

Афганистан, тем более, что в стране проходил так называемый комсомольский набор среди молодого гражданского населения всевозможных специальностей.

— Представить себе не могла, — вспоминает Надежда, — что в Афганистане (1981—1983 годы: *примеч. автора.*) встречу свою вторую половинку, главную и единственную награду за ту войну. Правда, ЦК ВЛКСМ и наградил меня Почетной грамотой, хотя представляли к правительственной награде. Да, Бог с ними.

В Афганистане Надежда работала не по профилю: из медучилища она вышла с дипломом об окончании отделения «Стоматология», а пришлось два года работать в Кабульском инфекционном госпитале в отделении особо опасных инфекций. Гепатит, брюшной тиф, малярия, другие экзотические болезни — ко всем нюансам новой специальности пришлось вникать без раскочки, с первых минут пребывания на новом рабочем месте. А тут вскоре на охрану госпиталя прислали со взводом солдат молодого, высокого, стройного, симпатичного и, вдобавок, веселого, окончившего совсем недавно Рязанское десантное училище, молодого лейтенанта Вовку Дарченкова. То, да се — никаких ППЖ (ППЖ — походно-полевая жена: *примеч. автора.*), и вскоре, 15 октября 1983 года, молодая пара в Советском консульстве в Кабуле получает свидетельство о заключении брака. Слова-то какие нехорошие: «заключение брака». Нельзя, что ли, такое торжественное мероприятие назвать, к примеру: «заключение супружества»? Да, ладно, брака, к великому их счастью, в семье Дарченковых как не было, так нет до сих пор.

Они не только Афганскую войну прошли бок о бок, но и тогда, когда Владимир, вернувшись из Афганистана, перешел служить во Внутренние войска, и был назначен комендантом одного из районов Грозного, Надежда, не раздумывая, поехала к мужу. Поехала не только хранительницей домашнего очага, а пять лет (2004—2009 годы: *примеч. автора*) работала, не покладая рук, фельдшером медицинского пункта комендатуры.

— Это, к примеру, у нас в Туле, — поясняет Надежда, — в военной комендатуре десяток человек личного состава, в Грозном в каждой комендатуре более трехсот человек. А в медицинском пункте всего пять человек: начальник медицинской службы, он же главный врач, фельдшер, фельдшер-аптекарь и два санитарных инструктора в ротах. Так что, практически, вся лечебная работа — от смазывания йодом синяков и выдачи таблеток от головной боли до несложных операций — лежала на мне. Плюс обслуживание администрации и милиции района, плюс оказание помощи местному населению — им не внушали доверия местные эскулапы, да, по правде говоря, и не обладали они должной квалификацией. Работы хватало.

После Грозного Надежда вернулась вместе с мужем в Тулу и наконец-то начала работать по своей специальности — медицинской сестрой в стоматологической поликлинике. И стали они с мужем жить-поживать и добра наживать...

ПАСЫНКИ АФГАНИСТАНА

*Крючков Владимир Петрович,
родился 01.05.1960 в деревне Акжювские Выселки
Плавского района Тульской области;
Крючкова Вера Николаевна,
родилась 23.12.1963 в городе Кемерово.*

Безрассудность?
Безалаберность?
Пофигизм?
Или знаменитый русский «авось»?

Или...

Гадай не гадай, но с восьмью месяцами беременности попасть под ракетно-артиллерийско-минометный обстрел и чуть не погибнуть на аэродроме Баграма перед отлетом в Союз и родить...

Нет, родить через месяц не ожидаемого мальчика — какое в Афганистане восемьдесят восьмого года, понимаешь, УЗИ? — а родить здоровую, крикливую девочку, вернее, дочурку, еще точнее, афганочку — родную кровиночку.

Война — войной, и не только обед по распорядку, но любви и все возраста, и все времена, и любые обстоятельства покорны.

Вот как-то так.

Кто бы мог подумать, что два сердца — тульское и кемеровское — найдут себя и забудутся в унисон в далеком Афганистане, в Баграме...

...Очередной раз, проходя на дежурство на электростанцию мимо военторговского магазина, Владимир краем глаза скользнул по вновь прибывшей продавщице. Повернул голову, их глаза встретились и он, пробывший в Афганистане год с небольшим, застыл соляным столбом.

Судьба? Случай? Фатум?

...И Владимир, и Вера своим родителям — ну, не клятвенно, конечно же, — говорили, что едут работать по контракту (в то время — заветная мечта и гражданских, и военных граждан СССР) в Германию. «Позабыв» сказать, что из десяти кандидаток в Афганистан взяли только ее одну — Веру Корнейчук. У Владимира ситуация сложилась и того круче — более тридцати человек на одно место. Но помогла безупречная биография: личное клеймо мастера-наладчика токарно-револьверных автоматов на Точмаше; срочная служба в погранвойсках на границе с Турцией в Туркестане (уникальная медаль за службу — «За ратный труд в Туркестанском военном округе»); считай, экспромтом прием в комсомол. И они, сугубо штатские, оба — в Афганистане.

Штатские-то штатские, но, выходя на суточное дежурство на дизельную электростанцию, обеспечивающую электричеством весь гарнизон Баграма, экипировка Владимира (естественно, не его одного, а всех) состояла в том числе и из бронежилета, каски, АК-74 с тремя полными рожками. Хотя — чего греха таить — броник с каской часто «забывали» перед выходом на дежурство. Кроме того, в обязанности электриков входил предвиденный и непредвиденный ремонт переносных дизельных электростанций на заставах в горах, куда они добирались в сопровождении военных, порой вместе отбиваясь от моджахедов.

Работникам военторга тоже доставалось «на орехи». Каждый раз (хотя бы, сволочи, сделали разочек исключение), проезжая через кишлак Аминовка, автолавки военторга подвергались обстрелу — или с дальних подступов, или чуть ли не в упор.

Зато, мчась на машине в сопровождении двух БТРов в Кабул для выполнения супружеско-бюрократических обязанностей под звуки марша Мендельсона — не лаптем щи хлебали даже на войне! — в Советском консульстве, они не слышали ни одного выстрела. Или их не обстреливали, или им было не до выстрелов...

...В сентябре восемьдесят восьмого родилась Алина. В декабре, пробыв в Афганистане три года, хотя и приглашали на должность прапорщика в 345-й парашютно-десантный полк, Владимир встретился в Кемерове и с женой, и с дочерью, и с тестем-тещей.

Затем — переезд в Тулу и, как в сказке, стали они жить-поживать, добра наживать и, в положенное время, воспитывать внучка Ева.

Постскриптум:

Интерпретировав совместные воспоминания супругов Крючковых, попросил Владимира написать самому не только об Афганистане, но и о той несправедливости,

с которой столкнулись все гражданские люди, вернувшись из-за Речки, и какую он титаническую работу взвалил на свои плечи, чтобы вернуть ту самую справедливость, по которой они, гражданские лица, перестали бы быть пасынками той войны.

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА АФГАНЦЕВ ШМЕЛЕВЫХ

Шмелев Валерий, родился 09.03.1957.

Шмелева Ирина родилась 23.01.1961.

Какой одессит не мечтает стать моряком? Какой одессит не бредит морем с пеленок? И хотя Валерка Шмелев родился не в самой Одессе, а в ее окрестностях, он не избежал участи своих земляков. Поэтому после школы и «по совместительству» трехгодичной работы механизатором широкого профиля в совхозе он с семьдесят шестого по семьдесят девятый бороздит просторы Черного моря, в основном, в подводном положении — на дизельных подводных лодках (не имел и не имеет наш Флот в этом море атомных подлодок, к сожалению). По окончанию службы на флоте ему, молодому коммунисту, открываются большие перспективы для дальнейшего карьерного роста, но семейные обстоятельства на полтора года разлучают его с армейской службой. Только в январе восемьдесят первого года он становится прапорщиком в 1065-м гвардейском артиллерийском полку 98-й гвардейской воздушно-десантной Свирской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии — или, в десантном простонародии, Болградской дивизии. Отсюда, из родного Веселого Кута, где он жил с родителями и где дислоцировался артполк, в декабре восемьдесят второго секретарь комсомольской организации дивизиона гвардии старший прапорщик Валерий Иванович Шмелев направляется для дальнейшего прохождения службы (как казенно, занудно звучит эта фраза) в отдельный 345-й гвардейский полк, в Баграм, в Афганистан.

«Комсомольской работой занимайся сколько хочешь, сколько душе угодно,— встретил его командир полка в Баграме,— но только в перерывах между боевыми. А на боевых готовься заменить, подменить любого в артиллерийском дивизионе: на то они — и боевые».

О Шмелеве я ничего не знал, не служил с ним вместе. В нашу Тульскую, 106-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию он, естественно со своей женой, пришел служить в 1997-м году, четыре года спустя после моего увольнения из Армии.

— В основном на боевых я ходил, вернее, ездил в техзамыкании. Еще со школьно-совхозных времен был равнодушен к любым механизмам. Знал, как свои пять пальцев, любую колесную и гусеничную технику.— Бывший гвардии старший прапорщик в тройке, при галстукке, в модных «шузах» неторопливо начинает рассказывать про свое житье-бытье в Афганистане, в начале нашей беседы обращаясь ко мне на «вы».— Как-то раз, в начале восемьдесят четвертого года, к нам в гости, на чей-то день рождения, пришли медсестры из соседнего медсанбата. Мне сразу приглянулась одна сестричка. Все, естественно, поднимают бокалы (бокалы — громко сказано) за здоровье именинника, а я сижу трезвый, не пью...

— ???

— Недавно переболел гепатитом...

— Понятно.

— Начинают танцевать. И ко мне подходит она, приглянувшаяся мне дивчина...

— Конечно,— опять перебиваю его,— один непьющий среди всех.

— Так оно и было — так я и познакомился со своей будущей женой Ириной.

— И?

— На День ВДВ — 2 августа 84-го в Советском консульстве в Кабуле мы подали заявление, а 13 сентября — расписались.

У них в семейном архиве священной реликвией в пластиковой упаковке хранятся их Командировочные удостоверения в Кабул сроком на двое суток с 13 сентября 1984 года для регистрации брака, выписанные ему в штабе 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка, ей — в штабе 100-го медицинского батальона 108-ой мотострелковой дивизии 40-ой общевойсковой армии.

— Да, не знаешь не только, где упадешь, но — и где счастье найдешь.

— В конце восьмидесят четвертого проводилась крупная операция в Ургунском ущелье. Я, как обычно, на БэТээРе — в техническом замыкании колонны дивизиона, затем пересаживаюсь на УРАЛ, под завязку загруженный гаубичными снарядами. Через сто метров УРАЛ подрывается на mine — мы трое: я, водитель и еще солдат, сидящий в кабине, отделиваемся контузиями. Наверное, наши Ангелы — хранители втроем не допустили детонации снарядов — в противном случае от нас бы практически ничего не осталось: только развеянная по окрестным горам пыль. По рации докладываю командиру, что «двухсотых» нет, «карандаши» (мы, то есть) целы, «огурцы» (то есть, снаряды) перегружаем на другие машины. Контуженных солдат на вертолете отправляю в Баграм, в медсанбат. Сам на своем родном БэТээРе догоняю колонну, сказав перед отлетом своим солдатам, чтобы они ничего в медсанбате жене не сообщали о моей контузии.

— Как всегда, солдаты...

— Ты абсолютно прав: солдаты по прилету в Баграмский медсанбат ничего особенного и не сказали, сообщили только, что у меня небольшая контузия. Иринка, естественно, падает в обморок. И вся помощь, вроде бы полагающаяся мне, — Шмелев смеется, — оказывается ей.

— Орден — за эту операцию?

— За эту операцию — медаль «За отвагу», хотя и посылали на Красную Звезду. Но в верхах решили, что комсомольскому секретарю давать сразу орден как-то не с руки.

— И орден?

— Орденом Красной Звезды меня наградили за операцию в окрестностях кишлака Пачахак. Наша колонна попала в засаду. «Духи» стреляли со всех сторон. По рации вместе с замполитом работали наводчиками, корректируя огонь нашей артиллерии. Еле успели отвести колонну техники — вызывали огонь практически на себя. К счастью, потерь у нас во время этой операции не было, а «супостату» досталось крепко.

— Подожди, а медаль «За боевые заслуги»?

— Это — после Афганистана. В марте 85-го, через два года и три месяца, я вновь оказался в родной Болградской дивизии. Жена еще надо мной подшучивала, что у нее, мол, имеется медаль «ЗБЗ», а у меня — нет (ей медаль вначале пришла в Житомир, по месту ее рождения, затем медаль переслали в военкомат Арциза, районного центра под Кишиновом, где она работала в больнице медсестрой. В ее Наградном листе, в частности, имеются и такие строки «... Во время Панджшерской операции в апреле-июне 1984 года работала по 20 и более часов в сутки, не щадя своего здоровья, ради спасения жизни раненых... Выходила и возвратила к жизни более 300 раненых...»). Чуть отвлекся.

— Ничего, нормально.

— Так, вот: в восьмидесят девятом мы (да, ты и сам, наверное, тоже в это время со своей Тульской дивизией не сидел на зимних квартирах) «работали пожарниками» — «тушили» конфликт в Армении, когда разрасталась война в Карабахе. Мне со

своим зенитно-ракетным взводом (тогда занимал должность командира этого взвода) пришлось брать школу ДОСААФ в Ереване, на крыше которой засели мятежники, держа под огнем всю округу.

— Сумгаит,— перечисляю ему «свои пожароопасные точки»,— три раза Баку, Тбилиси.

— Значит не понаслышке знаешь, как все тогда происходило... Принимаю решение. По пожарной лестнице поднимаемся на соседнее, более высокое здание. И с крыши этого дома даю очередь из двенадцати патронов, заметь, над головами той шпаны на крыше ДОСААФа. Сразу же — руки «в гору», все оружие — на крышу, мокрые штаны, сопли до колен. Трое моих держат их на прицеле, я с двумя солдатами поднимаюсь к ним, остальные — оцепляют все здание ДОСААФа. Но из списка награжденных меня исключил замполит полка, говоря при этом:

«У него и так наград за Афганистан много».

«Он один со своим взводом захватил трофейного оружия больше, чем весь остальной полк»,— и командир полка поставил точку в споре о моем награждении.

— Хватит о войне,— в очередной раз перебиваю Шмелева,— у тебя же в сентябре «серебряная» свадьба...

— О моем знакомстве и свадьбе с Ириной в декабре девяносто девятого года Екатерина Гарбузова напечатала большую статью в газете «Молодой Коммунар», которая называлась: «Я на свидание ходил с двумя гранатами».

— Опять война,— ворчу недовольно.

— Никуда от нее не денешься,— Ирина Шмелева протяжно вздыхает,— та война и соединила нас.

— Кому — война, кому — мать родная,— неудачно шучу и тут же извиняюсь за бестактную неуместность.

— Да, чего там,— продолжает Ирина.— От тех контуженных солдат, которых Валерка отправил к нам в медсанбат на «вертушке», а сам остался на боевых, от их бессвязного лепета я почему-то подумала о самом страшном. И самой сестре-анестезистке пришлось срочно оказывать реанимационную помощь — приводить в чувство, в рабочее состояние. И — сразу к операционному столу: раненым-то нет никакого дела о твоих личных проблемах. Все правильно, так и должно быть — каждый делает свое дело.

— И напоследок,— ненавязчиво обращаюсь к супругам-афганцам Шмелевым.

Они оба сразу же понимают намек и в два голоса в унисон заканчивают нашу беседу:

— Конечно, в сентябре вместе с нашей дочерью Юлей ждем тебя на нашу «серебряную».

— Честь имею!

Яков Шафран
(г. Тула)

ОПОЛЧЕНЕЦ

Ранним утром стояла неожиданная, столь желанная, после недавнего грохота, тишина. Шел холодный и, как часто все осенние, нудный мелкий дождь. Ожидаемый морозец так и не наступил, не сковал землю, и мокрая почва была вдоль и поперек перепахана техникой, между следов которой чернели отпечатки многочисленных человеческих ног и рывины с ямами, наполненные водой. Вдали, на юго-западе, часто вспыхивали зарницы и погромыхивало, и если бы не конец октября, то можно было подумать на дальнюю грозу. Справа и слева от Александра, съжившись, дабы сохранить какое-никакое тепло, сидели люди. А сзади не спал, жил напряженной, совсем не ночной жизнью, город. Луна, с опаской проглядывавшая ночью сквозь разрывы облаков, зашла еще несколько часов тому назад, да и теперь, по эту пору, как и звезды, не была бы видна сквозь плотную пелену туч, затянувших это позднее осеннее черное небо. Ветер, несший в глаза мелкие капли дождя, заставлял щуриться. Над островками пожухлой травы, уже наполовину голые, словно задумавшись, стояли молчаливые и озябшие деревья.

Ночью здесь, в Рогожинском поселке, был крошечный ад: грохотало, сверкало огнем, лилась кровь, здесь на самой окраине города бушевала неистовая стихия тяжелых, жестоких боев. Все это было противно окружающей природе и еще недавно столь мирному городу. Но разве об этом думала оголтелая зомбированная орда, рвавшаяся к Москве? Неудача их 4-й танковой группы на северо-западе от Москвы заставил 2-ю танковую группу, с юга и юго-запада, всю ночь на 30 октября, продолжать атаки на позиции защитников в надежде овладеть городом и беспрепятственно двинуться дальше, чтобы замкнуть кольцо вокруг столицы.

Александр прибыл на позиции рабочего полка, недалеко от Орловского шоссе, ранним утром, еще до рассвета, когда бой заканчивался и немцы отходили — отходили! — оставляя после себя горящие танки, разбитые мотоциклы с колясками и множество трупов в залитых кровью грязно-серых шинелях. Он видел, как санитарки выносили с поля боя наших погибших и раненых, в том числе и искалеченных. Ему все это было впервой, потому колотилось молодое сердце, и несколько раз поднималась волна тошноты.

Было затишье. Измученные недавним и суровым видом уцелевшие бойцы, как и он, одетые в рабочую одежду, черные телогрейки и кепки, молча показали Александру и прибывшим с ним новым ополченцам их места в довольно опустевших окопах. Да и о чем было говорить? — Понятно, что немцы от своего не отступятся. Он устроился, насколько это было возможно, поудобнее и закрыл глаза. Нахлынули воспоминания...

...Вот он идет по улице Демонстрации к себе домой, что у реки Воронки. Начало октября, листва всевозможных желтых, оранжевых, красных и коричневых цветов и оттенков. Вот бы сейчас за мольберт. Александр давно уже в свободное время

рисует и пишет красками. Но разве сейчас до этого? Вон и весь пейзаж портят заделанные фанерой и досками окна, рвы и окопы, стоящие то тут, то там зенитки и баррикады. Что же будет дальше?..

Еще в сентябре их Оружейный завод начали эвакуировать под Медногорск Оренбургской области: одни станки разбирали, другие выдвигали через проломы в стенах и краном грузили на железнодорожные платформы. К середине октября цехи были почти пустыми, разоренными, и в его родном — сквозняк, и на полу мусор и детали... Шла запись желающих эвакуироваться для работы на новом месте дислокации. А были и такие жители, что, собрав скарб, просто бежали в безопасные места. Но не все оружейники переехали с заводом, некоторые мастера и рабочие остались. Он тоже не уехал, хотя родители умоляли, и начальство настоятельно рекомендовало — броня ведь, золотые руки токаря. На кого он стариков своих бросит? Ведь старшие его братья — командиры, с семьями жившие в других городах, сейчас на фронте, а их женам с детишками и самим тяжело. Оставшиеся на заводе на немногих, не эвакуированных, станках и кустарном оборудовании, наладили, какое-никакое, производство снарядов, ремонт орудий и винтовок...

Так в размышлениях, одновременно испытывая теплоту к родным местам, Александр не заметил как прошел большую часть пути и почти дошел до дома, когда вдруг подумал, что в любой момент из семейного гнезда, с которым связано столько сердечных воспоминаний, тот может превратиться в ничто, даже развалин не останется. Вон все чаще надрываются заводские гудки и сирены, извещая о смертельной опасности, особенно теперь, после взятия немцами Орла. По ночам стреляют зенитки — люди спят, не раздеваясь, и бегут от бомбежек в подвалы и бомбоубежища. Он знал — немцы планировали захват заводов, чтобы наладить свое военное производство и ремонтную базу, и потому практически не бомбили и не обстреливали город из орудий. Но железнодорожные узлы совсем иное дело — отрезать Москву от снабжения для полной блокады было их целью, потому по их району возле Московского вокзала били почти непрерывно. Вот и позавчера бомба в соседний дом попала — хорошо соседи в подвал успели убежать, во дворе долго пылал пожар, но дом Александра не тронуло, только дальние хозяйственные пристройки сгорели.

«Родителей все же нужно куда-нибудь отправить: попросить у начальства переселить их в квартиру недалеко от завода — вон их, сколько пустует, или в деревню, — подумал Александр. — Хорошо было бы в Людмилину, — где мы провели с ней тогда, в июне, один единственный, но волшебный день, — да та уже под немцами. Люда-то и сама уже в городе, учится на медсестру...»

...Воспоминания его прервал шум мотора и лязг металла. Еще не рассвело, но уже на грузовике привезли оружие и боеприпасы. Самым отличившимся в ночных боях вручили винтовки Лебеля и по пять патронов к ним. Он понял, что вооружения не хватает. Получили они на батальон немного патронов для пулеметов Льюиса, привезли, правда, опытную партию экспериментального пистолета-пулемета системы Коровина и немного самозарядных винтовок СВТ, пистолет-пулеметов Шпагина и винтовок Мосина. Не ахти, но связки гранат и бутылки с зажигательной смесью, следовавшие за стрелковым оружием, придали некоторую уверенность. Все стихло, и Александр, поудобнее устроившись в своем окопе, снова ушел в себя.

«Как хорошо, — подумал он тогда, уже подходя к дому, — что Люда здесь, в Туле, далеко от того кошмара». Они встречаются — конечно, не так часто, как хотелось бы. Вот и завтра они вновь должны увидеться. Он вспомнил об их самом первом свидании...

...Это было еще в середине июня, за неделю до начала войны. Александр, познакомившись с Людмилой — синеглазой, белокурой и стройной девушкой, приехавшей в Тулу с одноклассниками после выпускного бала, стал переписываться с ней, и вот приехал на выходной в ее деревню с таким красивым названием Березово.

Но не только название,— окрестные пейзажи были великолепны. Красоты природы всегда производили на него как художника неизгладимое впечатление. Вот и сейчас, восхищаясь ими, он ощущал в душе тихое счастье. Казалось, и вся жизнь впереди будет тихой и счастливой. Конечно, он понимал,— это все исходило, прежде всего, от Людмилы. Вернее, и речка, и поле, и лес, и они — парень с девушкой — в той неповторимой светлой стадии зарождающейся любви,— все было составляющими одного единого целого, имени которому он не находил, но ощущал как счастье.

Они бродили по лесным полянам и опушкам, по лугу и травянистым склонам оврагов, собирали землянику и кормили ею друг друга с руки. Лес притягивал их неведомой силой, и они вновь возвращались к нему. Солнце золотом разливалось по соснам. Радужась ему, многоголосым хором распевали под небом птицы. Был замечательный день середины лета, когда погода устанавливается надолго. Солнце в закат перед таким днем — светлое и приветное, мирно садится в облачко, и с ним погружается за горизонт. Тонкий край такого облачка засверкает расплавленным золотом и медленно погаснет. Но это вечером, а у них впереди был долгий и счастливый день.

Они вышли к реке, на берегу которой, нахохлившись, подобно воробьям, сидели с удочками деревенские мальчишки, перешли через мосток на другой берег, прошли по нему за поворот, туда, где, как стройная девушка, росла одинокая молоденькая березка. Мальчишек-рыбаков отсюда не было видно. Они присели на траву, и он нежно поцеловал ее. Волосы Людмилы разметались, подобно молодым колосьям ржи, а глаза радостно васильками сквозь них глядели на него... День и вечер превратились в вечность, время, казалось, остановилось для них...

...От воспоминаний его отвлекли сестрички, которые, пользуясь затишьем в боевых действиях, принесли горячую еду. Александр взглянул на часы — премия за ударную работу,— было шесть утра, со времени его прибытия в расположение полка прошло всего двадцать минут. Война войной, а есть хочется: ополченцы застучали ложками, каша — дело доброе, и горячий чай на холоде — подмога солдату...

...Прощаясь, они решили встретиться здесь же в следующее воскресенье. Вернувшись в Тулу, он приготовил краски и мольберт, чтобы взять с собой в деревню и написать портрет Людмилы. Обретя любовь, Саша с первого же рабочего дня активно включился в производство, работал, как говорится, за троих, а самое главное, ощущал Люсю рядом, и душе его от этого было тепло и радостно, как никогда ранее.

Но... их следующему свиданию не суждено было осуществиться. В воскресенье, 22 июня, что-то большое черное и жуткое, раскрыв зубастую плотоядную пасть, стало напозать на страну. Немного позже, когда он прочитал в газетах рассказы чудом спасшихся и перебежавших из оккупированных районов в расположение наших частей людей об изуверствах немцев и их, еще более жестоких, ретивых «помощников»: о растерзанных трупах, оскверненных женщинах и девушках, о восьмилетнем мальчишке с простреленной головой, о полураздетом старике, заколотом штыком, обуглившимся останкам заживо спаленных пленных и раненых красноармейцев,— ужас охватил его. И он понял, насколько великая опасность движется к сердцу страны. Она может отнять у него Люсю, родителей, его заветную мечту — стать художником, его любимый город, его самую лучшую в мире страну, где каждый человек, при желании и труде, мог добиться любого положения.

Саша написал письмо Людмиле, чтобы она отправила родителей, по возможности, куда-нибудь подальше, в глубь страны, а сама пусть приезжает в Тулу. О себе он сообщил кратко — завтра иду в военкомат.

Но в военкомате его заявление не приняли, мол, воевать пока, парень, есть кому, а ты — мастер-оружейник, каких мало,— иди, работай.

И он работал, работал самоотверженно, порой не выходя из цеха по двенадцать часов, а то и оставаясь ночевать там. Люся, отправив своих родителей к сестре матери в Магнитогорск, уже была в городе. Как он и рекомендовал, она поступила учиться на медсестру в училище, что на улице Менделеевской, и жила в общежитии. Они встречались, когда могли, но не так часто, как хотелось обоим. Саша познакомил Люсю со своими, и они приняли ее, как дочь. Мама очень хотела, чтобы они поженились, отец покашливал при этом, и Александр был с ним одного мнения — после войны!

А чудовище германское продолжало надвигаться. Оставлены Киев, Смоленск, Орел, войска под Брянском и Вязьмой попали в окружение, Москва практически на осадном положении — оставался лишь просвет с юга...

В середине октября было закрыто медучилище и большинство учащихся оказалось в ополчении — сестрами и санитарками. С этого времени Александра не оставляла тяжело мучившая мысль: его Люся уже на фронте, а он в тылу — в безопасности и тепле!

... Вдруг раздалась хлопки и за ними — взрывы. Александр понял: это немцы начали артподготовку. Он вжался в мокрую землю. На часах было шесть: «Война по расписанию,— подумал он.— Пунктуальные, изверги!» Вокруг свистели осколки, в окопе осыпалась земля...

...Тогда, в середине октября, когда Саша узнал, что Люся в истребительном батальоне недалеко от Тулы, память его, по своей, неведомой, прихоти, почему-то подняла из глубинных запасников картину, где он в детстве — у бабушки в деревне... И, видимо, из-за остроты впечатлений того летнего дня, детская память сохранила произошедшее тогда до мельчайших подробностей.

С утра небо было покрыто облаками, и парило. Старики говорили — к грозе. Они с братьями гуляли далеко от деревни, за пшеничным полем у реки. Направо темнела роца, налево тянулось ржаное поле, по краям которого было много васильков. Река была довольно извилистой, с красивыми, обильно покрытыми растительностью берегами, за нею — возвышенность с широким лугом на склоне. Солнце то и дело выглядывало из-за облаков, было душно, чувствовалось, что скоро пойдет дождь... Вдруг молния разделила все надвое. И они увидели, как под черной тяжелой тучей на них с ребятами шел пыльный вихрь. Прогрел и раскатился по небу сильный гром. Они побежали, но вихрь настиг их мощным потоком сухой хлесткой земли, сорванными с деревьев и кустов ветками и листьями, клоками травы и всяким мусором. Сразу после этого пошел сильный ливень, и молнии быстрыми белыми лентами непрерывно били из туч, гром гремел так, как будто хотел разрушить все окрест. Дождь сменил крупный град. Они укрылись, добежав до сарая на краю поля, уже почти у самой деревни...

...«А от этой, военной грозы, от этой надвигающейся черной громадной тучи, что нависла над почти всей европейской частью страны, от этого града снарядов и пуль, от этих авиа- и танковых вихрей можно ли укрыться?..— подумал он тогда, в октябре.— Укрыться-то можно, хоть всем, но дальше страны ведь не скроешься, а она перестанет быть, как таковая, вместе с народом — своим дитятей»...

«Страшный, злой, коварный и подлый, жестокий, людоедский мир вероломно вторгся в нашу жизнь,— продолжал думать Александр.— На заводе, среди товарищей по работе, и дома изо дня в день мне так спокойно и приятно, а в это время где-то, противостоя, может быть из последних своих сил, в грязи и крови, сражаются такие же, как я, люди — парни и их отцы, моя Люся и такие же, как она, невесты, сестры и дочери, да вот и мои братья же. А где-то грабят, отбирая последний кусок хлеба, и убивают крестьян, насилуют женщин и детей, морят голодом жителей блокадного Ленинграда оккупанты, надеясь при этом, что воля адского гения покроет все их дела, их не найдут и не осудят, что они станут хозяевами над моим народом в моей стране. Потому я должен пойти туда, в смертельную опасность, в огонь, в грязь и кровь, и биться, биться с этими тварями, преступниками перед родом человеческим, чтобы покарать хотя бы нескольких из них, помочь очистить нашу землю от них, от их подлости и мерзости!» Александр задрожал всем телом и, судорожно дыша, на ставших вдруг непослушными ногах зашагал назад и вперед по комнате. Этой навалившейся вдруг слабостью мудрое сердце подсказывало ему, пусть пока не совсем осознанно: даже уничтожая конкретного врага, пусть и изверга, нельзя ненавидеть его душу, тем самым убивая ее. И среди немцев много тех, кого силой, под угрозой наказания и даже смерти их самих или близких заставляли идти на фронт, тех, кто сторонился издевательств над людьми. Когда Саша подумал так, слабость ушла, и осталось только мужество и решимость...

Назавтра Александр пошел в партком завода с просьбой отпустить его на фронт. Но ему опять отказали. В истребительный батальон попросился — тоже не взяли: твои руки, мол, нужны на заводе — к тому времени ремонтировали уже и танки... Изредка он встречался с Люсей, когда она приезжала в Тулу за медикаментами. Тяжело было на душе у парня...

26 октября был создан Тульский рабочий полк. Формирование его проходило в третьем учебном корпусе Механического института. Он состоял из бойцов всех («И Люсиного!» — понял Саша) истребительных батальонов, отрядов народного ополчения и добровольцев. И Александр не выдержал — «Или возьмите в рабочий полк и — на передовую, или самовольно убегу на фронт. Сил нет — девушка воюет, а я?..» И его взяли. Так он с пополнением 30-го рано утром попал на рубеж обороны...

...Артподготовка в один момент закончилась, но тишина не наступила, и Александр услышал низкий тяжелый гул, а потом увидел танки... Двадцать пять машин и колонны автоматчиков и мотоциклистов двигались на позиции полка. Немцы шли, бравирова еще прежними удачами, во весь рост и вели отчаянную автоматную стрельбу. Противотанковая батарея, выстрелы которой он с удовлетворением отмечал, была быстро подавлена танковыми орудиями фашистов. Немецкие офицеры, высываясь из люков, орал: «Партизан, партизан, сдавайся!» Укрывшись в окопах, туляки меткими выстрелами отвечали им. На голову врагов сыпались гранаты, в танки летели бутылки с зажигательной смесью. Сердце Саши, полное ненависти к фашистам, бешено колотилось, удары его гремели в ушах, как барабанный бой. Но в самом шумном сражении и в чувстве опасности было и что-то бодрящее.

Танки приближались. Все громче и громче был слышен их рев и лязг гусениц. Вот один из них уже совсем близко, можно различить его номер на броне; цепляясь за броню, прятались за орудийную башню и прижимались к ней фашистские автоматчики. Из орудия и пулемета башенный стрелок открыл огонь. Как бы чувствуя, что достойного сопротивления оказано не будет, прыгнув на землю, немцы присоединились к пешим и пошли в атаку. Ближайших туляки расстреляли из пулемета и полуавтоматов. Александр понял, что если он не уничтожит этот танк, то он пройдет дальше. Бутылки и

связки гранат лежали рядом с ним на земле. Вдруг из-за танка застрочил немецкий автомат. Обнаглевший фашист после стрельбы шел рядом с «панцирем», и Саша легко свалил его выстрелом из винтовки. Но танк шел прямо на него.

Волна страха окатила Александра с головы до ног — он почувствовал сильную слабость во всем теле и, одновременно с этим, сильное желание вдавиться, как можно глубже, в землю и закрыть глаза. Однако каким-то шестым чувством Саша ощутил стоящих сзади себя родителей и Люсю, друзей и знакомых по цеху людей, увидел свой дом, ту деревеньку, где он впервые познал тихое, теплое счастье любви, услышал напряженное дыхание города за своей спиной, и он глубоким и сильным вздохом загнал страх куда-то под ложечку, где тот сжался в плотный комок, и, не давая ему распусться вновь, распрямился и метнул бутылку. Та чиркнула по броне и упала на землю. Второй раз — в лобовую часть, это на какое-то время «ослепило» экипаж, и танк остановился. Он воспользовался этим и бросил третью — уже в корму танка, тот загорелся. Саша вылез из окопа и, захватив с собой связки гранат — пять гранат были связаны проволокой так, чтобы рукоятка центральной смотрела в одну сторону, а других — в противоположную, — стал отползать от танка к воронке не-вдалеке, ибо тот мог взорваться. Но в ту же минуту рядом разорвался снаряд — немцы снова начали обстрел позиций рабочего полка.

Александр почувствовал страшную боль и увидел красные лохмотья там, где ноги. И тут услышал жуткий крик рядом. Он с трудом повернул голову и увидел гусеницы танка, на которые было намотано что-то розовое... А в его сторону уже двигался другой танк. Напрягая последние силы, Саша откатился в воронку. Когда танк проезжал над ним, он увидел его «брюхо» и, собравшись, когда тот миновал воронку, метнул связку под него.

Взрыв оглушил Александра, но осколки миновали его тело. Танк же загорелся и, проехав по инерции еще метров десять, остановился. Саша услышал частые одиночные выстрелы и понял — это ополченцы расстреляли вылезавших из «панциря» фашистов.

Все произошедшее длилось пару минут, но ему, как в замедленной съемке, это время показалось вечностью. Чудом спасшийся, с раздробленными ногами, он, теряя сознание от сильной боли и большой кровопотери, в последние секунды увидел небо — уже с голубыми просветами, глубокое и отрешенное от всего человеческого, от всего, что происходит здесь... Сквозь уже смежающиеся веки, почти беспомощно, он увидел некий приближающийся женский образ, похожий на Люсю. Она исчезла на некоторое время, потом вернулась и стала вытаскивать его... Темнота опустилась на все вокруг...

Место, где он лежал, обстреливалось сильным перекрестным огнем. Но Клавдия — сандружинница полка — заметила Александра и все же подползла к воронке. В это время немец-автоматчик заметил ее и стал стрелять. Тогда она откатилась к бойцу, лежавшему не-вдалеке. Убедившись, что он мертв, Клавдия, собрав все силы, чтобы защититься, взвалила убитого на себя. Когда стрельба по ней прекратилась — автоматчик подумал, что убита, — она, выждав минуту, снова добралась до воронки и вытащила потерявшего сознание Александра в безопасное место. Предварительно девушки организовали санпункт на земле, расчистив своими руками площадку, обложили ее земляным валом, достали сена, чтобы класть раненых и оказывать помощь...

...Когда Александр на миг очнулся — понял, что находится в госпитальной палате. Однако тут же все поплыло перед его глазами, и он забылся. На сколько времени — Саша не знал, но вот сознание снова вернулось к нему, и он увидел, что за окнами уже ночь. Открылась дверь, и кто-то в белом одеянии вошел в помещение. Вначале

подумал — Люся в белом халате. Приглядевшись,—а в палате стало заметно светлее, хотя посетитель электричества не включал,— понял — нет, не она.

— Что печалишься? — спросил тот.

— Жить хочу,— откровенно ответил Александр.

— Хочешь жить? А почему?

— Как подумаю, что больше не увижу солнце, звезды, лес, поле, речку, Людмилу свою, не буду писать картины... Эх!..— голос его прервался, он глубоко вздохнул и заплакал было, но Светозарный остановил его.

— А если ты будешь жить без ног, какой-то покажется тебе жизнь? В радость ли будет тебе природа и Людмила, солнце и звезды? Что ты напишешь, если душа твоя будет озлоблена, ожесточена и полна глубокой обиды на несправедливость мира, который так жестоко обошелся с твоей юностью?

— Пусть без ног, пусть... не обижусь, не помяну никого даже словом плохим, только бы жить и творить радость и красоту!

— Ну, что же, живи. Но помни, что сказал!

Видение исчезло, или Александр очнулся? В палате, кроме спящих соседей, никого не было. Но, казалось, ее наполнял свет. Или это душа Александра успокоилась? Он протянул руку к ногам и ниже колен ощутил пустоту под одеялом...

...Позже, поправившись, Александр узнал, что ни 1 ноября, когда участок полка начинался от здания Оружейно-технического училища, где располагался его штаб, и простирался по прилегающим к нему улицам, ни 3—4 ноября, когда отражали по три-шесть танковых атак, ни 7 ноября — в объявленный немцами последний срок взятия Тулы — не вышло им взять город! Справедливости ради следует сказать, он понимал — Тулу защищал не только рабочий полк, но и регулярные части Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Однако ополченцы внесли в это дело свой существенный патриотический вклад — было выиграно важное время, необходимое для подхода и развертывания основных подразделений.

Эпилог

В один из солнечных летних дней, на берегу речки, у Березово, если перейти через мосток, у которого, нахохлившись, подобно воробьям, сидели с удочками деревенские мальчишки, и пройти по нему за поворот, туда, где, как стройная женщина, растет одинокая береза, у мольберта стоял высокий мужчина с проседью у висков, одетый в серые просторные брюки и белую рубашку с завернутыми выше локтя рукавами, и держал в руках кисть. Рядом с ним на траве сидела светловолосая с большими, как озера, синими глазами женщина и смотрела то на мужчину, то вдаль, на лес, который писал сейчас художник. Волосы ее разметались, подобно колосьям ржи, и глаза радостно глядели сквозь них на мужчину. Они молчали: он не любил разговаривать во время работы, а она не хотела мешать ему, да и была немногословна, только душой участвуя в творческом процессе. Фигура мужчины была статна и красива, и лишь когда он, подыскивая лучший оттенок, переминался с ноги на ногу, была заметна некоторая неестественность постановки ног. В это послевоенное время такое часто наблюдалось в людях, и можно было догадаться, отчего так происходит... На холсте была видна гладь реки, блестящая, как зеркало, на ярком солнце, просторное желто-зеленое поле и свежий, зеленый еще по времени года, лес, как и в реальности притягивавший к себе неведомой силой. Солнце золотом разливалось по стволам сосен. В центре же картины были изображены обнимающиеся под тонкой березкой молодой статный парень и светловолосая девушка, для которых день, казалось, превратился в вечность, и время остановилось навсегда...

Алина Ульянова
(г. Королев, Московская область)

РАССКАЗЫ

Окончила Международный юридический институт при Министерстве юстиции РФ (МЮИ при МЮ РФ). Выпустила ограниченным тиражом методическое пособие «Защита авторских прав» для вузовской библиотеки. Стажировалась корреспондентом на местном телевидении «Королев ТВ».

ТРИ ДОРАДЫ*

Свежая рыба Акима славилась на всю округу. Дары морей и рек изобиловали на лотках, плавали в аквариуме живые. Торговля шла бойко, особенно в выходные. Но Аким любил конец недели не за добрую выручку.

Каждую субботу в полдень на рынок заглядывала девушка с черными, как агат, глазами и просила у Акима три дорады. Всегда. Он было поинтересовался, не желает ли прекрасная незнакомка чего другого.

С грустью в голосе она ответила, что лишь такая рыба годилась в пищу брату. Тяжелая болезнь поразила его. Легкое, питательное мясо спара поддерживало истощенные силы, вселяя надежду на выздоровление... Аким горько посочувствовал чужой беде, сделал скидку постоянной клиентке и глубоко проникся к ней. Заботливая, нежная красавица тронула мужское сердце. Приличествующая скромность не позволяла приставать к даме с расспросами о положении и происхождении, но Аким не сомневался — девушка из благородной семьи. Она одевалась, говорила и держалась подобающе. Столь видная особа казалась не парой простому лавочнику. Пока... Аким поднимался в гору. Через год планировал открыть свой магазин.

Однажды субботним утром поставщики привезли на редкость знатный товар. Исключительно хороша была дорада. Аким воспринял это как знак свыше. Он ненадолго отлучился домой, откуда приехал с парчовым мешочком, в котором хранилось фамильное кольцо из золота с самоцветами. Уже к обеду должна была явиться она. Аким решил признаться в чаяниях, надеясь в душе на взаимность. Бережно убрав подарок в ящик стола с весами, он принялся выкладывать ароматные тушки на лотки. Запах соленых волн распространялся по помещению. Отменный продукт сулил немалую прибыль. В прогнозах Аким не ошибся. Кулинары и гастрономы уносили с собой кто сельдь, кто осетра, кто окуня. Аким пересчитывал заработанные деньги, когда очередной гурман наведался за деликатесом. Дотопав до прилавка, грузный мужчина бегло посмотрел на витрину и распорядился взвесить ему три дорады, по-

* **Золотистый спар**, или **дорада**, или **аурата** (лат. Sparus aurata) — морской карась, рыба рода спаров (лат. Sparus). Романское название рыбы происходит от золотой полоски, находящейся между глазами (dorado (исп.) — золотой).

чистить, выпотрошить и помыть. Закинув пачку купюр в нишу под столом, Аким полез за рыбинами и ахнул. Их оставалось ровно три. Три дорады для большого брата... Аким резко одернул руку и застыл в неподвижной позе.

— Проблемы? — нахмурился покупатель.

Аким мялся, соображая, как вежливо отказать клиенту и не потерять его при этом.

— А не хотите ли взять лаврака*? — предложил он, мило улыбнувшись.— Лаврак не хуже дорады. Побелее мясо, да костей чуть побольше.

— Зачем мне лаврак! Взвешивайте дораду! И не задерживайте меня! Я спешу.

Вздыхнув, Аким приготовился отражать натиск.

— Извините, но дораду я Вам не продам.

— А это еще почему?! — возмутился покупатель.

— А потому, что она... Ммм... Она... Несвежая,— придумал Аким.

— Вот так новости! Приятель мне все уши прожужжал, нахваливая рыбу, будто только что из океана, которую он удачно ухватил именно здесь и именно сегодня! А Вы заявляете, несвежая! Объясните! — распаялся эмоциональный спорщик.

— Все правильно. Отличную дораду завезли с утра и во мгновение ока сгребли подчистую. А та, что на витрине — трехдневная. Завалылась с прошлой партии, я здоровил на продажу — кошек кормить, правда, ценник обновить не успел.

Здоровяк подозрительно сморщил нос, став похожим на бульдога:

— Однако порченной она не выглядит.

— Тут ошибиться легко, поверьте моему опыту,— убеждал Аким.— Ну и сами посудите. Зачем бы я врал Вам, если б рыба не была с душком? Обычно ведь делают наоборот, обманом спихивая гнилье.

— Да, в общем-то, обычно наоборот... — упрямец почесал затылок озадаченно.— Ладно, давайте своего лаврака. Он-то хотя бы свежий?

— Пренебреженно! — воскликнул Аким, обрадованный, что смог отбиться.

— И не забудьте почистить, выпотрошить и помыть!

— Организуем в лучшем виде,— озорно подмигнул Аким и поспешил исполнить заказ.

Управившись за пять минут, он передал «привереде» три тушки в пакете, пожелав приятного аппетита. Пробурчав что-то, мужчина удалился. Аким живо снял дораду с витрины и надежно припрятал для особой гостьи. Менее часа до ее визита...

Стрелки на циферблате бежали вперед и вперед. Волнение возрастало. Прибывали покупатели. Аким отвлекался на работу, нервозность немного утихала. Когда же он оборачивался на время, тревога мигом возвращалась. Он считал секунды за минутами. Сердце выпрыгивало из груди в преддверии скорой встречи. Но виновница томлений задерживалась... Аким выдвинул ящик из стола, аккуратно извлек из мешочка украшение. Полупрозрачный камень робко блеснул в искусственном свете. Аким сжал кольцо в кулаке, мысленно указывая дорогу той, что заблудилась где-то по пути к нему... Нахлынул поток людей. Одним потребовалось подобрать «что-нибудь для жаровни», другим выловить сачком карпа, который долго хлопал плавниками и бился в упаковке. А она... Она не приходила...

К вечеру Аким распродал почти весь ассортимент. Остатки забрали повара закусок. И только три рыбки, три дорады отчаянно ждали припозднившуюся покупательницу.

* (Обыкновенный) лавра́к (лат. *Dicentrarchus labrax* — вид лучеперых рыб из семейства мороновых. Также употребительны названия морской волк, койкан, сибас (от англ. sea bass — наименование, распространенное через российский ресторанный бизнес), морской судак, реже морской окунь, лубина (от исп. *lubina*), бранцино или брандзино, спигола, раньо (от ит. *branzino*, *spigola*, *ragno*).

Трое суток они пролежали под прилавком. Их с удовольствием съели дворовые кошки. Минула неделя. Потом две. А там дальше и месяц. Девушка с черными, как агат, глазами не появилась.

* * *

Рыбный магазин Акима славился на всю округу. Дары морей и рек изобиловали на лотках, плавали в аквариуме живые. У Акима купить можно было все, что душе угодно. Кроме, пожалуй, одного.

Уже год как он не продавал дораду.

ВЕРБЛЮД

Эту историю рассказал мне дядя Саша, друг семьи. Дело было в восемьдесят первом году, в Казахстане, близ поселка Чиилий*, куда еще советский студент отправился подхалтурить. Бригада из трех человек получила задание — за две недели покрасить радиорелейную станцию приличной высоты. Вознаграждение посулили достойное, вот только климат в регионе не обещал легкого пути к деньгам. Даже весной, далеко не в «пляжный сезон», после полудня здесь стояла жара тридцать градусов. Махать кисточкой, не падая с верхотуры от теплового удара,— то еще испытание огнем.

Проснувшись спозаранку, бравые парни в альпинистском обмундировании по обыкновению собрались на объекте. Оговорив план на сегодня, маляры-добровольцы подхватили ведра с краской и поползли как пауки по металлоконструкции. Начали три дня назад со шпиля, а заканчивать решили опорами у подножья. Дядя Саша бодро полез наверх. Добравшись до горизонтальной площадки метрах в семидесяти от земли, он уселся на краешке поудобнее и принялся орудовать инструментом.

Прошел час, другой. Температура воздуха повышалась. Хотелось пить. Дядя Саша обхлопал себя по карманам в поисках бутылки. По ветреной молодости или попросту второпях живительную влагу «в поднебесье» он прихватить забыл... Вздохнув разочарованно, дядя Саша переборол желание промочить горло и продолжил усердный труд. Жажда, тем не менее, отвлекала. Глаза невольно искали оазис. И нашли. На небольшом расстоянии от основания башни дядя Саша заметил озерцо. В своих страданиях он оказался не одинок. Изнемогающий от зноя верблюд стремился к источнику. Достигнув цели, «корабль пустыни» бултыхнулся в воду. Дядя Саша от души порадовался за млекопитающее (хотя бы ему повезло не умереть от обезвоживания) и вернулся к работе. Он старательно менял цвет железок со ржавого на нейтральный серый, мысленно плескаясь в прохладном водоеме. Обливаясь потом, Дядя Саша снова глянул на вожденный оазис. На поверхности виднелась одна голова туйе**. «Да он же тонет!» — воскликнул дядя Саша. Бедняга, верно, не знал, какие опасности подстерегали «купальщиков» в местных запрудах. Глинистый ил утягивал на дно как зыбучий песок. Дядя Саша заметался меж двух огней.

Солнце припекало. Времени выполнить норму до обеда оставалось всего ничего; терять его было бы обидно. Но любовь к братьям нашим меньшим не позволяла спокойно наблюдать за гибелью существа, попавшего как кур в оцип. Ярый защитник природы призвал всю команду немедленно оставить валики и лететь скорее вниз, на выручку. Спускаясь, дядя Саша соображал, как вытаскивать двугорбого из трясины.

* **Шиелі** (прежнее название — **Чиилий**, каз. *Шиелі*) — село (ранее поселок городского типа) в Чиилийском районе Кызылординской области Казахстана.

** С каз. — верблюд (зоол.).

Идеи особенно не появлялись. Действовать пришлось по обстоятельствам. У берега он быстро соорудил лассо из веревочного троса. Сам взял петлю, чтобы надеть на морду животинке, а свободный конец кинул ребятам из бригады.

— Миша, Женя, по моему сигналу тащите,— выдал инструкции дядя Саша и шагнул в водоем.

Он прошел два метра и даже не намочил штанины. «Мелко. Странно...» — подумал дядя Саша. Приближаясь к утопающему, он удивлялся сильнее: «Воды-то по колено...» Вероятно, в середине дно резко обрывалось, о чем никто не догадывался. Дядя Саша аккуратно нащупывал вязкую почву под ногами, боясь ухнуть там же, где жертва всей ситуации. Не рискнув идти дальше, он остановился в полуметре от головы животного, примеряясь с броском лассо. Улучив момент, лихой ковбой замахнулся...

Перед ним из ровной глади, как морское чудовище, вырос верблюд. Извергнув изо рта бурю недовольства, он гордо повернулся задом и побежал себе прочь, шлепая по «луке» копытами. Оплеванный и обескураженный дядя Саша смотрел ему вслед.

Галина Зеленкина
(г. Козинск Красноярского края)

ДВЕСТИ ТАКТОВ ТИШИНЫ

Родилась 11 июля 1947 года в городе Бресте, Беларусь, в офицерской семье. С 1960 года проживает в Сибири (до 1984 года в городе Братске Иркутской области, а с 1984 года и поныне в городе Козинске Красноярского края). Окончила энергетический факультет Иркутского политехнического института в 1971 году. Специальность — инженер-электрик. Работала проектировщиком в Группе Рабочего Проектирования на строительстве Братской, Усть-Илимской и Богучанской ГЭС.

С 1997 года занимается писательским трудом. Стихи и проза печатались в России, Украине, Германии, Чехии, Канаде, США и Бурятии. Член союза писателей России (МГО) с 2011 года. Академик Петровской академии наук и искусств (московское отделение), секция «Детская литература», с 2015 года.

Говорят, что земля слухами полнится. Вот и до музыкального театра небольшого провинциального городка донесся слух о странностях нового дирижера Стива Якоби, приезда которого оркестранты ожидали с минуты на минуту.

— Директор просил отнестись к Стиву с пониманием и помочь ему быстро освоиться в нашем коллективе,— произнес первый скрипач Алекс, выходя из-за кулис на сцену, где уже расположились в полном составе оркестранты.

— Говорят, что он с головой не дружит,— заметил альтист Андрей, любитель посплетничать обо всех знакомых и незнакомых ему людях.

— Говорят, что и кур доят,— грубо оборвал его контрабасист Энтони.

— Поживем — увидим,— примирительно произнес Алекс.

— Жаль, что не все могут терпеливо ждать или молча догонять,— как бы вскользь обронил старый флейтист Густав.

Но Андрей понял, что это камешек в его огород, и покраснел. С Густавом никто никогда не спорил, потому что тот говорил редко и мало, но всегда по сути проблемы. Но на сей раз старик изменил себе, и речь его была на порядок длиннее обычных высказываний.

— Бог дал человеку голос, чтобы тот смог выразить им душевные переживания. Но, как вам известно, звук можно переводить в символы, а потом из символов извлекать его обратно. И от того, как вы сможете извлечь звук, зависит, какая будет произведена музыка. Вот почему общение через дирижера подразумевает родство душ. Самый лучший результат от этого общения — возможность услышать не слышанное в музыке. Вероятнее всего, что Стив пока не нашел оркестра, с которым бы смог слиться воедино.

Слова Густава заставили покраснеть не только Андрея, но и других оркестрантов, которые в душе поддерживали гитариста, но вслух не высказывались.

— Лучше приготовьте ноты,— заметил Алекс.— Директор рекомендует Венгерский танец номер пять — любимое произведение Стива Якоби.

— Я где-то читал, что этот танец Брамса использовался властями для вербовки людей в солдаты,— заметил Карл по прозвищу «многостаночник», так как играл на нескольких музыкальных инструментах: литаврах, треугольнике, колокольчиках, бубне и кастаньетах.

— Значит, новый дирижер хочет завербовать нас в свою армию. Я думаю, что на его месте так поступил бы каждый. Разве не так? — с этими словами Энтони обратился к сидящим рядом с ним альтистам.

Но ответа на свой вопрос не услышал. Так как...

— А вот и дирижер,— произнес Андрей, первым заметивший высокую сухопарую фигуру уже немолодого мужчины, выходящего из-за кулис на сцену.

«От директора идет,— промелькнула мысль в его голове.— Наверняка получил от начальства инструкции насчет нас».

«Фи! Какой неприятный тип! — подумала про себя вторая скрипачка Луиза, оглядев с ног до головы Стива Якоби.— Немудрено, что с такой внешностью он нигде долго не задерживается».

«И чего на мужика нападают? — задал сам себе вопрос Густав.— Мне так он понравился. Ничего лишнего ни в лице, ни в фигуре».

— Здравствуйте! — произнес Энтони и с улыбкой поклонился дирижеру.— Меня зовут Энтони. Я — контрабасист.

Слова Энтони и его улыбка вмиг разрядили возникшее было напряжение в коллективе. Стив это почувствовал всей кожей и с облегчением вздохнул. Он вспомнил слова напутствия своего единственного друга Роберта, слепого от рождения, которые тот произнес перед отъездом Стива к новому месту работы: «Я думаю, что на этот раз тебе повезет, и ты найдешь то, что ищешь уже много лет».— «Почему ты так думаешь?» — удивился Стив. «Я же ясновидящий»,— пошутил тогда Роберт.

Дирижер тряхнул головой, и воспоминания спрятались в лабиринте памяти.

— А я ваш новый дирижер. Меня зовут Стивом Якоби. В неофициальной обстановке можете звать меня просто по имени,— скупой представил себя Стив.

Впрочем, никто и не ожидал от него биографических данных. Для этого есть отдел кадров, где работает премиленькая Розалия, у которой за шоколадку можно выудить все сведения об интересующем вас субъекте. Об этом подумали, не сговариваясь, все незамужние женщины-оркестрантки. А их оказалось ни много ни мало, а пятеро.

Оркестр, которым предстояло руководить новому дирижеру, был малого состава, численностью всего сорок восемь человек. Для небольшого провинциального городка существование полномасштабного оркестра экономически нецелесообразно. Но ведь не зря же говорят, что «как велика порою малость, и как великое мало». Все всегда познается в сравнении.

Поэтому знакомство с музыкантами заняло не так много времени.

Дирижер обвел всех присутствующих внимательным взглядом, словно примеряясь, стоит или нет поручать им решение сложной задачи.

— А теперь двести тактов тишины,— произнес Стив Якоби и взмахнул дирижерской палочкой.

Недоумение, помноженное на безмолвие, вызвала команда дирижера у оркестрантов. Никто из них прежде не играл тишину такого объема. Поэтому все замерли и про себя стали считать такты. Конечно, шагами считать легче. Один такт — один шаг. Но для этого надо было покинуть свое место и шагать по сцене. Какая уж тут тишина! Она не будет похожа на застывшую музыку.

Дирижер внимательно вглядывался в незнакомые ему лица оркестрантов. Они были разными: одни хмурые, другие улыбочивые.

«С этими людьми я должен стать единым целым — или расстаться и отправиться на поиски другого оркестра, чтобы услышать звон колокольчика в полной тишине», — подумал Стив.

Пронзительный взгляд дирижера вызывал у оркестрантов разные думы, возникшие как-то вдруг.

Первый скрипач Алекс вдруг осознал, что надо обязательно извиниться перед женой за повышенный тон, каким он с ней разговаривал утром.

А Густава вдруг осенило, что в неприязненном отношении к нему сына виноват он сам, поэтому первым должен сделать шаг к примирению.

Даже Андрей вдруг подумал, что все его неприятности — от чрезмерной болтливости и надо бы поскорее излечиться от словесного поноса...

Когда чужие мысли были прочитаны, а свои только зарождались, чтобы успеть сформироваться до конца паузы, до которого оставалось несколько тактов, Стив услышал звон колокольчика. И хотя он его воспринимал внутренним слухом и мог слышать только он один, это было чудо, которого он ждал всю свою творческую жизнь. То ли от долгого ожидания, то ли от напряжения чувств, но из души дирижера выплеснулась радость и скатилась прозрачной слезой по щеке. Наконец-то он нашел оркестрантов, которые могут с ним одинаково чувствовать и вместе дышать. Улыбка осветила лицо Стива, отчего оно перестало походить на маску. Он был рад, что оркестранты выдержали испытание тишиной. За двести тактов они стали мудрее и добрее.

— А он симпатичный, — заметила вдруг Луиза, повернув голову к своей подруге Марии, такой же скрипачке, как и она сама.

— Да, — подтвердила та. — Как же мы раньше не замечали?

Дирижер с укоризной взглянул на девушек и покачал головой.

— Венгерский танец номер пять Иоганнеса Брамса. Первая скрипка солирует, — громко объявил он и взглянул на Алекса.

Алекс улыбнулся в ответ и коснулся смычком струн своей волшебной скрипки.

Такого исполнения широко известного музыкального произведения Брамса залу еще не доводилось слышать за всю историю существования провинциального театра. Звуки музыки взлетали ввысь к потолку, затем, скользнув по стенам, рикошетом вонзались в сердца и души слушателей, коих в зале собралось около сотни человек: посмотреть на нового дирижера пришли рабочие театра и артисты, не занятые в вечернем спектакле, а также их друзья и знакомые, любители классической музыки.

В первом ряду сидел сам директор театра и с задумчивым лицом слушал «фадиез минор», как он называл Венгерский танец Брамса под номером пять. Когда в зале наступила тишина, которая спустя несколько секунд (столько времени потребовалось онемевшим от восторга слушателям) взорвалась криками и громкими аплодисментами, директор встал и направился к сцене. Подойдя к Стиву Якоби, он крепко пожал ему руку и поздравил с успехом.

— Объясните мне, пожалуйста, — спросил он, обращаясь к оркестрантам, — как удалось так гениально сыграть без единой репетиции?

— Спросите об этом двести тактов тишины, — ответил старый Густав и рассмеялся.

Вслед за ним засмеялись и другие музыканты.

— Да ну вас! — пробурчал директор. — Сказали бы уж, что двести тактов смеха.

— А что? Это мысль! — воскликнул Стив Якоби и взмахнул дирижерской палочкой.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ШАХТЕРЫ
(Глава из повести «Звезда над копром»)

Заместитель главного редактора — завотделом прозы литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей России.

На следующий день начальник шахты Попов Николай Иванович собрал шахтеров в актовом зале.

— Товарищи! — обратился он к ним.— Вчера во второй половине дня, когда началась активная стадия снеготаяния, сбегавшие с полей талые воды через провалы вылились в шахту, и чуть было не затопили двадцатую лаву, где в это время работала бригада Жихарева. И только благодаря умелым действиям бригадира не произошло полное затопление лавы...

— А мне, Николай Иванович, доложили другое,— перебил его парторг.

— Интересно мне знать, Алексей Григорьевич, что же вам такое доложили? — Попов повернулся к парторгу.

— А доложили мне следующее,— начал говорить парторг, неспешно расставляя слова и осматривая зал.— Ситуация была взята под контроль не благодаря умелым действиям бригадира, а действиям навалыщика Петрова. Только действия те были не умелые, как вы, Николай Иванович, говорите, а скажем так, не совсем законные,— парторг сделал небольшую паузу, словно прислушиваясь к притихшему залу, а потом продолжил: — Петров фактически угрожал расправой своим товарищам,— высказался он, и после его слов в зале зашумели.

— Тихо, товарищи, тихо! — начальник шахты постучал карандашом по графину.— То, о чем вы говорите, Алексей Григорьевич, это очень серьезно. Вы фактически обвиняете человека в совершении им преступления. Расскажите нам подробнее, пожалуйста, о том, что вам стало известно? — попросил он парторга. Тот улыбнулся и повернулся лицом к залу.

— Петров здесь? — спросил он. Иван нерешительно поднялся.— А ну, Петров, расскажи собравшимся, какими методами ты призывал товарищей к предотвращению затопления шахты? — потребовал он.

Иван молчал. Он решил, что парторг специально начал публично на собрании рассматривать тот аварийный случай для того, чтобы принять к нему меры за угрозу жизни шахтерам с его стороны. Он решил, что сейчас решается его судьба, и возможно даже дело его передадут в следственные органы, и все сейчас будет зависеть от его правильного ответа, но он не знал, что нужно ответить парторгу, у него не было еще такого жизненного опыта, который помог бы ему выпутаться из сложившейся ситуации. Он не знал, что нужно ответить, чтобы своим ответом не навредить себе, а потому Иван молчал.

— Ну, что молчишь, Петров? Расскажи нам, как ты там угрожал своим товарищам? — задал вопрос уже начальник шахты.

Иван чувствовал на себе взгляды сидевших в зале шахтеров. Кто-то смотрел на него с интересом и любопытством, кто-то с сожалением и сочувствием, и лишь бригадир Жихарев, умело изобразив на лице недоумение, тайно злорадствовал. Он был зол на Ивана. Сразу Жихарев не придавал значения случившемуся в шахте, а позже, когда страсти уже улеглись, он понял, что этим своим поступком в шахте Иван нанес урон его бригадирскому авторитету, а потому самолюбивый Жихарев озлобился на него. Сразу после работы, дождавшись, когда вся бригада разошлась по домам, он, воровато озираясь по сторонам, буквально крадясь, вошел в кабинет к засидевшемуся допоздна парторгу. В течение часа рассказывал он ему о произошедшем в шахте случае, о поведении Ивана, который под угрозой убийства горбылем буквально загнал всех под трещавшую по всем швам готовую вот-вот обвалиться кровлю. Рассказывал о себе и о своих товарищах, рассказывал о шахте все, что когда-то, где-то, что-то и от кого-то услышал. Слушая бригадира, парторг курил одну папиросу за другой, то внимательно вглядываясь в его лицо, то отворачиваясь от него. Иногда он багровел, а иногда наоборот лицо его становилось бескровным. Так и не сказал парторг Жихареву ни единого слова, ни одного вопроса ему не задал. Лишь головой кивнул в ответ, когда тот попросил его никому не рассказывать об их разговоре.

— Ну, что же? Раз Петров не хочет рассказать о своих действиях, тогда расскажу я, — вновь вступил в разговор парторг. Он улыбнулся, изобразив на лице не то улыбку, не то ухмылку. — А было следующее, товарищи. Когда стало затапливать лаву, все растерялись, в том числе и хваленый вами, Николай Иванович, бригадир, — парторг взглянул на начальника шахты. Тот молчал. — А затем, когда затрещала кровля, все и вовсе стали убежать. А стоявший до этого вместе со всеми Петров вдруг схватил здоровенный горбыль и замахнулся им на своих убегающих товарищей со словами: «Сейчас, мол, голову разобью тому, кто первый побежит!» и буквально под угрозой убийства, загнал всех под трещавшую по всем швам и готовую вот-вот обвалиться кровлю, тем самым подвергнув своих товарищей смертельной опасности. Так было дело, Петров? — спросил парторг.

— Да... так, — выдавил из себя Иван, и потупил взгляд в пол. «Ну, вот и все. Я сознался, и теперь меня точно упекут в тюрьму. Как брата Кузьму упекли, так и меня упекут», — решил Иван. Он почувствовал, как его лоб покрылся холодной испариной, а между лопаток струйкой побежал пот.

— Да не трещала там никакая кровля, и ни по каким швам. Просто вода сверху лилась и все, — выкрикнул кто-то из зала. Иван вздрогнул от этих слов и повернулся на голос, но кто именно их выкрикнул, он не определил.

— Правильно! И куда Иван нас не загонял! — раздался другой голос.

— Не угрожал он нам никаким горбылем! — вновь раздался чей-то голос.

В зале стало шумно, поднялся гвалт.

— Ша! Тихо! — вдруг громко произнес Копейкин. — Тихо всем, дай сказать! — Он поднялся со стула. Большой и нескладный, слегка перекосив вниз левое плечо, он глядел на всех исподлобья.

— Ого! Молчун наш заговорил! — выкрикнул кто-то, и в зале засмеялись, но стихли вскоре и присмирели под недобрим взглядом Копейкина.

— Значит, начальник, дело было так, — начал он говорить, обращаясь к парторгу. — Как ты знаешь, мы с Иваном работаем впаре. Я рублю уголек, а он откидывает его. За нами идут крепильщики, они, как тебе известно, начальник, ставят стойки и загоняют под них горбыль. Иногда, когда запарка или лес тяжеловат, им ставить бревна помогаем и мы с Иваном. Так вот в тот момент, когда потекла вода, Петров

как раз помогал крепильщикам ставить стойку, и загонял под нее горбыль. Вот для этой цели он и держал в руках горбыль, а не для угрозы. А что он там в тот момент говорил, никто толком слышать не мог из-за шума бежавшей сверху воды, а значит, не могла слышать и та сучка, что тебе, начальник, насучила. Я все сказал,— проговорил Копейкин и уселся на место.

В зале загудели еще пуще прежнего.

«Правильно Василий говорит!», «Так оно и было!», «Никому Ванька не угрожал, брехня все это!»,— стали раздаваться голоса.

Парторг едва заметно улыбнулся.

— Ну, что же, тогда у меня вопросов к Петрову больше нет,— проговорил он, обращаясь к начальнику шахты.

— Вот и хорошо,— кивнул тот головой.— А теперь, товарищи, вернемся к нашим делам. Садись, Иван, что ты стоишь-то? — обратился он к Ивану, увидев, что тот все еще продолжал стоять.— Так вот, товарищи, у нас на сегодняшний день сложилась непростая ситуация с затоплением шахты тальми водами. Нет никакой гарантии в том, что не произойдет нового затопления. Зима была снежная, а весна, сами вон видите,— Попов кивнул головой на окно,— вступила в свои права, как говорится, на всю катушку,— начальник шахты улыбнулся то ли сказанному им самим, то ли светившему за окном яркому весеннему солнцу.— А поэтому мы решили направить бригаду на расчистку полей от снега. Я понимаю, товарищи, что у нас есть и трактора, и грузовики, которые эти поля расчистили бы за час, но сейчас так сложилась обстановка, что технику на поле мы загнать не сможем. Всю бригаду мы снять тоже не сможем, а потому на расчистку снега выделим несколько человек. Начнем расчищать поле между деревнями Подываньково и Городна. Там сейчас самая сложная ситуация. На поле есть низина и она сильно заснежена. Через час-два припечет, снег начнет таять, и в низине вновь соберется талая вода, а под тем полем как раз наша двадцатая лава. Так что, товарищи, сами понимаете, задача не из легких и очень ответственная. Думаю, что бригадиром туда можно направить Жихарева, а вместо него...

— Считаю, что Жихарев будет более полезен в шахте. А вот старшим на роль бригадира в поле предлагаю направить Петрова,— перебил начальника шахты парторг.

— Да, но Петров молодой и не опытный работник. А дело-то очень серьезное, Алексей Григорьевич. Боюсь, что Петров не справится,— высказал сомнение Попов.

— А вы, Николай Иванович, не бойтесь. Нужно смелее доверять нашей молодежи,— произнес парторг.

— Ну что же, давайте поступим так, как вы, Алексей Григорьевич, предлагаете,— согласился Попов.— Давайте, товарищи, закругляться и начинать работать, а то и так уже засиделись,— распорядился он.— Петров, подойдешь к главному инженеру, обговорите с ним детали работы в поле. Он в курсе всех дел.

Иван кивнул. Он был взволнован после такого совещания и благодарен своим товарищам за оказанную ими поддержку, а особенно Копейкину.

— Спасибо тебе, Василий,— проговорил он после совещания, пожимая Копейкину руку.

— Пустяки,— ответил тот.— Я сейчас думаю о другом.

— О чем же? — спросил Иван.

— Вместо тебя-то мне кого дадут? Зачем мне нужен другой напарник? С тобой-то мы уже сработались. И зачем Николай Иванович послушал этого парторга?! — удивился Копейкин.— Пойду к нему, попрошу, чтобы тебя оставил со мной в паре. Пусть кого-нибудь другого бугром на-гора ставит. В конце концов, мы с тобой вме-

сте план перевыполняем и шахта плюсует. Что ему еще надо? Зачем все менять? — возмущенно разговорился обычно неразговорчивый Копейкин.

В приемной начальника шахты секретарь — полноватого телосложения женщина средних лет, которую Василий даже не знал, как зовут, сказала ему, что Николай Иванович ушел в кабинет к парторгу, и если он ему срочно нужен, то пусть идет туда же. Василий пошел. Дверь в кабинет парторга была слегка приоткрыта, и из кабинета доносились голоса, разговаривали начальник шахты и парторг. Василий не был человеком любопытным, а еще больше он не любил, когда подслушивают чужие разговоры, но здесь, в данном случае, он был не виноват в том. Он не хотел подслушивать их разговор, но дверь была приоткрыта, а уходить, не поговорив с начальником шахты, Василий не хотел. Из-за двери доносились голоса, пахло табачным дымом.

— Не пойму я тебя, Алексей Григорьевич, что ты за человек такой,— произнес начальник шахты.— Сначала ты устроил Петрову судилище, а потом фактически назначил его бригадиром.

— А ты бы не соглашался со мной, Николай Иванович,— улыбнулся парторг.— Назначал бы того, кого хотел, ведь ты же начальник шахты, а не я,— сказал он и выпустил в потолок папиросный дым. Затем, прищутив глаза, внимательно взглянул на Попова. Наедине они разговаривали друг с другом на «ты».

— Ну, ты же знаешь, Алексей Григорьевич, что у нас в стране все решает партия, которую здесь представляешь ты. И как бы я там чего ни хотел, в конце концов, все будет так, как решишь ты.

— А тогда чего ты от меня хочешь услышать, Николай?

— Не пойму я тебя, Алексей, не пойму! Мы с тобой уже давно вместе работаем, а никак я тебя не распознаю,— Попов потушил в пепельнице окурки и вновь из пачки извлек другую папиросу. Долго мял ее пальцами, а затем прикурил.— Ты осуждаешь действия Петрова или нет?

— Я, Николай, если ты помнишь, воевал. Был политруком стрелковой роты, ранения имею.

— Конечно, помню. Но какое это имеет отношение к нашему случаю?

— Самое непосредственное. Мне на войне тоже приходилось вот так, как и Петрову, угрожая оружием, останавливать убежавших с поля боя бойцов. И стрелять приходилось поверх их голов, чтобы остановить. Под страхом смерти остановить. А иначе нельзя было. Вот и Петров поступил также. Он молодец, хороший парень, этот Петров. Я бы с ним в разведку пошел,— засмеялся парторг.

— Тогда зачем нужно было...

— Зачем нужно было устраивать этот спектакль с разбирательством? — перебил начальника шахты парторг.

— Да. Сразу похвалил бы Петрова и все. А то довел парня до того, что тот, бедняга, от переживания аж покраснел весь, зачем?

— Мне, Николай, хотелось видеть реакцию его товарищей, как они в сложившейся ситуации поведут себя? Не струсят ли под начальственным напором? Не предадут ли парня? Не предали, молодцы! И Копейкин молодец. Как он лихо преподнес нам этот момент с горбылем, представив его не как преступление, а как обыкновенный рабочий момент. А ведь он фактически тем самым дал установку Ивану и всем остальным, в случае чего, чтобы Петрова не привлекли к ответственности, давать именно такие показания. А он среди шахтеров пользуется большим авторитетом,— парторг докурил папиросу и бросил окурки в пепельницу.

— Копейкин судимый. Отбывал за то, что где-то кого-то покалечил, я сейчас уже не помню,— проговорил Попов,— Но авторитет он имеет не из-за этого. Он — настоящий работяга! Норму дает с лихвой! Передовик!

— И товарищем хорошим оказался,— соглашаясь с начальником шахты, добавил парторг.

— Алексей, скажи, а кто же к тебе жаловаться приходил? — осторожно спросил Николай Иванович.

Парторг вздохнул и вновь потянулся к лежавшей на столе папиросной пачке, закурил.

— А тебе очень хочется об этом знать? — спросил он.

— Очень,— ответил Попов, и сжал парторгу руку.— Очень, Алексей. Пойми, мне же с ними со всеми работать, я же должен знать каждого. Кто из них кто? Кто на что способен? Кто на порядочность и подвиг, а кто на подлость и предательство? Кто чего стоит? Пойми!

— Я слово дал этому человеку.

— Клянусь тебе, дальше этого кабинета наш разговор не выйдет.

— Ну, так и быть, скажу тебе. Бригадир ко мне приходил — Жихарев Павел, и рассказал об этом случае с Петровым, да и еще о многом другом, что на шахте происходит,— тихо произнес парторг после довольно долгого молчания.

— Пашка?! — изумился Николай Иванович.— А я о нем другого мнения был! И в бригадиры его выдвинул! А он... — Николай Иванович вздохнул глубоко и, докурив папиросу, поднялся со стула.— Пойду я, Алексей Григорьевич, дела ждут. Ты заходи, побеседуем,— сказал Попов и направился к двери.

— погоди, Николай Иванович, погоди,— остановил его парторг.— Присядь,— он взял Попова за плечо и буквально силой усадил на стул.— Я вот с тобой еще о Петрове поговорить хотел, коли мы с тобой о нем разговор завели.

— Что еще, Алексей, ты узнать хочешь?

— А ты знаешь, что он у нас с тобой не комсомолец?

— Нет, я как-то не вдавался в такие подробности,— с безразличием пожал плечами Попов.— Работник он хороший, а комсомолец он или нет, мне не важно.

— Ты не прав, Николай. Это очень важно, и я думаю, что Петрову уже пора вступать в комсомол.

— В его возрасте люди уже в партию вступают, а ты — в комсомол! — усмехнулся Николай Иванович.

— В партию, всех попало, не принимают. Нужно сначала в комсомоле себя показать, а потом уже о партии думать.

— Ну, так действуй, Алексей. Вызывай Петрова и разговаривай с ним,— предложил начальник шахты, вставая со стула и тем самым давая понять, что разговор на эту тему закончен. Но парторг вновь усадил его на место.

— погоди, Николай, погоди,— произнес он.— Дело в том, что у Петрова отец верующий, в церковь ходит.

— Отец Петрова — Матвей Кузьмич — наш бывший шахтер. Почетный пенсионер, честно отдавший шахте не одно десятилетие своей жизни. А в Бога он уверовал после того, как его завалило в шахте, и он больше суток пробыл под завалом. Все думали, что он уже мертв, а он лежал бревнами и землей прижатый и пошевелиться не мог. Хорошо, что не раздавило его, и воздух к лицу поступал. А когда его откапывать начали, он и подал голос из последних сил. Я тогда, правда, здесь еще не работал, но слышал эту историю от других людей. Вот после этого он и уверовал в Бога.

— Боюсь, там не одобряют,— парторг указал пальцем в потолок.

— А ты, Алексей, не бойся. Фрицев на войне не боялся, а здесь — испугался? — ухмыльнулся начальник шахты.

— Ну, что же, тогда буду разговаривать с Петровым о вступлении им в комсомол,— проговорил парторг.

Случайно услышавший этот разговор Василий Копейкин почувствовал себя неловко, словно он залез в чужой карман, а из-за услышанного о бригадире-доносчике у него возникло чувство негодования. Он решил не встречаться с начальником шахты и, резко развернувшись, пошел по коридору к выходу быстрым шагом, размахивая в разные стороны руками, словно хотел стряхнуть что-то налипшее на них — нехорошее, неприятное, гнусное, подлое.

«Ах ты, сучка продажная! Ах ты, доносчик! Ну, я тебе покажу, мразь!» — возмутился он.

В этот день в шахте он работал с остервенением, с трудом сдерживая ненависть на бригадира, вымещая всю свою злость на угольных пластах и отбойном молотке, который не замолкал ни на минуту. Работавший с ним напарник не поспевал за ним и вскоре, загнанный бешеным темпом Копейкина и ощутивший резкую нехватку кислорода, упал прямо на холодную и грязную землю, хватая ртом, как выброшенная на берег рыба, воздух. Только тогда Копейкин остановился, и сам присел на землю обессиленный. О том, что ему удалось случайно узнать о доносе бригадира Жихарева, он решил никому ничего не рассказывать. Василий сам решил наказать Жихарева, наказать по-своему, только ему одному известным возмездием.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

ИЗРАИЛЬСКИЙ КОЗЬМА ПРУТКОВ

Член редколлегии израильских и российских журналов «Литературный Иерусалим», «ИСПРАГЕО», «Приокские зори», автор 20 книг стихов и прозы, лауреат Бунинской и многих других российских премий. Живет в Израиле, печатается в России, Израиле, США, Франции, Германии, Англии, Канаде, Австралии, Швеции, Дании, Финляндии, Украине, Беларуси, Латвии. Член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников.

1

Сегодня, глядя из Иерусалима в далекое прошлое, я публикую совершенно нескретную переписку моего литературного героя Васьки Брыкина, проживающего в книге «Круговерть комаров над стоячим болотом», с главным редактором — в тот исторический момент — израильского литературного журнала «22» Рафаилом Нудельманом.

Васька Брыкин появился на свет в 1979 году после разговора с Яшей Цигельманом, когда он, член редколлегии журнала «22», сказал мне, что их «элитарное издание» обладает якобы «правом первой ночи». В переводе с языка крепостных литераторов это значило, что авторы как бы обязаны предоставлять журналу каждую новую вещь. Этакая рабская зависимость, согласитесь, закрывала перед ними двери иных, не менее уважаемых изданий. К тому же, опять-таки согласитесь, не очень приятно предлагать в другое уважаемое издание произведение, уже забракованное кем-то, не менее умным и авторитетным.

Тут меня и осенило: вам нужны творческие личности — безличности, знающие только один адрес? Пожалуйста, получите. И, согласуясь с расписанным по учебникам примером из отечественной литературы, я создал среди родных оливок израильского Козьму Пруткова и Ивана Петровича Белкина в одном лице. Поселил его в провинциальном Кирьят-Гате, где жили мои родители, бабушка, тетя Софа с мужем и детьми, усадил за пишущую машинку «Москва» и сказал: «дерзай!» Так появился на свет писатель Васька Брыкин, большой любитель белоголовочки и женского пола. Был он по профессии моряк, по призванию литературный мистификатор, но при этом желал прослыть еще и признанным мастером слова в обеих израильских столицах разом, в Тель-Авиве и Иерусалиме. А чтобы прослыть им, необходимо было появиться во всей красе своего неисчерпаемого таланта на страницах журнала под забойным названием «22», престижного, прежде всего, по версии самих 22-х его верных авторов и столь же верных читателей, коих в то запойное время приходилось минимум по одному (читай: муж — жена) на брата-писателя.

Рожденный экспромтом, «верный человек и живой роман» Васька Брыкин начал с 1979 года регулярно посылать из Кирьят-Гата по почте свои новые произведения в журнал «22». И не кому-нибудь, а лично главному редактору Рафаилу Нудельману.

В результате творческого соревнования с графом Алексеем Толстым и братьями Жемчужниковыми, родителями Козьмы Пруткова, а заодно и с Александром Сергеевичем Пушкином, отцом Ивана Петровича Белкина, под моим неунывающим пером возник первый на русскоязычной улице Израиля диссидентский роман в эпистолярном стиле.

В редакции «22» терялись в догадках: кто это так настойчиво стучится с улицы в их наглухо закрытую для посторонних дверь?

Не располагая возможностью самостоятельно разобраться в литературных достоинствах Васьки Брыкина, рискнувшего без маститого «рекомендателя» штурмовать неприступный Парнас, уважаемые редакторы не печатали ни строчки из его творений, превращая себя на его глазах во все менее и менее уважаемых.

Как же они были ошарашены, когда Васькин «самотек» внезапно преобразился в книгу. Это трудно воспроизвести, но легко вспомнить.

В 1982 году с выходом в свет произведений Васьки Брыкина, но уже под обложкой моей книги «Круговерть комаров над стоячим болотом», литературная мистификация раскрылась.

Книга, естественно, была отправлена с дарственной — Рафаилу Нудельману от Васьки Брыкина. Из провинциального Кирьят-Гата — в столицу средиземноморских литераторов Тель-Авив.

Рафаил Нудельман был несколько смущен, заодно и огорошен превращением никому не ведомого Васьки Брыкина в Ефима Гаммера.

И тут же откликнулся поэтическим посланием:

*«Вася Брыкин — это гений
Выше всех определений!
Как Эйнштейн во время оно
Ниспроверг он все каноны,
Создал новый тип романа,
И за то ему осанна!»*

2

В 1979-ом я не подозревал, что мои мытарства с устройством на работу по специальности, полученной в университете на журфаке, продолжатся еще год, и только с 1 ноября 1980-го я наконец-то официально превращусь в израильского журналиста, оформленного на ставку редактора радио «Голос Израиля». И не завтра-послезавтра, а спустя почти три года, в 1982-ом, выпущу в свет «Круговерть комаров над стоячим болотом», книгу, ставшую в одночасье сенсацией всего русскоязычного зарубежья — от Израиля до Франции, Германии, США. В Америке ее без уведомления автора издали в виде серии тонких книжек под названием «Литературные приключения Васьки Брыкина». А сейчас всего лишь осень 1979 года, и у меня на повестке дня срочная ездка в Кирьят-Гат.

Оттуда, из провинциального тихого города, я отправлю первое послание — «засыл», как пишет Васька Брыкин, в журнал «22». И тем самым наступательно, по Михайло Ломоносову, начну предметно доказывать, что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов еврейская земля родить.

Ассоциация первая

ПО АВГИЕВЫМ КОНЮШНЯМ ПАРНАСА

Эпистолярная повесть в стихах и прозе, рассказывающая о несостоявшейся любви между сильными мира сего и грандиозно известным в мире том Васькой Брыкиным, так и не домогшемся от них сердечного признания.

Засыл первый

Дорогой Рафа!

Пишу тебе по-еврейски, значит — на «ты»...

Как ты знаешь из истории русской журналистики и, надеюсь, не только русской, открытие таланта, а с ним и нового имени, всегда было одним из истинных стремлений толстого, еще не заленившегося от лежки на пыльных полках журнала. Тем более, сейчас, в пору, когда с массовым выездом в семидесятых годах советских людей за рубеж зарождается международная русская литература, столицей которой может стать Иерусалим. Правда, в том случае, если ты поддержишь меня и начнешь публиковать на страницах твоего приятного на вид издания. А не поддержишь, гляди, столицей обозначится Париж или Нью-Йорк. И ты со своим печатным органом окажешься в глухой провинции, как бывало прежде, когда под видом урожденного одессита жил в России, но не в столице ее белокаменной, не в Москве-матушке, а в сторонке, привечаемой скорым поездом — «ту-ту!».

Если я верно понимаю цели и задачи твоего, в будущем всесветного журнала, то журнал — долгие ему лета, от его 22 до 120! — не должен без дрожи душевной поворотить меня назад в безвестность. Ибо журналу при его 22-ух-х! не достает до ровного счета 11-ти зубариков, чтобы литературно-кусачий рот стал мудрым до краев и во всю пасть!

Видя своим критическим оком такое дело, я, Рафа, готов пойти к тебе навстречу и самолично, раз во мне столь острая нужда в танковых войсках нашенской литературы, заменить все недостающие 11, но на условии, что в игру принимаешь на равных. Разумею, конечно, ставка в нашей игре серьезная, и еще какая, зубы! Но не бойсь! Я без подвоха! Свои зубарики на полку не положу. А то противники дознаются и донесут тебе по советской привычке — якобы Васька — обманщик, зубы бережет от Алтаря Отечества, куда живот принято складывать. Поверь мне, Рафа! Я честный, я мОлодец, один из тех, из 33-ти батьки Черномора. Так что не подведу со своими зубариками. А насчет чужих... Эх, раззудись, рука! Да будет тебе, Рафа, известно, я по молодости лет быка с ног валил, когда мы сходились с ним поутру с бодуна.

Свои произведения, написанные, как ты уже, наверное, успел заметить взыскательным глазом, не каким доходягой-скелетиком, а вечным пером, никому я еще не предлагал, памятуя, что ленивые на шевеление мозгой журналы мне откажут в любви и дружбе. Ибо, если журнал не шевелит мозгой, редактор его — одно сплошное самомнение, без проблесков мысли.

Я же нуждаюсь в ином редакторе: с кругозором, с понятием, с игрой воображения! Только человек с гибкими извилинами, стремительной реакцией прирожденного журналиста, лишенный ложного, с отложением сала на физии самолюбия, в силах уразуметь, какие выгоды получит от союза со мной.

Полагаю, ты, Рафа, понял, в какое лабиринтное сердце клоню я со своими приношениями.

Если я не ошибся в тебе с нынешними своими, очень умозрительными представ-

лениями, то мы поладим. И столица международной русской литературы будет провозглашена в древнем Иерусалиме.

Васька Брыкин.

4

Семейные обстоятельства всегда заставляют ожидать лучшего. А тут ни работы, ни денег. Подработка тренером по боксу в поселении Гивон, что под Иерусалимом, практически не в счет. Чек на издание книги — добро неприкасаемое.

А нужно купить то, купить это.

Света, моя жена, на седьмом месяце. И разговоры сплошь не об издании книги, а о коляске, ползунках, детском питании и перспективах, коих в наличии не разглядеть даже в телескоп — не Марс, не Сатурн, не летающие тарелки.

5

Ассоциация вторая

Засыл второй

Дорогой Рафа!

Понимаешь, я малость поиздержался в матерном... извиняюсь, в материальном отношении. Хоть плачь, нет денег! Никак их не нашомеришь в нужном сердцу и душе количестве! (Шомерить — это по-израильски — «сторожить», то бишь, работать охранником.)

Однако, как все транжиры и моты, я отвергаю с презрением копейку, что рубль бережет, и намерен поправить положение — знаешь за счет чего? Нет, не знаешь! За счет безумных начинаний. Посему, беря пример — напрягись, и догадаешься с кого — намечаю открыть для обозрения свой орган, на сей раз печатный «Фаршированные крылья Пегаса».

Приглашаю к сотрудничеству. На тех же ваших условиях. Бесплатно! Но даю слово, тот, кто первым пришлет мне стихи или рассказ, корреспонденцию, либо статью, имеет реальную возможность стать первым заместителем главного редактора, второй, разумеется, не поспеет за первым, и будет признан вторым заместителем, третий, само собой, третьим. А для четвертого — бди и помни! — место уготовлено только в рядах славной, но уязвленной положением редколлегии.

Спешу — пиши, Рафа! Орган — не штука! Будет, я обещаю, и тебе где печататься.

И имей в виду, что именно отсель пойдет международная русская литература. Штаб-квартиру я обустрою в Израиле, а отделения в США, Англии, Франции, Германии.

Как тебе? Нравится? И мне нравится!

Заодно прими также новые творения моего ума, питаемого сердцем и неистощимым творческим духом.

Пока просто Васька Брыкин, верный человек и живой роман,
а через месяцик — гляди уж! — главный редактор
журнала «Фаршированные крылья Пегаса», призванного стать
родоначальником международной русской литературы.

Ассоциация третья

Засыл третий

Приветствую тебя, Рафа, из солнечного Кирыт-Гата!

Имею удовольствие доложить, что придуманное мной понятие «Международная русская литература» мало-помалу складывается сейчас в сознании людей, независимо от того, в какой стране они проживают — в России, Израиле, Франции, Германии, Соединенных штатах Америки, Канаде или Австралии. Произошло то, о чем я сообщал тебе по секретке еще в самом начале нашего эпистолярного знакомства, когда я тебе пишу, а ты мне в ответ молчишь. Правда, и сейчас помыслить еще нельзя, что наша, диссидентского толка, литература, прежде создаваемая в России, а потом под рефрен «Мы не в изгнании, мы в послании» в Иерусалиме, Париже, Нью-Йорке, вернется в Россию и будет себя комфортно чувствовать в своем родном доме. В том отчем доме, из которого мы, теперь уже писатели и поэты разных континентов, вышли в семидесятых годах в кругосветное путешествие, представляя собой разнородный экипаж нового библейского ковчега.

Представляю, с какими айсбергами нам еще предстоит столкнуться. Но при этом полагаю, что команда корабля, подняв творческие паруса, не изменит намеченному курсу, не бросит якорь на полпути к заветному берегу.

Вспомним, экипаж библейского ковчега стал родоначальником всего современного человечества. Кто знает, может быть, и о нас впоследствии будут говорить, как о родоначальниках новой русской литературы, не имеющей уже никаких географических границ, как о создателях высокохудожественных произведений, ставших достоянием грядущей эпохи, уже свободной от советской цензуры. Разве снижается значение произведений Гоголя, Тургенева, Достоевского из-за того, что они написаны за границей? Или Набокова, Алданова, Солженицына, Аксенова, Войновича?

А, Рафа?

Я уехал из Советского Союза в Израиль, когда лидеры государства ошибочно провозглашали, что «создана новая общность советских людей — советский народ». Уже тогда было ясно, что народы искусственно не создаются. Но что можно, так это создать творческое содружество людей различных национальностей, объединенных общностью языка и культуры. Для этого достаточно того, что в нашем мире есть русский язык! И есть мы!

Согласись с тем, что мы есть, и вперед. Но ты молчишь. Опять молчишь, как будто нас нет. В себе я уверен, Рафа: я живу, я существую.

Васька Брыкин,
провозвестник Союза международной русской литературы.

Ассоциация четвертая

Засыл четвертый

Здравствуй, Рафа!

Скажи душа — любезный друг, почему на тебя нашла болезнь-молчанка? Я тебе уже столько написал! Хватит на собрание сочинений, чтобы обессмертить наши име-

на. Я не жадный, славой завсегда с тобой поделюсь, что и делаю, заметь своим трезвым умом, сейчас, на этих страницах. Парнас ведь, который дрызгами засеян, как коммуналка. Мест для всех Пегасов хватит, по Авгиевым конюшням засевающим. Но с тобой никак не договоришься. А с кем, заметь, можно договориться, когда говоришь в один адрес, и все без ответа? Я ведь — скажу тебе по секрету — вывожу на каждом письме симптоматичными, сиречь тайными чернилами — «Лети с приветом — вернись с ответом». Прогладь меж строк горячим утюгом — текст и выявится на бумаге. Но, верно, нет у тебя утюга в наличии.

Тогда без утюга и не между строк!

Пусть мое тайное станет явным. Без всяких лабораторных анализов и химических экспериментов!

Я же, как истинный патриот Израиля, только для вашего журнала старался. Мечтал, чтобы ты и твои члены редколлегии — бойцы незримого для читателей фронта — раскрыли мой недюжинный талант, каковой библиофилы грядущих лет двадцать первого века будут с лупой у глаз выковыривать из всех 22-ух-ух! Ан, нет, ошибся в тебе...

Адю, Рафа! Не хотел печатать меня за патриотизм, потом возмечтаешь печатать за деньги. Те из них, которые не пахнут, пожертвую на свободу печати.

Васька Брыкин,
главный редактор журнала «Фаршированные крылья Пегаса»,
независимого и самого свободного в мире.

8

Алкоголикам — раздолье, язвенникам и трезвенникам — беда. Пей вдоволь, хоть залейся водкой, коньяком, вином. Ходи враскачку, ходи на карачках, хоть по собачьи, перебирая лапами, никакой полицейский в Израиле не остановит, в каталажку не потащит, штраф не выпишет.

Пурим!

В ночь со второго на третье марта 1980 года пошел валить снег. Первый снег на моей памяти в Иерусалиме, небывалая радость в самый карнавальный праздник, когда евреи всего мира отмечают с бокалом и стопкой свое чудесное спасение от всеобщего уничтожения. Было это 2400 лет назад в персидском царстве-государстве, которым правил Ахашверош — царь, не имеющий, пожалуй, семи пядей во лбу. По его глупости и благодаря проискам придворного злодея Амана еврейская община страны была обречена на смерть, но спасение пришло от мудреца Мордехая и его воспитанницы — царицы Эстер.

«В Пурим,— сказано в Талмуде,— надо обязательно выпить так, чтобы не отличать проклятий Амана от благословений Мордехая».

В этот момент, когда мы и наши гости готовы были выпить до предписанных в Талмуде требований, моя жена внезапно надумала рожать.

— Ой, Фима! Приспело! — сказала как-то растерянно.

Я за руль. И — скорей! Скорей!

На четвертом этаже больницы волосатые руки акушера — роста он был выдающегося, два метра, не меньше! — подхватили Свету прямо в коридоре — и в родильное отделение.

Не прошло и пяти минут, как я услышал младенческий крик. И понял: так ликующе способен кричать только мой сын Рон Гаммер.

Человек родился! Первый «сабра» — коренной израильтянин — родился в нашем очень многочисленном семействе.

Тогда я и решил: если мне доведется учреждать литературную премию, то назову ее...

И назвал — «Премия Рона».

ПРЕМИЯ РОНА

Редакция журнала «Фаршированные крылья Пегаса», где главный редактор Васька Брыкин, учредила международную литературную премию имени Рона. Этой — отныне и навсегда! — по-настоящему престижной премии смогут удостоиться только те из кандидатов на бессмертие, кто не столько думает о бессмертии, сколько работает пером и мозгами. Первое и единственное условие: кандидаты принимают участие в конкурсе на общих основаниях. Общих оснований не так уж много — всего одно: необходимо прислать в редакцию свое произведение, не важно — в стихах или прозе. Важно, чтобы оно соответствовало уровню дарования автора. На конкурс принимаются как изданные, так и не изданные произведения. Первые выигрывают! Вторые не проигрывают! А третьих в наличие нет! Итак, седлайте Пегаса, и вперед на Парнас. Славой поделимся — не жадный!

9

Ассоциация пятая

Вскоре после издания «Круговерти комаров над стоячим болотом» — книги о Ваське Брыкине, «верном человеке и живом романе», русском по паспорту в России и еврее по Галахе в Израиле, я получил напечатанное на официальном бланке стихотворное послание главного редактора журнала «22» Рафаила Нудельмана, стилизованное под штиль моего литературного героя.

Публикуется впервые — библиографическая редкость!

ДРУГ ВАСЯ!

*Получивши опус твой,
Спешу поздравить, дорогой!
Выпустить такую книгу —
Не властям в кармане фигу
Показать, как все мы «там»
Норовили «тем» властям.
Полагаю, что пророк
Все же прав был, что изрек.
Хоть и вычеркнул ты, Вася,
Я с Игнатием согласен:
Быть тебе лауреатом,
Знаменитым и богатым,
И тебя прославит хором
Весь писательский наш форум.
(Даже те, кто по злобе
Позавидует тебе.
Есть еще такие, Вася,
В эмигрантской нашей массе).
И врагам твоим назло*

*Потечет к тебе в Гило
Полноводною рекой
Чек на опус новый твой.
Шаг свершил ты эпохальный,
Хоть кому-то и нахальным
Показаться может он.
— Как? — вскричит он, уязвлен.
Ты на эти злопыханья,
Вась, не обращай вниманья:
Хоть и нету чувства ниже —
Зависть, Вася, миром движет!
Так что, может, и завистник
Что-нибудь в отместку тиснет,
А ему в ответ другой
Клеветон напишет свой —
И начнется литпроцесс:
«Кто кого сильней уест!»
Я ж, от зависти свободен,
Говорю при всем народе:
Вася Брыкин — это гений,
Выше всех определений!
Как Эйнштейн во время оно,
Ниспроверг он все каноны,
Создал новый тип романа,
И за то ему — осанна!
Вот он, грянул, наш Мессия —
Брыкин-Гаммер из России!*

*Вася, остаюсь в надежде,
Что напишешь мне, как прежде,
Не взирая на роман.
Остаюсь, Нудельман.*

Добившись полного признания, «верный человек и живой роман» Васька Брыкин тут же откликнулся литературной премией Рона, названной в честь моего сына, которой на равных были удостоены личный его оппонент Рафаил Нудельман и личный его автор Ефим Гаммер, то бишь я.

В денежном эквиваленте премия составляла всего пятьдесят долларов. Вся эта сумма и была переслана по почте Рафаилу Нудельману. Больше Васька, даже после сдачи бутылок в ларек, не смог раздобыть: «оле-хадаш» — новый репатриант. Одно удовольствие, что и пятьдесят долларов — тоже деньги, в особенности, если вручены с Почетным Дипломом лауреата. В сопровождении Васькиных стихов на случай:

*Раз осанна, так осанна!
Петь и я умею то ж.
Рафаилу Нудельману
отдаю последний грош,
ибо он своей осанной
очень в сердце Васьки вхож.*

*По простецки, рад я, Рафа,
что добился ныне права
быть отмеченным тобой.
Руку жму, как прежде, правой,
и готов, как прежде, славой
поделиться, я — такой!
И редакторское кресло,
если станет мне в нем тесно,
мог бы, Рафа, уступить.
Но ведь ты, заметь-ка честно,
на мое не сел бы место.
Так что... Так тому и быть —
на Парнас тропой болезной
будем вместе восходить.*

*Ты условие исполнил.
Стих прислал. При свете молний
я его читал. Уверен,
ты достоин всяких премий.
Но учти, во время оно,
лучше нет, чем... точно... Рона!*

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПРЕМИЯ РОНА

лауреаты (по алфавиту)

Е. ГАММЕР
Р. НУДЕЛЬМАН

3 марта 1983 года

Эта премия была вручена Рафаилу Нудельману точно в указанный срок.
В день рождения — трехлетие — моего сына Рона, первого коренного израиль-
тянина — «сабры» в нашей семье, который появился на свет в заснеженном по-
российски Иерусалиме 3 марта 1980 года.

Лариса Семенищенкова
(г. Брянск)

ЖИВАЯ ВОДА

Родилась 8 ноября 1949 года в поселке Дубровка Брянской области (Россия). Пишет пьесы, рассказы, сказы, сказки, стихи для детей. Автор книг: «Мой театр» (2012), «Анюта-Узорница» (2014), «Волшебный лес» (2015). Лауреат всероссийских и международных литературных премий, в том числе Всероссийской премии «Левша» им. Н.С. Лескова (Тула, 2014). Член Союза писателей России, член международной общественной организации «Союз писателей и мастеров искусств», член Союза писателей Союзного государства. Живет в Брянске. Быль-сказка «Живая вода» адресована детям среднего и старшего школьного возраста.

В селе Красный Рог, бывшем имении Алексея Константиновича Толстого на Брянщине, живут еще люди, которые знают интересные истории о нашем писателе. Слышали они их от старожилков, а те, в свою очередь, от очевидцев. Передаются эти истории из уст в уста от человека к человеку. Запомнился и мне сказ о том, как Алексей Константинович узнал секрет живой воды и нам этот секрет передал. Интересно? Рассказывал старый человек, а я записала. Ничего не прибавила, если только совсем чуть-чуть. Может быть, и вы потом кому-нибудь расскажете. Так живет память о человеке, который сделал много добрых дел для людей и для своей земли.

Вот эта история.

— О необыкновенной силе Алексея Константиновича Толстого многие знают. Еще в детстве удивлял он окружающих ловкостью, меткостью, смелостью, а это в детских играх всегда вызывает уважение сверстников. Был он большой выдумщик, сам придумывал разные ребячьи забавы. Например, ради шутки поднимет своего товарища, перебросит через плечо и бежит с такой ношей, еще и подпрыгивает, как будто лошадка скачет. Весело всем! Если стреляют из самодельного лука, так его стрела дальше всех летит, кажется, что до тучи долетает. Гирию тяжелую поднимал, как мячик. Чем не богатырь! Подрастал Алексей Константинович — силы у него только прибавлялось. Вспоминали дворовые люди Красного Рога, как в юности их барин свободно скручивал ручку и зубья серебряной вилки, гнул подковы, одной рукой поднимал от земли взрослого человека, свертывал пальцами монеты. Иногда подшучивал над крестьянами. Придумал соревнование: садились на траву рядом два мужика, а граф — напротив них. Каждый упирался двумя ногами в его ноги. В руки брали палку и пытались перетянуть барина. А он одним махом перекидывал их через себя, они и опомниться не успевали. Смеялись потом над собой! Совсем не боялся холода. В Красном Роге над глубоким омутом реки присмотрел высокий бережок, прыгал оттуда без страха в воду, купался до самого наступления зимы. Матушка, Анна Алексеевна, очень беспокоилась, чужие люди удивлялись, а ему все нипочем.

То же делал, живя в Петербурге: каждое утро плавал в реке Неве, пока не подступали заморозки. Известно, что был Алексей Константинович отличным охотником, ходил по лесам, не зная страха. Медведя один мог одолеть. Говорят, что предлагал силой померяться самому государю, да тот отказался. Зато, как пришло время, взяли нашего богатыря на придворную службу. Ведь Алексей Константинович не только силу имел, но еще отличался умом и характером добрым. Знал много иностранных языков, стихи складывал. Был пожалован он званием камер-юнкера, а потом назначили его церемониймейстером царского Двора. Помогал он государю устраивать военные парады, принимать гостей заморских, послов из разных стран. Государь сильно им дорожил и не хотел отпускать от себя. Были они неразлучны: вместе на охоте, вместе на приеме важных гостей, вместе на балу...

Вот тут Алексей Константинович и удивил всех. Другие дворяне за счастье, за большую милость почитали при царском Дворе служить, а для Алексея Константиновича то было чистое наказание. Не любил он петербургскую жизнь. Поначалу было ему как будто все тут интересно, да быстро наскучило. Тянуло его к родной природе. Особенно любил Алексей Константинович Красный Рог. Кто бывал здесь у него в гостях, тот соглашался, что райское это место на Земле. Воздух, и тот особенный, причем в любое время года, а про красоту и говорить нечего. Леса богатые, в небе стаи орлов кружатся. Речка Рожок чистая и веселая, а рыбы в ней — видимо-невидимо. Конечно, красоту нашей природы разглядеть надо. Понаблюдать, прислушаться. Посидите на берегу Рожка! Каждую минуту что-нибудь новое объявится. Потянет холодком, налетит тучка, прикроет солнце — побежит по воде рябь чистого серебра. Пробьются лучи — засинеет вода, отразится в ней высь небесная. А там под кустом плеснет хвостом рыба и уйдет в глубину. И всегда кажется, будто с тобой все это говорит на своем языке... Душе радостно, мысли добрые приходят. Иной раз день-деньской бродит Алексей Константинович по лесу и не надышится духом березовым. Встанет пораньше, чтоб не прозевать солнца восход, полюбоваться, как оно играет в чистом небе. А вечером выйдет на крыльцо и стоит долго. Любуется закатом, глядит, как тени от кустов и деревьев густеют, ползут по земле, будто живые. Прислушивается к звукам... Подойдет матушка, Анна Алексеевна, а он и скажет: «Слышишь волка? Хорошо-то как!» Матушка удивится: «Как не услышать? Да что хорошего, сын, в волчьем вое?» Алексей Константинович ответит ей: «Как же! Значит, жив хозяин лесной, вольно ему в густом бору, никого он не боится...» И добавит: «Ведь это все наша земля, родимый край...» Она подумает и опять скажет: «Вот соловей — другое дело». Тут как раз и соловушка защелкает. Слушают оба — не наслушаются. Иногда Алексей Константинович и ночь целую не спит. Сидит в кабинете, пишет свои сочинения под соловьиные песни. И придумывать ему ничего не нужно, тут идут слова из самого сердца. Вот почему в Петербурге, не раз среди шумного веселья, под звуки музыки на каком-нибудь балу вдруг станет он да задумается... И никто не знает, как хочется ему теперь посидеть на берегу речки любимой или оседлать горячего скакуна и помчаться по бескрайнему полю с ветром наперегонки... Вспомнится ему, как бывая в отпуске у своего дяди, оренбургского военного губернатора, Василия Алексеевича Перовского, охотился он в бескрайней степи. Как садился на коня и мчался по степному простору... Чует волю конь, мчит во весь дух, взлетает грива на ветру. И все кругом мило сердцу: и даль неоглядная, и птица, в поднебесье парящая. Как же радостно лететь, будто на крыльях, обгоняя ветер, и нигде не знать преграды!..

Алексей Константинович немало разных стран на своем веку повидал. Был в Италии, Франции, Германии... Чем может заграница удивить русского человека? Есть у нас леса густые, боры дремучие, степи неоглядные и горы высокие, реки чистые и моря глубокие... Города есть великие. Жизни не хватит, чтобы все объехать да обой-

ти. Красоты и богатства у нас столько, сколько и представить невозможно. Чему ж удивляться, что чужеземные охотники до нашего добра во все времена находились. То один захватчик объявится, то другой. Тут, как говорится, гляди да гляди...

Хорошая служба у Алексея Константиновича, но решил он твердо подать прошение государю о своей отставке. Объяснить, что не чины да звания ему нужны, а хочет он заниматься тем, что душа просит: писать про то, как чувствует он и как понимает красоту своей земли. В городской суеде такие сочинения не пишутся, тут нужны тишина и покой сердцу...

Однако вышло все по-другому. Случилась Крымская война. Посягнули враги на российские земли, грозят со всех сторон: на севере с Белого моря, на западе — с Балтийского, на юге — с Черного, с Дальнего Востока.

Не любит русский народ воевать, но защищать свои границы научен. Вот уже сразилась бесстрашная флотилия адмирала Нахимова с неприятельским флотом в Черном море, разбила его в битве великой. Но враги не сдаются, новые корабли собирают. Уж сильно охота им похозяйничать на наших землях прекрасных. Бьются с неприятелем русские воины, но враги свои хитрости имеют, хорошо подготовились. На юге уже вошли они в Севастополь, ступили на крымские берега. Не хватает силы нашим защитникам. Повелел государь собрать в помощь им дружину из лучших стрелков городов русских. Прибыли добровольцы из Архангельской, Вологодской, Новгородской губерний. Из Сибири пришли сильные, смелые люди. Принимали самых ловких и метких стрелков. Отложил и Алексей Константинович свои дела. Не зря же природа наделила его силой богатырской. Обратился он к царю с великой просьбой: разрешить ему отправиться в далекий путь, чтоб силу свою и смекалку применить в святом бою против недругов. Подумал царь. Не хочется ему со своим помощником разлучаться. Честные люди при царском Дворе всегда нужны. Но пришлось разрешить. Понял, что не отступится от своего решения Алексей Константинович ни за что. Знал он его твердый характер. Не отпустишь — тайно уйдет. Принят был Алексей Константинович в Стрелковый полк офицером.

Не задерживаясь, отправилась дружина из Москвы пешим ходом в город Одессу, чтобы морскую границу охранять, и если надо будет, насмерть стоять в сражениях с захватчиками. Неблизкий путь, но других дорог тогда не было. А вот Алексей Константинович задержался, вернулся ненадолго в Петербург. Вспомнил он, что негоже на правое дело отправляться без родительского благословения.

Как полагается, попросил Алексей Константинович благословения у матушки своей, Анны Алексеевны. Поглядела она на сына с тайной радостью. С виду красив, статен. Сила дана ему недюжинная. Смел, ловок он. Слово умеет держать и чести не уронит. Вздохнула она по-матерински и благословила сына на ратные дела. При том наказывала: «Не дело в тяжелую годину для России подле матери сидеть или за царя прятаться. Знаю я, что наши границы беречь — первая обязанность мужчины. Силы тебе не занимать, однако всякое случиться может. Поступай, сын мой, всегда, как сердце доброе тебе подскажет, по совести. Таким Бог помогает». Перекрестила сына, с тем и отпустила. Простился он и с женой своей любимой Софьей Андреевной. И та не стала перечить его решению, только опечалилась и просила беречь себя по возможности и возвратиться с победою целым и невредимым. С тем отправился Алексей Константинович догонять свой полк.

Не думал, не ведал он, где поджидает его беда. Догнал Алексей Константинович дружину у самой Одессы, а от полка, считай, только половина осталась. Выкосила многих страшная болезнь, которая тифом называется. Свирипствовала она в тех краях. Теперь эту болезнь быстро лечат, уже и забыли, что бывает такая, а в то время заболел человек — и как Бог даст. Врачи, конечно, старались, да мало их было; не

хватало ни лекарств, ни докторов. Крепко задумался Алексей Константинович. Как быть? Точно витязь в сказке на распутье. Остаться ли здесь, в городе, чтоб товарищам помогать? Дождаться, пока окрепнут они и тогда вместе двинуться на недругов? Известная есть мудрость: «Один в поле не воин». Да на эту ведь есть другая: «И один в поле воин». Знаем мы, как богатыри былинные в одиночку вражью силу одолевали. Не лучше ль теперь отправиться своим путем? Сложить голову за Отчизну родную, честь отстоять и славу приобрести. На это и матушка благословляла... Вспомнил слова ее мудрые: «В трудности слушай сердце свое...» А что Софья Андреевна просила? — «Береги себя, не рискуй напрасно...» Как же лучше поступить ему? Трудная дума, очень трудная. Ко всему, вместо заболевшего командира полка Алексея Константиновича назначили. Что ж он за командир, если будет отсиживаться да выжидать?..

В раздумье пошел Алексей Константинович к морю. Не подскажет ли оно? Всегда думалось ему лучше возле речки, в лесу или в поле. Прошелестит осинка, погладит щеку ветер, покачает головой колокольчик — как будто утешат, успокоят, тут что-нибудь и придумается. Видит Алексей Константинович: потемнело синее море. Хмурится небо, тучи низко клубятся... Будто сердится волна, бьется о берег, холодными брызгами обдаёт. Думает он: «А ведь немного еще враги подвинулись на земле нашей. Сама природа помогает. Случился накануне шторм на море страшный, новый флот вражеский потрепал. Не скоро оправятся. Вот и теперь штормит. Стало быть, есть еще время. Можно товарищам помочь, ведь его самого никакая болезнь не одолеет. А главное — не бывало случая такого еще, чтобы он в беде человека оставил... Об этом сердце говорит». И только так подумал, как чудо случилось. Алексей Константинович сам рассказывал про это и очень дивился. Вдруг, откуда ни возьмись, налетел теплый ветер, разметал темные тучи, и солнце просияло в небе, озолотив морские волны. Поднимается волна, лучами озаренная, белой пеной ласково у ног рассыпается. И кажется, что вот-вот сказочная золотая рыбка вынырнет из глубины морской... Как будто и показалась уже, да тут же под воду ушла. Или это солнце дразнит?.. Глядит Алексей Константинович на диво дивное, и радостно его сердцу — значит, верно он думает. Решил все разом. Вернулся, сложил свое оружие и принялся ухаживать за солдатами больными, за офицерами. Не зная усталости, помогал докторам. А в добрую минуту сядет подле больного и читает ему стихи свои, что написаны были в счастливое время. Стихи как будто простые, нехитрые: про дождя отшумевшего капли; про бор сосновый, где меж деревьев бежит и журчит ручей; про песни косаря утром ранним; про сердечную радость при звоне колокольном; про то, как однажды коснулась души любовь, подобная дуновению майской ночи, и нет уж в природе ничего, чтобы не дышало любовью... Заметил он, что идет от слов этих чудесная сила. Прислушается больной, и вдруг оживится его взор, как будто забудет на миг свои муки, и захочется ему встать скорее! Вот оно что! Боится, стало быть, темная сила доброго слова! Значит, не зря Бог дал ему вдохновение, вот где пригодилось! И читает он еще товарищам про милые края, где все обильем дышит и реки льются чище серебра; про степные колокольчики, неукротимый бег лихого коня в чистом поле — про то, где нет места злу, а есть одно только добро...

Многие поправляться стали, окрепшие уже в поход отправляются. Да вторая беда налетела, как черная туча. Не пощадила болезнь самого Алексея Константиновича, сразила его силу богатырскую. Что ж, известна злодейка коварством своим. Сколько мог, держался Алексей Константинович, пока не впал в беспамятство. Лечат его доктора, да все хуже дело. Дошла весть о том до Петербурга, до самого царя, узнала про то и Софья Андреевна. Тут же снарядилась она и отправилась в путь мужа поддержать. А как до Одессы добралась, так Алексей Константинович уж и глаз не открывал, и Софью Андреевну не узнал совсем... Плохо. Того и гляди, последний дух испустит. Что

делать? Как быть? Лекарства привезла она лучшие, от государя слова хорошие. Но для болезни и слово царское не указ. Не хочет отступать, крепко вцепилась...

Мечется в бреду Алексей Константинович. Вот уж видится ему, что падает он в темную бездну; или стены каменные давят грудь, вздохнуть не дают; вот уж птица страшная хочет накрыть его черными крылами. То ли ворон это, то ли злой коршун. Отогнать бы, да нет силы и рук поднять... «Эх,— думает он,— узнать бы только, скоро ли победим мы неприятеля, кажется, другого уж мне и не надо». Вдруг посветлело вокруг. Взметнулась к небу черная птица, будто чего-то испугалась. И есть чего бояться ей! Птица белая в небе явилась откуда ни возьмись, смело полетела навстречу врагу. Столкнулись они, и пошла между ними битва не на жизнь, а на смерть. Ударятся друг о друга — черные перья посыплются с неба, затмевают свет белый; ударятся в другой раз — белые перышки полетят. Чья возьмет? Вот черная птица одолевать стала. Видно, много зла у нее, а биться — привычное дело. Слабеет птица белая, все ниже опускается. Смотрит на это Алексей Константинович, и одно желание у него: «Вот бы мне сейчас стрелу мою, какая еще в ребячьих забавах долетала до самой тучи!» И только так подумал, как в руках его оказались лук и стрела легкая, послушная. Натянул он тугую тетиву и, не мешкая, послал стрелу к цели. Замер на мгновение злодей, а крыльев расправить не может. «Долетела стрела!» — радуется Алексей Константинович. А белая птица, собрав силы свои, клюет противника, бьет его крылами. Крутится он, уворачивается, да вот уже камнем летит к земле. Вот его и совсем не стало, только перья еще кружатся, разметает их ветер во все стороны... И тут послышались отовсюду крики радости. Видится Алексею Константиновичу, как дружина его наступает на вражьи полчища. Узнает он лица товарищей, которых лечил, не жалея сил своих. Одного, другого, третьего... «Теперь бы мне коня моего вороного! — думается ему. — Помочь бы дружине! Жизни за это не жалко!» Тут же явился перед ним его верный конь. Подхватил седока — откуда у того сила взялась? — и помчал, что есть мочи. Летит, земли не касаясь, обгоняя ветер; вот они уже впереди всех! А храбрые воины, увидав своего командира, быстрее настигают неприятеля, бесстрашно врезаются в их полчища, бьют захватчиков. Обратились в бегство разбойники. Разве кто устоит против силы великой нашей богатырской! Слово «Победа!» далеко слышно... Но вздрогнул внезапно конь и рухнул на всем скаку оземь, как подкошенный, сбросив седока. Настигла его пуля злодейская. Лежит воин один на поле брани, и опять подняться не может. Видно, вся сила его битве отдана. Но не страшно Алексею Константиновичу, а радостно. «Наша взяла! — думает он.— Не испотчут враги поля чистые, не будет их власти в краю родимом!» Жалко коня вороного, друга верного, да ведь сослужил он свою службу добрую, не напрасно растили его и холили. Теперь бы и с матушкой повидаться. Выйти бы на крыльцо дома родного, прислушаться — жив ли хозяин лесной? Радуется ли соловушка? Подставить бы лицо ветру вольному, степному, охладить жар. Да как подняться? И видит: склоняется над ним дева прекрасная, что никаким пером описать невозможно. Руки ее будто крылья лебединые, глаза, точно синяя гладь морская; венец ясной звездой украшен, а под косой — вот так диво! — месяц блестит... Как будто видел он ее раньше. Точно, знает ее. А дева улыбнулась и молвит: «Ты не коршуна убил — чародея подстрелил!» Знакомые это слова, очень знакомые, и говорит красавица, будто реченька веселая журчит... «Значит, нет больше зла на нашей земле», — понял Алексей Константинович. А дева прекрасная подносит к его лицу чашу со студеной водой. Ловит он губами капли прохладные, и с каждой капелькой легче ему дышится, силы прибавляется... «Так вот она какая, живая вода!» — подумал Алексей Константинович.

Тут и открыл глаза. Сидит у его изголовья не сказочная царевна, не прекрасная королева, а жена любимая, Софья Андреевна. Одета скромно, платочком косы по-

добраны, а очи, что звезды ясные. Слезы по щекам ее текут, а сама улыбается. Берет его за руки и слова от радости не может вымолвить. Миновала беда! Рада-радешенька Софья Андреевна, рады товарищи. На поправку дело пошло!..

А пока Алексей Константинович силы набирался, у врагов ее убавлялось. Известное дело: война никому впрок не идет. Много уже людей побито, много орудий, кораблей уничтожено. А русские все сопротивляются, хоть силы на исходе. В одном месте отступают, а в другом наступают. Согласились неприятели подписать мир. Восполнить потери, передохнуть, а главное — разведать-вызнать секрет русских: почему нельзя их победить силой несметной; останется один — и тот не сдастся. Кажется, восстают из мертвых и становятся опять в строй...

Много времени с тех пор прошло. Армии иноземцы собрали мощные, орудия придумали смертоносные, начинали войны не раз, а вот секрета так до сих пор и не разгадали. И не разгадают никогда. Потому что никогда не поймут они русского человека. Не числом наша армия сильна и не одним оружием, не одной силой богатырской. Богатыря тоже сразить можно. Илья Муромец, и тот сиднем сидел тридцать лет, встать не мог. Это хорошо понял Алексей Константинович. Потому, когда вернулся он в Красный Рог, попросил все же отставку у государя и много произведений написал про то, что бессмертно на земле только одно добро. А те русские солдаты и офицеры, которым помог Алексей Константинович с болезнью справиться и которые остались живы после боя великого, тоже вернулись в родные места и подумали: «Ничего. Еще пригодимся мы Отечеству славному. Заменяем в бою погибших воинов, если надо будет». И слово сдержали. Вырастили они сыновей прекрасных, передали им свою тайну, так что не оскудела земля русская храбрецами. А силу нашу судьба не раз проверяет, закален русский человек испытаниями. Природа, и та бывает к нам сурова, неласкова. Как придут холода, завоют ветры, начнут бураны хозяйничать: поломают деревья, птиц, зверей испугают. Нанесут снегу — замрет все. Кажется, жизни конец, и помощи прийти неоткуда. Но терпелив русский человек. Непременно дождется. И выйдет солнце: кругом белым-бело на всей земле, и конца-края нет свету белому... Столько простору, что не нарадуется душа. Ветру вольно на земле нашей, птицам в небесах просторно, зверю в лесах свободно и человеку хорошо. Может, оттого и живем мы долго на своей земле. И будем жить. Знаем мы секрет, где живую воду найти, когда беда придет. Про то Алексей Константинович и написал свое стихотворение в Красном Роге после похода своего. Вот послушайте:

*Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!
Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!*

Ведь тут что ни слово — то живая вода для русского человека. Мы этот секрет хорошо понимаем. Разве не так?

